

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**КУРГАН-ТЮБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. НОСИРИ ХУСРАВА**

На правах рукописи

ТАГОЕВА ТАБАССУМ МУЗАФАРОВНА

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ
И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ**

**Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое сопоставительное языкознание**

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора филологических наук.

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
Джамshedов П.

Душанбе – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Введение	5-11
Глава I. Структурно-семантическая организация ФСП количественности в английском и таджикском языках	12-65
1.1. Категория количества в философском и логико-математическом освещении.	12-26
1.2. К теоретическим предпосылкам проблемы количественности в языкознании.	26-39
1.3. Проблемы теории поля в современной лингвистике	39-46
1.4. Структура ФСП количества в сопоставляемых языках	46-58
1.5. Структурно-семантической организации ФСП количества в сопоставляемых языках	58-61
1.6. К методам сопоставительных исследований количественной лексики	61-65
Глава II. Отражение категории количества в системе числительных	
2.1. Место числительных в ФСП количественности в сопоставляемых языках	66-111
2.2. Выражение количественных отношений в системе числительных разноструктурных языков	73-77
2.3. Генезис числительных в английском и таджикском языках	77-84
2.4. К вопросу о структурном моделировании словопроизводства числительных	85-86
2.5. Структурно-словообразовательные модели числительных в таджикском и английском языках	86-92
2.6. Структурные модели словопроизводства числительных в сопоставляемых языках	92-111

Глава III. Репрезентация количественных отношений в системе именных частей речи и глагола	112-222
3.1. Количественные слова в системе частей речи	111-125
3.2. Количественные отношения в системе имен существительных.	126-137
3.2.1. Понятие о лексико-грамматических разрядах	138-159
3.2.2. Отражение категории количества в существительном	159-160
3.2.3. Существительное, лишённые категории числа	160-162
3.2.4. Существительные, обладающие категорией числа	162-165
3.2.5. Существительные, обладающие двумя разноструктурными формами числа	166-174
3.2.6. Сочетания количественных числительных с существительными в сопоставляемых языках	175-189
3.3.1 Категория числа в именах прилагательных	189-193
3.4.2. Выражение категории числа в глаголе	193-204
3.5.3 Категория числа в местоимениях	204-223
Глава IV. Нумеративы в сопоставляемых языках	
4.1. Система нумеративов в сопоставляемых языках	224-268
4.2. Структура микрополя нумеральности в сопоставляемых языках	229-236
4.3. Классификация нумеральных существительных в сопоставляемых языках	237-251
4.4. Структурные модели количественно-именных сочетаний с числительными и собственно нумеративами в сопоставляемых языках	251-252
4.4.1. Двухчленные сочетания	252-256
4.4.2. Трёхчленные сочетания	256-259
4.4.3. Адвербиально-нумеральные сочетания AdvNumN	259-260
4.4.4. Прономинально-нумеральные сочетания: PrNumN	259-262
4.4.5. Адъективно-нумеральные сочетания: AdjNumN	263-267
Заключение	269-275

Использованная литература	276-305
Справочная литература	306-310
Условные сокращения	310

ВВЕДЕНИЕ

В современном лингвистике развиваются исследования системных отношений и функциональных свойств языковых единиц различных уровней, их семантической корреляции вообще. Сопоставление – типологическое изучение этих единиц относится к наиболее актуальным разработкам современной науки о языке.

В теоретическом наследии современной лингвистической науки сложилось неоднозначное отношение к изучению системных отношений и типологических свойств разноструктурных языков, в частности, в области лексики. Связывая факт тесной зависимости словаря различных языков от нелингвистической реальности, лингвисты еще совсем недавно отрицали типологический подход к исследованию лексики. Примечательным в этом отношении является утверждение, что лексика – это «область непрочно связанных между собой единиц, целостная характеристика которых представляется весьма затруднительной» [Martinet 1962, 87], а также констатация факта, что лексика – это как раз тот остаток, который получается после вычленения и рассмотрения, явно структурированных уровней языка.

На современном этапе благодаря развитию самой типологической теории в целом, которое произошло благодаря накопленному опыту выявления лексико-семантических категорий и интенсивному вовлечению в орбиту исследования широкого круга разнотипных языков, лексический уровень подвергается усиленному типологическому анализу. С другой стороны, сами типологические исследования разноструктурных языков способствовали утверждению в языкознании прежде всего признания системности самой лексики. Кроме этого, общетеоретическое положение о первичности в слове лексического и вторичности грамматического значения, вытекающее из того обстоятельства, что только лексика более или менее непосредственным образом связана с передаваемым в языке содержанием. Естественно

предположить, что именно в плане лексики лежат фундаментальные черты языковой структуры, обуславливающие собой максимально широкую совокупность более частных признаков-координат других уровней [Кацнельсон1972,118].

В силу этого для дальнейшего развития лексической семантики ещё более важным и плодотворным становится скрупулезное сравнительное изучение крупных категориальных явлений в лексико-грамматической системе разноструктурных языков, тщательно выявляя черты сходства и различия, охватывающих основные уровни структуры языка, уделяя при этом особое внимание характеру пересечения отдельных микросистем и в их взаимодействии.

Известно, что понятие числа, количества и связанные с ним слова является предметом обсуждения и в математике, и в философии. Но это понятие совокупности является одним из основных морфологических категория в языке (Абдуллоева М.Н, 1980, с 90).

Во всех исследованиях по морфологии русского, английского и таджикского языков особо внимание ученые уделяли вопросам категории числа. Так, в исследованиях разных ученых А.А.Шахматова, Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского, А.А. Реформатского, И.И. Мешанинова, А.В. Бондарко, Л.Л. Булганина, В.В. Виноградова, Л.В. Щерба, А.В. Исаченко и Ш. Рустамова, М.Абдуллоева, М.Косимова, Х.А. Умарова, Д.Хочаева, Д.Саймуддинов, Сиёев Б, М.Х.Султонов и ряда других уточнены категория числа в таджикском языке и её грамматические особенности.

Все более возрастающий интерес к типологическим исследованиям не случаен для современной лингвистики, так как оно дает возможность исследователю более чётко вскрыть сущность описываемого явления, уточнить специфику содержательной структуры каждого из сопоставляемых языков, определить изоморфные и алломорфные свойства, характерные для систем сравниваемых языков.

Настоящая диссертация посвящается исследованию языковых единиц, выражающих понятие количественности в рамках микросистемы категории нумеральности, анализу взаимоотношений и закономерностей ее функционирования в разноуровневых языковых единицах на материале разноструктурных английского и таджикского языков.

Количество и понятие о нем на протяжении многих столетий привлекали внимание учёных-исследователей различных отраслей лингвистики и других сфер науки. Количественные слова, составляющие основу категории количественности, известны в науке давно. Об этом свидетельствует обзор целого ряда исследований известных авторов, которые занимались историей возникновения количественности, ее функционированием в языке и т.д.

Однако многие аспекты этой категории не нашли однозначного решения, что бесспорно подчеркивает актуальность избранной нами темы исследования.

В таджикском языке мало уделено внимания изучению категория числа в сопоставлении с английским языком.

Таким образом, недостаточная разработанность проблем, связанных с таким сложным и мало изученным явлением как категория количественности и её репрезентация в системах сравниваемых языков обусловила выбор темы диссертации.

Из вышеизложенного вытекает обоснование **актуальности** настоящего диссертационного исследования.

Цель исследования – выявить изоморфные и алломорфные свойства выражения категории количественности в английском и таджикском языках путем исследования структурно-семантических и функциональных характеристик категории нумеральности в сопоставляемых языках.

Цель исследования определила решение следующих **задач**:

- установить критерии выделения количественных слов в исследуемых языках;

- выявить арсенал средств выражения количественности в плане межязыкового изоморфизма и алломорфизма;

- установить роль системных семантических отношений в формировании структуры категории количественности, раскрыть принципы и структурно семантической организации этих средств, в английском и таджикском языках, функционально-семантическое поле далее (ФСП) количественности в английском и таджикском языках;

- осуществить семантическую классификацию лексики, выражающей количественность с позиции её полевой организации как структурно- семантического образования;

- охарактеризовать категорию нумеральности в структуре ФСП количественности, определить место числительных, установить структурно-словообразовательные модели числительных в таджикском и английском языках;

- выявить количественные отношения в системе нумеральных слов и установить их классификацию в сопоставляемых языках.

Объектом диссертационного исследования в настоящей работе является описание лексических единиц со значением количественности на различных уровнях языковой иерархии на материале английского и таджикского языков.

Предмет исследования- структурно-семантическая, грамматическая и функциональная характеристика количественных слов со значением нумеральности в английском и таджикском языках.

Для достижения цели и решения поставленных в работе задач по изучению семантики и функциональной характеристики количественной лексики, используется целый комплекс **методов и приёмов анализа**, выработанных в современном языкознании.

Ведущим в настоящем исследовании явился **сравнительно-типологический метод**, применение которого помогло определить сходные и отличительные особенности структуры исследуемых языков. При необходимости наложения и многоступенчатого развертывания словарных дефиниций применялся **метод компонентного анализа**. При определении статуса ФЕ использован метод фразеологической идентификации. Для моделирования лексических единиц широко были использованы элементы **трансформационного анализа**. Интерпретация языкового материала осуществлялась посредством таких классических методов исследования, как **метод наблюдения и метод эксперимента**.

Материалом для исследования послужили лексические единицы с количественным значением, полученные методом сплошной выборки из лексикографических источников и художественных произведений современных английских, американских и таджикских авторов. Использовались в основном толковые, энциклопедические, фразеологические, двуязычные и другие англо-таджикские и таджикско-английские словари.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые:

- выявлен и обоснован категориальный статус количественной лексики в исследуемых языках;
- осуществлён системный структурный и функционально-семантический анализ исследуемой категории в плане её внутриязыковой и межязыковой реализации системой разноуровневых средств, объединённых на основе единой категории;
- описана и проанализирована реализация лексического значения количественности различных лексико-грамматических разрядов слов, таких, как числительные, существительные, прилагательные, глаголы;

- предложена лексико-семантическая классификация лексики, выражающей количественность, с позиции ее полевой организации как структурно-семантического образования.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в дальнейшей разработке общей теории и методики сопоставительно-типологического изучения разносистемных языков. Значимость исследования заключается также в дальнейшем углублении нашего представления о системном характере языка, в целом, и о системности лексического уровня, в особенности, об органической связи лексических и грамматических явлений. Результаты исследования способствуют дальнейшему углублению представлений о категории ирреальности в системах обоих сравниваемых языков, а также позволят внести определенный вклад в решение общих проблем лингвистической семантики и функциональной лексикологии.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования материалов, теоретических положений и результатов исследования при ведении научных изысканий в области общего и сравнительно-типологического языкознания, германистики и иранистики, в вузовских курсах «Сравнительной типологии английского и иранских языков», «Современного английского языка», «Современного таджикского языка», «Лингвистического анализа художественного текста», в спецкурсах и спец семинарах по сопоставительной грамматике английского и таджикского языков.

На защиту выносятся следующие положения, отражающие актуальность научную новизну, практическую значимость и другие и отличительные особенности диссертации:

1. Категория количественности является лексико-грамматической категорией и как общеязыковая универсалия, входит в состав функционально-семантических полей любого языка.

2. ФСП количества в сопоставляемых языках многообразны и систематизируются в иерархии отношения, в пространстве которой нумеральная количественность представляет ядро образующей.

3. Инвариантное значение нумеральной количественности реализуется в иерархически образованных семантических признаках: величины, веса, вместимости, высоты, глубины, длины, интенсивности, объема, площади, размера, роста, силы, скорости, яркости и т.д.

4. Категориальное значение нумеральной количественности реализуют разноярусные иерархические организованные средства, ядро которых составляют числительные, разграничивающиеся спецификой способа обозначения и выражения количественности; особой мобильностью характеризуются также имена существительное.

5. Парадигматические и синтагматические исследования количественной лексики в английском и таджикском языках выявили как черты изоморфизма, так и существенные черты алломорфизма.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 35 статьях, 17 из которых опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, и трех монографических работах автора.

Материалы исследования также обсуждались на теоретических и научно-практических республиканских и международных конференциях (Казахстан 2007 г., Албания 2009 г., Санкт-Петербург 2012 г., Душанбе, Российско-Таджикского (славянского) университета-2007-2015 гг.) и на ежегодных конференциях профессорско-преподавательского состава Курган-Тюбинского государственного университета им. Носира Хусрава (2007-2015).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, список использованное литературы, справочное литература, условные сокращения всего 310 страница компьютерные печати.

ГЛАВА I

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФСП КОЛИЧЕСТВЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Категория количества в философском и логико- математическом освещении

Наиболее полным и функционально ориентированным описанием лексических единиц является их представление в виде системы взаимосвязанных семантических полей, «иерархических структур множества лексических единиц, объединённых общим (инвариантным) значением» [Новиков 1999:238-246].

Лексическая система каждого языка представляет собой совокупность семантических полей, включающих в свой состав определённые лексические группы, объединяющие номинативные единицы на основе общего семантического признака. Исследованию парадигматических, синтагматических и других объединений слов посвящено много научных работ: труды В.Г. Гака, В.Н. Денисенко, Э.В. Кузнецовой, В. Порцига, И Трира, А.А. Уфимцевой; Ф.П. Филина, Г.С. Щура, М.Н. Абдуллоевой, Ш.Рустамова. и др. Однако для характеристики лексической системы языка требуются последовательное описание различных семантических полей с точки зрения их системного строения, структурной организации, лингвокультурного компонента и места в лексико-семантической системе языка.

Пифагор утверждал, что «всё рождается из числа», числа-начало и элемент всего сущего. По мнению Пифагора, «числа первичны по отношению ко всей природе, элементы чисел суть элементы всех вещей, и что вся Вселенная-гармония и число.» [Философия древнего мира 1957-112]

Количество является одной из важных философских категорий, сформулированных Аристотелем [Аристотель Т. 2.1978]. Количество традиционно является объектом междисциплинарных исследований, о чем свидетельствует разнообразие терминов, означающих указанную категорию, например, в философии и логике-количество, в математике-величина и число, в лингвистике-количественность.

Количество как понятийная категория, выражающаяся средствами языка, является предметом лингвистики. И.А. Бодуэн де Куртенэ высказал идею о необходимости выяснения соотношения языкового и математического количества; «вместе с количественным математическим мышлением следует рассматривать и количественную сторону языкового мышления», он утверждал, что «исследователь, интересующийся количественностью языкового мышления, должен искать им языковые соответствия» [Бодуэн де Куртенэ 1963:312-313].

В настоящее время в лингвистике сформировалось такое языковое направление, как функциональная грамматика, для которой характерен ономазиологический подход. Предметом исследования данной грамматики послужило функционирование языковых единиц и языковой системы в речи. Основным понятием и методом функциональной грамматики является функционально-семантическое поле, в рамках которого выделяются функционально-семантические категории. Новой задачей для исследователей является изучение механизма функционирования системы языка. В рамках функциональной грамматики исследование единиц английского, таджикского русского языков является актуальным. Следует отметить, что в вышеназванных языках недостаточно исследована именная количественность, как одна из подсистем функционально-семантического поля квантитативности, как полевой системы в комплексе её семантических функциональных, лингвокультурных характеристик, формирующих национально-культурную семиотическую парадигму и до сих пор не существует

специальных теоретических исследований, посвященных вопросам категориальной семантики количества в русском языке.

Количественные отношения предметов, их признаков, действий-факты объективной действительности. Категория количества одна из тех категорий, которые являются результатом познания свойств объективного мира. Объективно существующее количество получает в языке специфическое отражение, образующее языковую категорию количества.

Количество-одно из древнейших понятий, отражающих познание объективного мира. Количество в разных языках может выражаться различными средствами. Эти средства имеют не только определённое сходство, но и обладают определёнными особенностями, обусловленными спецификой языков и национально-культурными различиями.

Тела объективного мира, начиная с самой большой звезды и кончая мельчайшей частицей, обладают определённой формой, длиной, объёмом, массой. Количественно сравниваться могут и качественно однородные вещи, и качественно различные в каком-то отношении, но сходные в иных отношениях: скажем, по весу, твердости, а также путём деления объекта на части. Значит, каждый предмет объективного мира обладает количественным признаком, а также это количество всегда связано с качественной определённой предметом. Следовательно, то или другое количество есть множество, если его можно сосчитать, и величина, если её можно измерить.

Количество выражает внешние, формальные взаимоотношения предметов, их частей, свойств, связей: число, величину, объём, множество, класс, степень проявления того или иного свойства. Количественные характеристики познаются путем исчисления или измерения. Предметы могут быть дискретными, однородными, подающимися счёту. Наряду с этим существуют явления и вещества,

аморфность непрерывность, неоднородность которых не позволяет их сосчитать. Только дискретные предметы непосредственно считаемы, вещества поддаются счёту лишь при условии их предварительной дискретизации с помощью единиц измерения (сравните: **два яблока, но два литра молока**) (Кацнельсон, с. 138.) Исчисление, таким образом, бывает прямым и косвенным. Измерение возникло давно и сыграло большую роль в практической деятельности людей. Без измерения нельзя было обойтись ни при создании орудий труда, ни при постройке жилищ и дорог.

Количественные отношения предметов, их признаков, действий, являющихся фактом объективной действительности, изучаются в ряде наук: математике, физике, астрономии, географии, а также-философии и филологии. Человека окружает объективный, существующий независимо от его сознания материальный мир. Непосредственной реальностью мира являются процессы, события, факты, данные в их пространственно-временных, количественных параметрах. Любой предмет объективного мира обладает количественными характеристиками. Человек на всех этапах истории своего развития связан с процессом счёта окружающих предметов и различных измерений.

Категория количества - философская категория, являющаяся результатом познания свойств объективного мира.

В толковых словарях русского языка, справочниках количество определяется следующим образом: «Количество-мера чего-либо, счетом, весом, по величине или объёму» (Даль,с.331.) «Количество – категория, характеризующая предметы и явления внешнего мира со стороны величины, объёма, числа» (Ожегов, с.276.). «Количество – категория, выражающая внешние, формальные взаимоотношения, предметов или их частей, а также свойств, связей: их величину, число, степень проявления того или иного свойства» (Большая советская энциклопедия.Т.12.1973, 3 624, с.420.). «Количество. 1. Категория, характеризующая предметы и

явления внешнего мира со стороны величины, объёма, числа, степени развития.

2. философской: Определённость предметов, изменение которой осуществимо в пределах данного качества предмета» (Словарь русского языка, в четырех томах. Т.2, с.73.).

Основной количественного мышления является объективная дискретность, расчленённость вещей и процессов. Количество выражается числом, заключающим два основных смысла: меру общности, однопорядковости элементов, дискретности при их сопоставлении друг к другу и отдельности (реальной или вымышленной) объекта, его свойств и отношений на однородные элементы, относительно независимые от его качества. Число 5%, выражающее, на пример, количество 5 человек, - это не- что слитно – нераздельное, не просто нечто одно, а специфически раздельное единство качественно однородных пяти единиц.

Большим достижением в социальной практике было познание числа. А.А. Реформатский о значении числа писал: «Без числа немыслимы не только любая наука, но и любое значение, любое отношение к жизни. Число дает не только меру вещей, но и простую связь явлений, и здесь неизбежно связано с числом развитие человеческого мышления от диффузно – предметных попыток первобытного человека до современного понимания числа и чисел, во всем математическом и философском многообразии числовых возможностей» (А.А. Реформатский, с. 385.).

Понятие числа возникло в простейшем виде еще в первобытном обществе и изменялось на протяжении веков, постепенно обогащаясь содержанием. На первых ступенях развития понятие числа определялось потребностями счета и измерения, возникавшими в непосредственной практической деятельности человека. Затем число становится основным понятием математики.

Ф.Энгельс, [Диалектика природы, госползоват М150-5] выступая с критикой взглядов немецкого мелкобуржуазного идеолога Е. Дюринга о возможности вывести всю чистую математику непосредственно из головы, априорно, т.е. не прибегая к опыту, который мы получаем из внешнего мира, пишет: «Как понятие числа, так и понятие фигуры заимствованы исключительно из внешнего мира, а не возникли в голове из чистого мышления». В процессе исторического развития мышления понятие о числе становилось все более и более отвлеченным. Характеризуя язык примитивного человека, виднейшие психологи Л.С. Выготский и А. Р. Лурия замечают, что «язык примитивного человека соответствует его памяти и его мышлению. Он так же точно фотографирует и воспроизводит свой опыт, как запоминает его. Он не умеет выражаться абстрактно и условно, как культурный человек. Например, в языке одного примитивного племени вместо общего выражения «мы» существует множество отдельных конкретных выражений: *я и ты, я и вы, я и вы двое, я и он, я и они*, комбинируемые затем с двойственным числом: *мы двое и ты, мы двое и вы*, и затем множественными: *я, ты и он или они*. Вместо множественного и единственного числа в некоторых языках употребляются формы двойственного, тройственного, а иногда и четверного. Все это стоит в связи с конкретным характером этого языка и с конкретным характером примитивной памяти». По мере того как человек приобретал способность абстрагироваться от отдельных случаев частной множественности, у него все в большей степени созревала идея отвлеченной множественности, которая должна была сформироваться и в языке (в грамматике).

Исторически отвлекаясь от частного и единичного, в языке постепенно зреет категория абстрактного числа, абстрактной единичности и абстрактной множественности. Современное единственное и множественное число в грамматике самых

разнообразных высокоразвитых языков является продуктом этого сложного развития.

Понятие числа связано с понятиями количества, множества и употребляется как категория и в математике, и в философии, и в грамматике.

- Понятие же «категория» восходит к формальной логике, где оно обозначает либо общее логическое понятие, выражающее основные формы и отношения бытия, объективной действительности (например, «материя», «время»), либо группу, разряд явлений, объединенных на основании обобщенного признака.

«Одной из сторон всеобщего бытия, по словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, является целый комплекс количественных преставлений, охваченный, т.е. расчлененный и объединенный (интегрированный) , математическим мышлением.

Математическая количественность многообразна:

1. Количественность размерная, количественность пространственная; без измерений, двухмерная, трехмерная, n-мерная (многомерная); /
2. Количественность времени, длительность протекания некоторого процесса;
3. Количественность числовая, относящаяся одинаково как к пространству, так и ко времени;
4. Количественность интенсивности, степени.

Собственно говоря, все виды количественности сводятся к числу, так как и пространственная, размерная величина, и длительность протекания, и степень интенсивности могут быть вычислены» (И.А. Бодуэна де Куртенэ с. 311.).

В языковом мышлении понятие числовой количественности, по мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, «охватывает определение числа составных частей, или элементов, в сложных образованиях, исследование

взаимных отношений между элементами языкового мышления, определяемых с помощью статистического метода; значение повторения и усиления впечатлений и воспоминаний, связанное с воспроизведением языкового мышления во время обучения между людьми с помощью языка; понятие привыкания, понятие автономности языковых функций. Количественность пространственная и временная, количественность размера и направления также отражается в языковом мышлении» (Бодуэн де Куртенэ, с.315-316.).

Объективно существующее количество получает в языке специфическое отражение, образующее совместно с языковыми средствами его выражения языковую категорию количества, которой, как и всякой категории языка, свойственны план содержания и план выражения. Как уже было сказано выше, содержание категории количества выясняется на основе анализа фактов целого ряда наук, в том числе языкознания. Исследование условий, способствующих реализации значения количества в языках, представляет несомненный гносеологический и лингвистический интерес, так как помогает изучить пути познания количества, глубже познать природу и выявить структуру и семантическую наполняемость языковой категории.

Первые попытки специального исследования категории количества восходят к пифагорейцам, в сочинениях которых содержатся идеи о числе как важнейшей категории. Аристотель даёт следующее определение количеству: «всякое количество есть множество, если оно счислимо, а величина-если измеримо. Множеством же называется то, что в возможности делимо на части не непрерывные, величиной на части непрерывные (Аристотель. с.164.).

С развитием естествознания и математики проблема количества всё больше привлекает внимание учёных, философов. Р. Декарт рассматривает количество как реальную пространственную и временную определённости тел, которая выражается через число, меру, величину.

Эволюция числа наглядно показывает диалектику процесса познания в плане движения от конкретного. Всякое число есть относительно самостоятельная, цельная собранность некоторого множества или раздельное единство количества. При этом количество не тождественно числу; одно и то же количество как величина (например: протяженность при измерении длины) может выражаться в разных масштабах измерения (метрах, сантиметрах), а поэтому и в разных числах. Число есть форма освоения количественной определённости объекта.” Число-понятие, служащее выражением количества, при помощи которого производится счёт” (Словарь русского языка, с.310.).

Понятие числа выработалось в результате долгого исторического развития человечества. На первый взгляд, задача формирования количественных понятий представляется в историческом плане простой. Графическая фиксация количества появляется 25 тыс.-30 тыс. лет назад, в период расцвета своеобразных форм мышления и изобразительного искусства кроманьонского человека. Археологи заметили три лучевые кости волка, на которых около 25 тыс. лет назад каменным лезвием были нанесены линии, как правило, явно образующие группы по пяти линий в каждой. Безусловно, их группировка пятёрками указывает на семь со счетом. Фиксация количества элементов в множестве с помощью нарезок и его обозначение словом - числительным.

В этом случае имеется только один знак (например, нарезка), замещающий единичный объект, и задача состоит в установлении взаимно однозначного соответствия между числом таких знаков и числом объектов. При назывании количества необходимо для каждого отличимого множества специфическое обозначение. Это совсем другая, значительно более сложная проблема. Неудивительно, что на её решение ушло на много тысячелетий больше. Точно так же, как в случае мыслей, для обозначения которых необходимо бесконечное число письменных знаков, в принципе возможно неограниченное количество наименований

для чисел. Одного «взгляда на звездное небо ясной зимней ночью достаточно для наглядной демонстрации впечатления, которое может вызвать большое множество объектов» (Философический энциклопедия с.215.). Но как выразить увеличение числа элементов гигантского множества на одну единицу? Использование для каждой величины своего собственного термина должно было бы вести к тому же хаосу, который угрожал пиктографическим и иероглифическим системам письменности с характерным для них принципам «одно понятие – один знак». Но при счете просто необходимо иметь свой знак для каждого нового множества. С интуитивной точки зрения эта проблема кажется неразрешимой: бесконечное количество обозначений для различных чисел не может быть образовано и выучено в определенный период времени. Множества такого объёма кажутся вообще непредставимыми с помощью средств когнитивных процессов. Ушло несколько тысяч лет, пока возникли первые известные в истории человечества числовые системы. Они появились на Востоке в период расцвета ранних городов - государств.

В наиболее древних микропоэтических традициях числам, как и буквам, предалось сакральное значение: они рассматривались в качестве божественных символов или символов Вселенной, Космоса. «Числа – символ гармонии, порядка в противовес Хаосу. Подобно словам, числа считались неотъемлемыми качествами всех существ и предметов: они управляют не только физической гармонией и законами жизни, пространства и времени, но и отношениями их с Богом, который уподобляется Мировому единству, Высшей истине. Числа – элементы особого числового кода, с помощью которого описываются Вселенная и человек, в древних мифопоэтических традициях число было не только образом мироздания, но и средством его периодического восстановления в циклической схеме развития, средством преодоления деструктивных хаотических тенденций» (Топоров, с.629).

Число является тайной, обладающей сверхъестественной силой, которая может принести как добро, так и зло. Числа заключают в себе определённые «узлы отношений» Вселенной. С точки зрения антропоморфной мифопоэтической Вселенной, число уподоблялось человеку как микрокосмосу. Числа в большинстве культур и религии имеют сложную символику.

Уже египтяне придавали числам особое значение и производили над ними математические действия для подтверждения различных религиозных и философских доктрин. Моисей, Пифагор и Александрийская школа в древней Греции пользовались так называемым теософическим сложением и сокращением. Ср. древние значения чисел от 1 до 9:

1. (единица)- существо,
2. (бинер): 1+1- соединение
3. (тернер): 2+1- размножение,
4. (кватернер): 2+2- закон,
5. (квинкснер): 2+3- знание,
6. (двойной тернер): 3+3- прогресс,
7. (сентенер): 4+3 – истина,
8. (двойной кватернер): 4+4 – рок,
9. (тройной тернер): 3+3+3- познание.

В древности любая комбинация чисел имела магическое значение. Вслед за М.М. Маковским, обратимся к фактическому материалу и рассмотрим все указанные выше мифопоэтические символы числа в индоевропейских языках:

1. Греч. «число» соотносится со значением «мудрость» (мировой разум), др. – англ. «небо; др.- инд.– «гармоничный, справедливый, благоприятный» подходящий»; «определенное время, сезон».

2. Лат. *numerous* “число” соотносится с лат. *numen* “божественная сила” лат. *nomen* “имя” (слово как божественный источник, первопричина возникновения Вселенной).

3. Тох. а кас “число”, латыш. *skaitis* “число”, но авест. *gaera-* «Вселенная», осет. «дерево» (мировое древо – символ Вселенной), тох. а касі причина, первопричина».

4. Русское число, греч. «вселенная», нем. диал. *Giesen* “рыба”(символ спасения, связи макро и микромира) Ср. также: и.-е. Kent-Go)- торжественно говорить «(слово как первопричина божественного создания Вселенной), др. англ. *huls* «жертвоприношение» (последнее слово соотносится с русск. козырь), хет. *Kis* (а) «быть, становиться»; хет. *hassis* «мужчина» арм. *kas* «середина».

5. Прусс. *girbin* «число», кельт. **krab* «религия, вера» (ср. лат. *herba* «трава»: типологически ср.: русск. трава, но нем. *trauen* «верить», *traue* «вера»; др.- сев. *tyf* «лекарственная трава», но нем. *Glauben*, гот. *Ga-laubjan* «верить»); С.**kerb* - “соединять, связывать” (>”гармония”); и.е.*кгр-«сильный» (ср. русск. крепкий); др.-англ. *Hrif* «живот, лоно» (в антропоморфной модели Вселенной – середина, святость); русск. Гриб (космический символ: типологически ср.: лат. *fungus* «гриб», но и. е.* *dhugh-* «судьба»).

Китайская философия и китайская письменность сложились внутри совершенно оригинальной и уникальной культуры, имея минимум контактов с иными духовными традициями. В целом по всем своим типологическим, историческим и даже лингвистическим (воплощение в иероглифы) характеристикам китайская философия отличается от европейской философии.

Всякая философия методологична. В европейской философской традиции роль методологии играла логика, а в китайской-нумерология, т.е. особая теория символизации пространственно-числовых структур, на языке оригинала называемая: Учением о символах и числах.

Аналогом китайской нумерологии в Европе была пифагорейско-платоническая аритмология, или структурология, для которой также центральными были категории символа/ образа и числа.

Вопрос о грамматической категории является одним из наиболее сложных в теоретической грамматике. В русской лингвистике можно выделить различные направления в понимании сущности грамматической категории.

Академик А. А. Шахматов, для которого характерно сближение грамматического значения с грамматической категорией, выделяя в русском языке грамматическую категорию вещественности, относил к этой категории слова:

- а) которые употребляются во множественном числе (дрова, дрожжи);
- б) которые употребляются только в единственном числе (мука, вино).

В качестве грамматического признака вещественности А. А. Шахматов¹ приводил окончание родительного падежа единственного числа на — у (меду, винограду) существительных мужского рода [А. А. Шахматов, 489].

По-другому представляют грамматическую категорию Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковск, А. А. Реформатский. Оно основано на том, что главным, определяющим категории являются не значения, а сами формы: «Формальная категория слов есть ряд форм, объединенный со стороны значения и имеющий хотя бы в частности составляющих его форм собственную звуковую характеристику» [Пешковский, 245].

Академик И. И. Мещанинов, определяя грамматическую категорию, также отмечал, что «при отсутствии формальных показателей отсутствует в языке и сама ими устанавливаемая категория». Но в то же время он делает оговорку: «Но вовсе не все выступающие в

¹ Из трудов по современному русскому языку М.: Учпедгиз, 1952-271 с.

языке понятия выявляются только в формальной стороне грамматического построения, они могут выступать и в семантике слова» [Мещанинов, 195].

А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин дают, на наш взгляд, наиболее удачное определение грамматической категории как «системы противопоставленных друг другу грамматических форм с однородным содержанием, как единство известного семантического содержания и системы грамматических средств его выражения» [Бондарко, Буланин, с. 4].

Итак, единство содержания и формы является необходимым условием грамматической категории. Эта наиболее распространенная точка зрения в различных вариантах была выражена в трудах Л. В. Щербы, В. В. Виноградова,² А. В. Исаченко, Р. А. Будагова, Б. Н. Головина, В. М. Никитовича и др [Щерба, 104-105]. Пейсинова, Залеман, растогова Ш.Рустамов, М.Абдуллоева, М.Қосимова, Карамшоева, Чамшедов П., Тағоева Т, Fowler, Н, Friesch. Glinz, Н Boomfield.

Категория квантитативности является одной из основных категорий мышления человека, поскольку все виды и формы материи характеризуются количественной определенностью. Количественная определенность вещи может относиться как к внешним ее признакам, т. е. к величине, так и характеризовать внутреннюю природу вещей (вес, теплоемкость и т.д.), сами объекты действительности могут быть представлены как в единичном количестве, так и во множестве. Логико-мыслительная категория количества объективируется в языке как языковая понятийная категория квантитативности, которая может проявляться как в грамматическом, так и в лексическом строе языка.

Языковые понятийные категории в языке не существуют изолированно. Они взаимодействуют на разных уровнях языка, поэтому

² Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов. Лексикология и лексикография. Изб. пр. - М.: наука, 1977.-С.166

важно описать не только отдельную логику - мыслительную категорию квантитативности, но и выявить возможные способы взаимодействия признаков различных логико- семантических категорий.

1.2. К теоретическим предпосылкам проблемы количественности в языкознании

Объекты, события, явления, которые составляют непосредственную реальность объективного мира, находятся в определенных отношениях и связях, характеризующихся качественной и количественной определенностью и проявляющихся во множествах, величинах, интенсивности, реализации того или иного свойства. Количественно-качественные показатели, существуя в онтологии в неразрывном единстве, охватывают в бесконечном многообразии мира все виды и формы материи, само бытие и существование предмета, материи непосредственно связано с проявлением определённого качества. В то же время всякое проявление качества является непосредственным проявлением количества, так как, реализуя то или иное свойство, интенсивность этого свойства, всякое качество выражается в определенном количестве, как в наличии или отсутствии составных элементов в пространственно-временной ее характеристике. В явлении материи в пространстве и времени проявляется ее развитие, что выражается в качественном изменении и накоплении количества в предмете, при достижении определенного предела которые могут произойти качественные изменения. Подчеркивая все объёмные онтологической взаимосвязи качественной и количественной характеристики материи, диалектический материализм данную форму существования материи считает одной из основных. Как отражение объективного существования материи категория количества выделяется и как одна из наиболее важных категорий человеческого познания, отражая многоаспектные и сложные явления действительности, формы

ее существования и бытия.

Касаясь вопроса о становлении и выработке категории количества в сознании человека, исследователи предполагают, что предпосылкой для возникновения логической категории количества в сознании человека послужило установление равночисленных, равномогущих конкретных множеств предметов, приводимых во взаимозначные соответствия [Швачко 1982,12]. Выделение этого явилось важным этапом в познании количественных отношений. Впоследствии унификация разнообразных эталонов стала основой возникновения абстрактного счета [Панфилов 1977,14]. Количественные отношения формируются на основе опыта и обусловлены чувственным восприятием природы, отражением ее человеком. При этом диалектика этого процесса устанавливается движением от конкретно-чувственного к абстрактному, а от него –к мысленно – конкретному. Исходя из этого, количественная определенность объектов в отражении природы является основным критерием формирования количественности в сознании человека. В эпистемологии и лингвистике установлено, что у древнего человека понятие числа первоначально возникло как конкретное понятие, имеющее конкретную соотнесенность с конкретным числом, неразрывно связанным с теми или иными предметами [Панфилов1972, 164-208]. Мышление человека отражало те отношения, которые проявлялись между объектами в действительности, а язык эти отношения обозначал определенными средствами. Осознание количественных отношений и практическое их воплощение в языковых средствах у человека ещё с древности выработались двумя путями количественной характеристики: исчислением и измерением. При определении количества посредством счета число становилось основным объектом качественности, так как исчислению подлежат дискретные, однородные, прерывные ряды объектов. Предметы, явления характеризуются особыми способами количественной характеристики -измерения,

определения, величины. Именно эта особенность количественной характеристики отражается у Аристотеля, впервые предпринявшего классификацию категорий. Он утверждает: «всякое количество есть множество, если оно счислимо, или величина – если измеримо» [Аристотель 1975, 162].

Таким образом, количество является одним из наиболее важных категорий человеческого сознания. Как всякая познавательная категория количество характеризуется двунаправленностью, с одной стороны, выделяется как формы и роды существования действительности и, с другой, это осознанная и отраженная человеком окружающая среда, бытие, действительность. Исходя из этого количество находит специфическое выражение в логической и языковой категориях количества, которые как категории языка и мышления образуют диалектически противоречивое единство. Процессы воплощения мыслительных категорий в семантике общенародного языка и передача их языковыми средствами ведут к созданию особой логики естественных языков. При определяющей роли мышления язык представляет собой относительно самостоятельное явление, обладающее некоторыми внутренними качествами своей организации и развития [Панфилов 1977,33]. В то же время понятие количества отражает разнообразные и сложные явления действительности и изучается в различных областях науки. Категория количества или количественность становится объектом изучения и анализа в философии, логике, математике и лингвистике. Она не проявляет одинаковые свойства и признаки в перечисленных областях науки. Исходя из свойственных целей и задач, каждая наука анализирует количество в соответствии со спецификой своей науки. С этой точки зрения для философии количество представляется как понятие, находящееся в развитии и в связи с объектной действительностью, с процессом познания мира. Как общепhilosophическое понятие, количество определяется как «объективная определенность качественно однородных

явлений, или качество в его пространственно-временном аспекте, со стороны его бытия в пространстве и времени» [Философская энциклопедия, 1962, т.2, 52]. Данное определение отражает логическое восприятие количества, представление количества как всеобщей категории, имеющей абстрактный характер и проявляющейся в развитии и в связи с объективной действительностью. Категория количества отражает результаты социального опыта, абстрагирующей мыслительной деятельности посредством языковых единиц. В наиболее близкой, тесной взаимосвязи и в то же время различном представлении находятся в толкованиях и определениях количества и количественности в математике и лингвистике. Однако математика представляет количество в форме символов, т.е. чистых, абстрагированных от, их носителей, пространственных и количественных в своей сущности, формах и отношениях, создавая «теории возможных форм действительности» [Математика 1956, 67]. Количество как лингвистическое понятие в лингвистических исследованиях не нашло идентичного определения. Основными признаками, включаемыми в дефиницию количества, считаются абстрактность понятия числа, характеристики дискретных и недискретных свойств предметов, процессов и признаков, считаемость, измеримость, интенсификация, которые выступают основными параметрами соотношения с категорией количества и полем количественности. Именно эти свойства считает необходимым включить в содержание категорий количества Й. Пете: Он отмечает: «... в общее содержание семантико-языковой категории количества, или количественного поля, входят понятия абстрактного числа и характеристика дискретных и недискретных свойств предметов, процессов и их признаков с точки зрения считаемости и интенсификации» [Пете 1981, 339].

Количество имеет наиболее специфические особенности выражения в логической и языковой категориях. Как результат отражения

мышлением объективной действительности логическая категория отражает результаты познания. При этом она основывается на принципе детерминированности, при которой отображение находит свое соответствие, хотя и не асимметрическое, в отображаемом.

Таким образом, категория количественности, конкретно выраженная в языке и мышлении как отображение количественной определенности в действительности проявляется во взаимосвязи объективного логического и языкового количества. Это взаимосвязь и отношения выражаются в том, что мышление соотносится с действительностью отношением отражения, а язык-отношением обозначения. Количественные признаки познаются путем переработки информации и выражения их результатов в языке. Следовательно, логическая категория обрабатывает социальный опыт, подытоживая его результаты, и отражает их в языковых единицах, которые называются количественными или квантитативными [Швачко,1983,13].

Квантитативные отношения находят в языке свое обозначение, реализуясь в разнообразных, иерархически организованных средствах, имеющих как общие черты, так и специфические особенности в языках различных систем, в том числе и в сопоставляемых здесь английском и таджикском языках.

Что касается лингвистического анализа категории количества, то он прежде всего связан с общетеоретическим осмыслением категории, систематизацией ее содержательной структуры, спецификой их отражения в языке, функциональными ее характеристиками, структурно – сематическими свойствами в языке, языковыми средствами ее выражения и другими. Важными специфическими особенностями категории количества является отражение двойственности понятийных категорий и соотношение мыслительной и языковой категорий в категории количества в языке, что привлекало особое внимание исследователей данной языковой категории в лингвистике. Особой

значимостью объекта исследования, что определило формирование особых методов и подходов к изучению языковых категорий в целом.

Становясь объектом изучения в лингвистике, категория количества осмысливается комплексно на парадигматическом уровне, рассматривается с точки зрения становления и развития в естественных языках, взаимосвязи языковой количественности с планом содержаний языка морфологическими средствами языка, с развитием в структуре и системе языка специфических морфологических категорий. В целом, говоря об языковом обозначении количества, исследователи подчеркивают, что сфера количественности в языках многообразна и пестра и касается всех уровней, языковой структуры: лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса. Сфера количественности в языке охватывает целую серию языковых категорий. Реализуясь в языковых средствах тех или иных уровней, количественность образует различные языковые категории, которые могут быть значительно шире соответствующих мыслительных категорий.

А. Г. Пауль еще в 1880 г. подчеркнул, что когда действительность психологической категории начинает обнаруживаться в языковых средствах, эта категория становится грамматической [А.Г. Пауль 1990, 315], тем самым хотел доказать, что каждая грамматическая категория возникает на основе психологической.

Двойственная природа понятийных категорий отражается и в концепциях О.Есперсена, И.И. Мещанинова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, дальнейшее развитие и окончательное оформление они получили в работах современных лингвистов Степанова Ю.С. [Степанов 1981, 134,238-343] Т.В. Булыжной [Булыжная 1980, 320-355] и особенно в работах А.В. Бондарко [Бондарко 1983, 1984, 1985].

О.Есперсен, устанавливая некоторые языковые категории, которые реализуют понятие числа, подчеркивает универсальность, внеязыковую соотнесенность понятийных категорий, их независимость от более или

менее случайных фактов языков [Есперсен 1958, 58]. К языковым категориям, выражающим понятие числа, О. Есперсен относит: грамматическое число, собирательность, средства выражения множественности, количественные наречия и специальные глагольные конструкции. Разработанная О. Есперсеном теория понятийных категорий как внеязыковых категорий в дальнейшем стала основой становления, системного отношения и систематизации языковых категорий, теории поля и выделения самих языковых категорий, последующие теоретические разработки в этом аспекте в дальнейшем исходили или основывались на понятийных категориях О. Есперсена.

Идеи Бодуэна де Куртенэ о языковом мышлении, в частности о количественности в языковом мышлении, не совпадающие с математической количественностью, сыграли важную роль в становлении функциональной грамматики. Его наблюдения во многих отношениях предвосхищали более поздние исследования понятийных категорий.

И.А. Бодуэн де Куртенэ, стремясь разграничить математическую и языковую количественность, выделяет средства языковой количественности: имена числительные, грамматическое число, собирательность, языковые средства выражения пространственной временной количественности, размеры и направления [Бодуэн де Куртенэ 1963,311-324].

В современном языкознании большое значение для разработки теоретических оснований функционального аспекта языка и понятийных языковых категорий имели труды Ф. Брюно, И.И. Мещанинова, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова и др.

И.И. Мещанинов, излагая в работах 40-х годов теорию понятийных категорий, базирующуюся на его типологических исследованиях, еще более приблизил и уточнил типологическую, лингвистическую сущность понятийных языковых категорий. Он дает подобное определение этих

категорий: «Понятийная категория передается не через язык, а в самом языке, не только его средствами, а в самой, его материальной культуре» [Мещанинов 1945, 14] описания тем самым открывает возможность не только непосредственного языковых свойств понятийных категорий, но и системного охвата и описания лексики языка. Вводя вслед за Есперсеном термин понятийная категория, И.И. Мещанинов разрабатывает специальную концепцию, в соответствии с которой в языке существуют смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и систем форм, а обширным классам слов, выражаемых в языке разнообразными средствами. [Мещанинов 178].

Основное направление изучения языковых категорий, предпринятое в исследованиях до середины XX века, было основано на их логической интерпретации и объяснении. Логический подход при изучении категории количества придерживается также в работах современных исследователей А.А. Холодовича, Т.П. Ломтева, В.В. Новицкой, которые увязывают систематизацию компонентов категории количества в их отношении к мышлению, преобладающее предпочтение оказывается исследованию функциональных свойств компонентов выражающих количество. Основываясь на таком подходе, они предлагают обобщение иерархических отношений между единицами категории количества, выделяя различные типовые и видовые компоненты, организующие частные области или общую систему поля количественности в языках различных типов.

Так, Холодович А.А. предлагает общую теорию множественности и анализирует ее системную иерархическую организацию в языках различных типов. В структуре поля множественности им выделяются антитезы, подразделяющиеся на различные типы. Теоретические основы выделения типов множеств А.А.Холодовичем нашли неодинаковую оценку у последующих исследователей. Многие исследователи в их

просматривают логическую интерпретацию, дедуктивный характер, противоречия обоснования некоторых выделяемых типов и др. [Акуленко 1990,13].

Логическая понятийная сущность служит основанием описания средств выделения количественности также для Т.П. Ломтева, который в соответствии с разрабатываемой им теорией множества подразделяет так называемые квантитативы на 11 групп [Ломтев,1971, 106-116]. Следует отметить более последовательное использование теории множеств в данной работе, что дало возможность четко квалифицировать многие из средств выражения количественности в таджикском языке. В то же время логическая понятийная основа классификации не позволила исследователю глубже проникнуть в лингвистическую сущность рассматриваемой категории.

Собственно лингвистический подход к описанию компонентной организации и иерархических соотношений единиц категории количественности в лингвистике связывают с исследованиями Е.В. Гулыги и Шендельс [Гулыга, Шендельс 1969]. В. Дреслера [Дреслер1968, 51-90], И.Пете [Пете 1981], Л.В.Бондарко [Бондарко 1968], С.А. Швачко [Швачко1982], Клименко [Клименко1982], Кобальеро Диас [Кобальеро Диас 1984], Букреевой [Букреева 1986], В.Г. Биранбаум [Рудаева, Биранбаум 1985, 1988], Н.И. Науменко [Науменко 1984], Н.И. Чернюк [Чернюк 1978], С.А. Жаботинской [Жаботинская 1982] и многих других.

Следует отметить что, начиная с 60-х годов к исследованию категории количества применяют теорию поля. Это не случайно, так как учет признака многомерности и многоаспектности языковых единиц, выражающих количественность, убедительно требовал исследование языковых фактов и явлений, связанных с количественностью в общей системе взаимодействия различных аспектов.

Систематизируя различные аспекты языкового функционирования, впервые полевой подход к анализу количественности применяет

В.Г.Адмони, числительные им рассматриваются как единицы комплексно обозначенных на основе общности семантики, системы словообразования и специфики словоизменения [Адмони 1965,36-37].

Е.В. Гулыгой и Е.И. Шендельс впервые был применен метод описания разноуровневых средств выражения грамматико-семантических полей, в том числе и микрополя «число», в структуре которого выделяются микрополя единичности и множественности, в дальнейшем подробно описывая конститутанты последнего, впервые проводится разграничение средств на периферийные и чистую формы множественности [Гулыга, Шендельс 1969,19-40].

В работе Е.В. Гулыги и Е.И.Шендельс, по отношению к выделяемым языковым категориям применяется метод компетентного анализа семантической структуры, при котором семантическая структура слова понимается как набор элементарных смыслов или смысловых признаков, выделяемых в процессе расчленения содержательной стороны слова [Гулыга, Шендельс 1969,19-40].

В системном представлении в изучении категории количества важное значение имеет работа С.А. Швачко [Швачко 1981,1982], где устанавливаются принципы структурной организации семантического поля количества современного английского языка и определяется место и роль английских числительных в лексико-семантическом поле количества. Достижением исследований автора является то, что работе ограничивается категория количества, как лексико-семантическое поле объединяющее обще-категориальной семой разно-ярусные, иерархически организованные средства, способные выражать количественные характеристики и выполняющие квантитативную функцию [Швачко 1982, 15-16].

Таким образом, начиная с 60-х годов XX в.(в работах А. Адамец, В.Гулыги и Е.И. Шендельс, С.А.Швачко и др). в исследованиях категории количества применяется полевой подход, становившийся

популярным в этот период, при котором сама категория количественности как всякая категория воспринимается как инвариантные категориальные признаки, семантические константы, обладающие языковыми значениями, выраженными различными средствами. Семантические категории универсальны и занимают доминирующее положение в иерархической системе семантической вариативности. Семантические категории, организующие поля, имели неодинаковое название у разных исследователей (лексико-семантическое поле-С.А. Швачко; грамматико-лексическое поле-Е.В. Гулыга, и Е.И. Шендельс,) что определенным образом связано с некоторыми хотя и незначительными отличиями в подходах к определению и соотношению свойства к системе поля.

Из многочисленных работ, посвящённых системному изучению языковых категорий в разноструктурных языках особенно следует отметить исследования А.В. Бондарко, творчески развившего теорию понятийных категорий и последовательно обобщившего ее в аспекте системного восприятия лексической и лексико-грамматической структуры языка, изучения ее элементов в системе. А.В.Бондарко ввел в системное изучение те языковые категории, которые были названы О. Есперсеном и И.И.Мещаниновым, несмотря на большее или меньшее восприятие лингвистикой сущности, понятия семантических категорий, функционально-семантического поля, семантической ситуации, в корне изменившие системное восприятие языковых категорий. Семантические категории - «основные инвариантные категориальные признаки, семантические константы, выступающие в тех или иных вариантах в языковых значениях, выраженных различными (морфологическими, синтаксическими, а также комбинированными) средствами высказывания», [Бондарко 1988, 12]. Семантические категории занимают доминирующее положение в иерархической системе семантической вариативности, составляют базу системного членения изучаемых

значений на пересекающихся и взаимодействующих «областях содержания».

Бондарко Л.В. подчеркивает, что как общие закономерности отражения объективной действительности в человеческом сознании семантические категории обращены как к сознанию и мышлению, так и к языковой структуре. Эта двойственность семантических категорий определенным образом отражается в концепциях исследователей языка. Реализация семантических категорий в языковых значениях подвержена воздействию формы [там же,13]. Формой существования семантической категории является функционально-семантическое поле (ФСП) со сложным соотношением межкатегориальных отношений / Бондарко,1988, 93/. Каждое ФСП охватывает систему типов, разновидностей и вариантов определенной семантической категории, соотнесенную с формальными средствами их выражения /1988,15/. Функционально-семантическое поле Л.В. Бондарко определяется как система разноуровневых средств данного языка (морфологических, семантических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных, лексико-семантических и т.п.), объединённых на основе общности и взаимодействия их семантических функций» [Бондарко 1984,21].

Важным для систематизации ФСП является разграничение функции и значения, основные понятия, составляющие ФСП и представляющие его в языковой структуре. Функция и значение в структуре элементов, составляющих ФСП, находятся в единстве и разнонаправленности, «если значение представляет собой внутренние системные свойства формы, относящиеся к содержательной стороне языка, то функция-это цель употребления того или иного средства или комбинации средств, не обязательно связанная с системно-языковой значимостью» [Бондарко 1989,37-38].

Элементы, составляющие ФСП разнородны, но относятся к той же

семантической зоне, взаимодействуют друг с другом, так как и обладают при всех различиях общими инвариантными семантическими признаками [Бондарко 1983,4].

Л.В.Бондарко отмечает, что ФСП представляет собой некоторое пространство, в функциональном пределе которого устанавливается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля, выделяются зоны пересечения с другими полями, входящими в более широкую систему [Бондарко 1985,16]. Система функционально-семантических полей, выделяемых Л.В. Бондарко, представляет язык как сферу, в которой пересечение идёт в разных плоскостях.

Следует отметить, что разработанный Л.В. Бондарко метод представления языковых семантических категорий как функционально-семантического поля, в котором внутриязыковые значения языковой единицы рассматривается в единстве с её функциональной направленностью, сыграл значительную роль в системном освещении и теоретическом обобщении функционального аспекта языковых единиц, благотворно содействовал изучению семантических категорий, их систематизации в функционально-семантическом аспекте.

Теоретические основы функциональной грамматики, теория семантических категорий и ФСП, разработанные Л.В. Бондарко, подготовили теоретические предпосылки исследования многообразных семантических категорий и ФСП, благоприятствовали современной их трактовке, активизировали практическое изучение установленных категорий в разнообразных языках, в том числе и сопоставительно-типологическом плане функциональное описание языка, изучение функционально-семантических полей анализ их содержания и разновидности стали ведущими направлениями системного изучения в современном языкознании.

Различным аспектам функционально-семантических полей посвящены десятки исследований, в которых важное место занимают

разработка общетеоретических вопросов разграничения ФСП, анализ содержания и функционирования ФСП, функционально-семантическое описание семантических категорий в общем направлении исследования поля нашли самое широкое применение в исследованиях различных уровней языка. Необходимо отметить, что формирование теоретических основ ФСП происходило в период становления теории поля в языкознании, применимого ко всем языкам и единицам языка, особенно к лексике и лексической системе языка [Уфимцева1961;Щур1976].

Функциональное описание единиц различных уровней и ярусов языка нашло свое описание в работах В.В. Акуленко [Акуленко1985, 5-17;1989;], Е.М.Вольф [Вольф1985;], Е.В. Гулыг и Шендельс [Шендельс1969], Ю.Н. Караулова [Караулов 1976;1981;], З.Я. Тураевой, Я.Г. Биренбаум [Тураева,Я.Г Биренбаум] [Тураева,Я.Г. Биренбаум 1981;], Н.А. Слюсаревой [Слюсарева1986]; П.А.Соболевой [Соболева1984;], Ю.С. Степанова [Степанов1981;], С.А. Швачко [Швачко 1983;] Folwer H.W., Crystal D.A., A. Seiffert, L. Leech C.N. Dressker W., Burgschmidt E, Hogg P.M., Hurford J.R. Trier J. Lehrer A. и др.

Одним из основных вопросов в кругу проблем исследования функциональных полей стало изучение ФСП количества, начиная со второй половины XX столетия все больше возрастает интерес к изучению сущности категории количества как логической, так и языковой, анализ лингвистических признаков категории количества, передачи количественных отношений реальной действительности средствами языка и др.

1.3. Проблемы теории поля в современной лингвистике

В последние годы в лингвистике теория поля рассматривается как перспективное направление. Об этом свидетельствует огромное количество исследований, посвященных как общим, так и частным аспектам этой теории. Всё что говорит о том, что данная теория

находится в русле современных течений лингвистической мысли, уделяющих особое внимание семантической стороне языка. Именно возрождение на более высоком уровне интереса к семантике выводит теорию поля на передовые рубежи науки о языке.

Следует отметить, что сфера применения теории поля охватывает практически все разделы науки о языке, что, безусловно, показывает её преимущество перед другими теориями. Поэтому теория поля представляет собой перспективное научное направление, отвечающее всем требованиям, предъявляемым к научной теории, что соответствует современным тенденциям развития лингвистики.

Однако судьба этой теории весьма знаменательна, ибо с самого её возникновения вокруг неё не утихают дебаты. Это совершенно справедливо, ибо сама теория отличается от других широким охватом исследовательского материала. Более того, число конкретных исследований в этой области непрерывно растёт, проявляются различные, порой противоречивые взгляды на этот счёт. В этой связи применение теории поля к конкретному языковому материалу требует предварительного обсуждения некоторых узловых аспектов данной теории и принятий предварительных умозаключений, без которых переход к анализу практического материала представляется преждевременным.

Прежде всего, историю развития теории поля можно условно разделить на два этапа. На первом этапе, главным образом, в основополагающих работах Г. Ипсена, Й.Трира, Л.Вайсгербера, В.Порцига, О.Духачека и других поле рассматривалось как «совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающая определённую область человеческого опыта». [Ахманова 1966, 344.]

Как видно из вышеизложенного, теорией поля начали заниматься немецкие лингвисты; анализ их работ позволяет сделать вывод, что каждый исследователь давал свою интерпретацию данной теории, и

поэтому, разноречивой в их мнениях является очевидным. Так, например, одна группа исследователей трактовала данный термин как совокупность понятий, другая группа-как совокупность слов. При этом Г.Ипсен отмечал, что это лексико-грамматическая группа слов [Ipsen 1924;], Й.Трир [Trier 1931;], О.Духачек [Duchacek 1960;]-лексико-семантическая группа слов, В. Порциг-лексико- синтаксическая группа слов [Porzig 1934,Vd.58;].

Основная цель Й.Трира-основоположника данной теории- при разработке собственной концепции заключалась в поисках критерия для вычленения лексических единиц из общего лексического фонда, которые впоследствии объединялись им в так называемое «словесное поле», заполнившие целиком диапазон «понятийного поля». Все это было разработано на примере анализа группы слов в общем значении «разум, являющийся компонентом понятийного поля «интеллект».

По мнению А.А.Уфимцевой, подобная попытка системного изучения лексики с определением смысловой структуры языка свелась к отказу от языка в пользу логики, ибо исходя из чисто логического осознания содержательной стороны языка невозможно создать метод языковых семантических полей. [Уфимцева 1962,44;]

Наиболее близкой к области языка считается методика, предположенная В. Порцигом, который выделял семантические поля на основе языковых связей между словами.

Следует отметить, что указанные концепции поля противоположны по исходным посылкам и общей ориентации, ибо в одних анализируется понятийная сторона языка, в других - его словарный состав.

Обзор литературы показал, что наиболее полно теория поля разработана в трудах русских лингвистов: А. В. Бондарко, Е.В.Гулыга и Е. И. Шендельс, М.М. Гухман, Ю. Н. Караулова, Г.С. Щура. Все эти работы по праву принадлежат ко второму этапу развития истории теории поля. Эта теория находит свое применение во многих разделах

науки о языке, а именно: в типологических исследованиях [Жеребков 1977,42-53; Кошечая; Дубовский 1980; Расулова 1998], ареальных [Тарасова 1978,71-75], диахронических [Расторгуева 1979, 65-73; она же: 1980] и особенно стилистических исследованиях [Глушак, Семенова 1980.; Гречо 1978; Раевская 1973, Семенова 1977].

Все это свидетельствует о перспективности полевых исследований. При исследовании языкового материала в рамках теории поля немаловажным моментом является проблема определения лингвистического статуса поля, ибо от ее решения зависят многие узловые проблемы теории поля, а именно

- определение границ поля;
- номенклатура его конститuentов;
- характер отношений между его конститuentами;
- взаимоотношение теории поля и некоторых других лингвистических категорий и т.д.

Единой точки зрения на лингвистический статус поля не существует, так как данная проблема в широком масштабе специально, насколько нам известно, не рассматривается в научной литературе. Чтобы установить лингвистический статус поля, необходимо разграничить поле и смежные явления, такие как функционально-семантическая категория и категория грамматическая. Наряду с этим, одним из главных вопросов, связанных с данной проблемой, и от решения которого зависит наше дальнейшее исследование, является вопрос: относится ли поле к языку или оно принадлежит речи.

Рассмотрение статуса поля именно в таком аспекте опирается на замечание Э. Косериу о том, что «многие трудности и противоречия современной лингвистики во многом обусловлены именно тем, что не всегда показывается, к какому именно объекту относятся те или иные полученные лингвистами результаты, а именно: относятся ли они к языку

как к системе, к текстам или же речи».³

Настоящее заключение, сделанное Э.Косериу, вполне оправдано, так как теория поля, как и любая другая научная теория, динамична. Она находится в постоянном развитии, и поэтому, несмотря на многочисленные полевые исследования, еще нуждается в дополнениях и уточнениях.

В частности, это касается и затронутой в настоящем разделе диссертации проблемы лингвистического статуса поля.

Если обратиться к первой проблеме, а именно к проблеме соотношения поля, функционально-семантической категории и грамматической категории, то вырисовывается следующая картина.

Поскольку в основе всех перечисленные категорий лежат грамматические или морфологические категории, то в лингвистической литературе существует тенденция трактовать их как своего рода расширенные грамматические категории. Отмечается, например, что функционально-семантическая категория позволяет пересмотреть «традиционную точку зрения на понятие грамматической категории» и расширить рамки его трактовки до функционально-семантической категории» [Рассказова 1979,48].

Некоторые трактуют поле как восполнение соответствующей грамматической категории. [Медведева 1978,32].

Обзор теоретической литературы по данному вопросу позволяет сделать вывод о том, что при подобных трактовках понятия поля возникает опасность смешения вышеназванных категорий. Поэтому в настоящей работе необходимо высказать наше отношение к данному вопросу.

Как отмечалось выше, понятие функционально-семантической категории впервые было введено А.В.Бондарко, который использует также и термин «поле». Рассмотрим эти два термина более детально.

³ Цитата заимствована у (Селиверстова 1980, 278)

Термин «поле» трактуется А.В.Бондарко как способ существования функционально- семантической категории [А.В.Бондарко 1971]. Следовательно, эти два понятия у данного ученого отождествляются. В таком случае функционально-семантическую категорию можно интерпретировать как некую скрытую языковую систему, а поле-как её проявление на поверхности. Иногда А.В. Бондарко и другие лингвисты употребляют оба термина как абсолютные синонимы. [Бондарко:1969,246-256; Mattusch 1977,132-140]. Если обратимся к другой паре терминов, а именно к функционально- семантическим категориям и грамматико-лексическим полям, то анализ работ наших предшественников убедительно показал, что эти явления используются ими как идентичные. Однако, следует заметить, что термины, используемые для их обозначения, не отражают данной идентичности.

Если определение «функционально-семантический» подчеркивает не только семантическую, но и функциональную общность конститuentов, то термин «грамматико-лексическое поле» наиболее точно отражает сущность рассматриваемого явления: потому как термин «поле» сам по себе означает совокупность семантически однородных средств, то понятие «грамматико-лексический» характеризует природу формирующих поле языковых единиц. В этом смысле понятие «функционально-семантическая категория» оказывается односторонним, т.к. ничего не говорит об её межуровневом характере. Несмотря на разнообразие типов и некоторый разнобой в их описании, все же можно утверждать, что их исследователи исходят из единых принципов, на которые опирается теория поля.

Более сложные отношения существуют между грамматическими категориями и грамматико-лексическим полем. С формальной стороны различие между полем и морфологической категорией очевидно, о чем исчерпывающе сказано А.В. Бондарко: «Морфологические категории относятся к одной стороне языка - морфологической - и к одному

языковому уровню - уровню слова как словоформы. Функционально-семантические же категории представляют собой более широкие языковые сферы, куда заходят как морфологические категории, так и взаимодействующие с ними и связанные с ними семантико-функциональной общностью элементы, относящиеся к иным сторонам и уровням языка». [Бондарко 1971, 10.]

Итак, как явствует из вышеизложенной цитаты, существенные расхождения между грамматическими категориями и грамматико-лексическим полем объясняются различным подходом к исследованию **ЯЗЫКОВЫХ** фактов: в первом случае семасиологическим, то есть от знака к понятию, во втором - ономасиологическим, то есть от понятия к знаку. [Жеребков 1977,42-53]

Рассмотрим вторую проблему, которая самым непосредственным образом зависит от первой, а именно: относится ли поле к языку или оно принадлежит речи.

По мнению исследователей, описание поля должно предполагать прежде всего его структурирование в системе языка. При этом прежде всего необходимо определить компоненты поля, то есть объединяемые им языковые средства и их группировки, структуру поля, как особого рода системы. Сюда следует отнести следующие проблемы: определение центра и периферии, связи между языковыми средствами - компонентами поля, пересечения с другими полями, состав семантических категорий охватываемых данным полем, их иерархия, семантическая структура поля и т.д. Однако всего этого недостаточно.

Современные исследования наряду с системно-языковым «полевым конструированием» предполагают и проекцию на речь. Дело в том, что здесь важно показать, как элементы данного поля представлены в высказывании, каким образом они реализуются, взаимодействуя друг с другом и с элементами других полей, включаются в содержание высказывания. Другими словами, исследование в рамках данного поля

будет представлено наиболее полно лишь в результате анализа функционирования соответствующих языковых средств.

Наряду с этим, представляется правомерным предположить, что разно-уровневые единицы вступают во взаимодействие, благодаря особым свойствам, присущим именно им как единицам языка. Проявляющееся в речи их взаимодействие существует в языке как потенциальная направленность данных единиц на взаимодействие, т.е. в виде определенных связей. Оно не является чисто контекстуальным явлением, а виртуально существует в языке как имманентное свойство языковых единиц, актуализирующихся в речи. Поэтому языковые единицы разных уровней объединяются в поле не столько по понятийному признаку, который часто носит экстралингвистический характер, и не по общности функции, т.к. определенную функцию могут выполнять языковые средства, по природе своей для нее не предназначенные, а вследствие общности языкового значения.⁴

Все вышесказанное позволяет считать, что поле принадлежит к языку как к системе, онтологической характеристикой которого оно является. Структура поля не зависит от речи, а только проявляется в ней.

В связи с этим, поле определяется нами как сложная совокупность взаимодействующих языковых элементов, объединённых общностью семантики и функции.

Все это, на наш взгляд, поможет более строго и дифференцированно подойти к изучению категории ирреальности с наиболее полным охватом всех сторон изучаемого явления.

1.4. Структура ФСП количества в сопоставляемых языках

Количество - одна из наиболее важных категорий человеческого создания и наряду с категориями предметности, причины и следствия,

⁴ Подробнее об этом (Бондарко 1976, 208 и далее).

необходимости и случайности, определенности, пассивности, локативности, обусловленности и др., принадлежит к универсальным категориям, в основе которых находится реальная действительность во всем многообразии ее репрезентации.

Количественные отношения фактически пронизывают всю структуру языка и организуют ее во всех сферах системного представления и являются показателями системности самой языковой структуры. Хотя с другой стороны, охват всей языковой системы, проявление в различных структурах и уровнях языка, обуславливают крайнюю многоплановость категории количества, количественных отношений.

Количественные отношения отражают разноплановые и сложные явления действительности, что определяет многоаспектность представления самих количественных отношений, многообразие их проявления в реальном мире, полиобъектность их изучения и привлечения к исследованию.

Эти отношения определенным образом освещаются в общем и частном языкознании, устанавливаются принципы структурной организации ФСП количества в разносистемных языках, выявляются закономерности логической и языковой категории количества, раскрываются способы выражения количества в языке, рассматриваются составляющие поля количества, их закономерности, связи и свойства, анализируется система инвариантных значений, выражающих ФСП количества и на их основе выявляются структурная организация поля количественности, ее системная организация и иерархические отношения составляющих компонентов и единиц, определяются их конститuenty, исследуются круг инвариантных значений и функционирование ФСП количества в различных языках. Важное место исследование ФСП количества занимает в сравнительно-типологическом направлении анализа разноструктурных языков.

Разноплановость и полиобъектность категории количества, прежде всего, проявляется в том, что в языковом выражении и средствах она охватывает понятия абстрактного числа, характеристику дискретных и недискретных свойств предметов, т.е. всего многообразия количественных проявлений в объективной действительности, связанных со считаемостью, измеримостью и интенсификацией. Эти понятия и их проявления в объектной действительности включатся в дефиницию термина количества и охватывают круг семантических признаков категории количества в языке (см. приведенное выше определение И.Рете категории количества [Рете 1981,339]. Языковое понятие количества как абстрактного числа, но не в абстрактном представлении, а в его соотнесенности с характеристикой дискретных и недискретных свойств предметов как проявление считаемости, измеримости и интенсификации считаются основными ядрообразующими признаками организации количественности и категории количества в исследованиях и других лингвистов. Количество в общезыковом понимании не является свободным от указаний на качество, что связано с сигнификативным типом значения количества в языке, проявляющегося в нахождении своего денотата лишь в словосочетании [Акуленько, 1983,11].

Специфика семантической организации значения в структуре количественных слов в отдельности и в количественных отношениях или в ФСП количественности, в целом связанная с особым соотношением денотативного и сигнификативного значений в поле, обуславливают сложную природу языкового знака в них. Генезис от предметного к количественному значению, вытеснение предметного значения неопределенными, а затем и конкретными числовыми значениями является особенностью организации семантической структуры количественных слов.

Как логико-философские, так и языковые определения структуры

содержания понятия количества относят признаки и свойства характеризующие сложную структуру взаимоотношений явлений отражаемых этой категорией к действительности. Исследование категорий количества характеризовалось неодинаковым, специфическим отражением имеющихся признаков в тех или иных лингвистических исследованиях.

Выше мы остановились на подходах к отражению специфических особенностей категорий количества, прежде всего признака многоаспектности, в лингвистических исследованиях. В целом, характеризуя учет лингвистической особенности ФСП количества, многие исследователи допускают односторонность в анализе, когда в основу анализа ставят какое-либо отдельно взятые или несколько неполных признаков поля, некоторые признаки или конститuentно составляющие характеризуются противоречиво, что связано с недостатками методов, применяемых к изучению. Наименее определенным и наиболее противоречивым в исследованиях остается анализ понятия множественности, одного из ключевых понятий данного функционально-семантического поля. Исследователи отличают, что под это понятие подводятся разнообразные явления (Акуленко 1989, 151). Действительно понятие множественности в лингвистических исследованиях истолковывается настолько широко и разнообразно, что оно охватывает не только чисто грамматическую категорию множественного числа, но включает и логическую интерпретацию категории множественности. Так некоторые исследователи в это понятие включают грамматическое множественное число, оценку количества как превышающего норму, нумеративность приблизительность и др. [Гулыга, Шендельс 1969, 40; Рете 1981, 341-342; Полянский 1984.38], хотя в других работах грамматическое множественное число соотносится со статальностью. В ряде исследований количественные отношения сводятся только к системе грамматических форм слов, ограничивая тем

самым охват импликации категории количества системой средств выражения количественности в морфологических формах слов. При подобном подходе к исследованию количественности выявляются особенности количественных отношений, выражаемых грамматическими формами при противопоставлении значения единственности-множественности [Игнатъева 198,].

Несмотря на свои достижения в общетеоретической интерпретации категории количества и разработке теории множества, классификации, категория множественности, принятая А.А.Холодовичем, носит логический характер. Применяя общую теорию множественности, А.А.Холодович выделяет 6 антитез, подразделяющихся на 12 типов множества: 1) определенное-неопределенное множество, где первое конечно (*горошины-горох*); 2) множество предметов-множество предметное, где второе- множество одинаковых частей, создающих один предмет (*руки-грабли*); 3) множество конкретное, т.е. сплошное-дискретное (*зверье-японское хитобито* 'люди, сравните "каждый человек"); 4) множество однородное-неоднородное (*поля-лес и вода*); 5) множество арифметическое, как сумма слагаемых-алгебраическое, как совокупность (*земляника-лыжи*); б) множество тотальное, охватывает всю совокупность-партитивное, охватывает определенную часть совокупности (*столы-три стола*). [Холодович 1946, 20]. Следует отметить, выделяемые им типы, сведенные в антитезы, имеют дедуктивную основу. При этом некоторые из них соотносятся с логической понятийной категорией и существуют только в парадигматических ассоциациях, на что указывают последующие исследователи категории количества и множества, в частности [В.В.Акуленко 1990,13-14]. В целом те же логические основы определяют интерпретацию множественности в работе Т.П.Ломтева [Ломтев,1972].

Лингвистическая основа количественных отношений в английском языке с целью определения места и функции числительных в этой системе

ярко проявляется в исследованиях С.А.Швачко, которая, определяя системные отношения и связи компонентов - данной категории, устанавливает парадигматические и синтагматические отношения в пределах количественности в, английском и таджикском языках. В ее работах важное место занимают типологическое разграничение системы языковых единиц. Выражающих определенное (конкретное) количество, на основе их семантической оппозиции [Швачко1982]. Қосимова М.Н., Рустамов Ш., Саймуддинов Д, Сиёев Б., Хочаев Д., Абдуллоева М., Nida E.A., Mattusch. H. J, Martinet A.A, Trier Y, Seiffert L, Hogg P.M, Ipsen Y, Jespersen O, Lehrer A и др.

З.Я. Тураева и Я.Г. Биренбаум выявляют признаки, которые характеризуют семантическую структуру количественности, исходя из выявляемых семантических оппозиций: 1)расчленённости/ нерасчлененности; 2) кардинальности/ ординальности; 3) внешнего количества/ внутреннего количества; 4)определенности; 5) суммарности/ дистрибутивности; 6) однородности/ неоднородности/ [Тураева, Биренбаум 1985].

Квантитативные значения в работах указанных авторов находят свое реальное описание. В то же время следует отметить, что языковые количественные отношения в них интерпретируются очень широко, выходя за пределы чисто квантитативных отношений, охватывая также качественно-количественные отношения, которые приравниваются к количественным отношениям. Исходя из этого, в названных работах выделяемые семантические признаки не всегда находят своё расположение на плоскости поля количественности. Иерархические соотношения компонентов поля количественности в них раскрыты недостаточно точно.

Попытка проникнуть в лингвистическую сущность языковой категории, используя положения логики, усматривается и в классификации В.В. Новицкой, которая распределяет лексику,

обозначающую количественность, на четыре поля. Выделяемые поля фактически являются универсальными классами, в основу разграничения которых ставится понятная их соотнесенность: классы величины, мощности величины, множества, мощности множества. Несмотря на универсальную понятийную основу, классификация, предлагаемая В.В. Новицкой, охватывает не все поле количества, а только часть его. Метод, применяемый при классификации ФСП количества, не представляет возможность установить структуру поля количества во всем объеме [Новицкая 1978]. Основой для классификационных признаков не всегда выбираются реальные соотношения составляющих компонентов. Для многих работ характерна противоречивая, часто эклектическая интерпретация основных понятий в структуре категории количества, что приводит к их смещению или недостаточной конкретизации места количественной единицы в структуре ФСП количества. Так, категория множественности воспринимается в работах как чисто грамматическое понятие множественного числа, или как понятие приблизительности неопределенности, нумеративности, плюральности, тотальности и т.д. Сюда же включают и субъективную оценку количества [Полянский 1984,38; Семенова 1982, Новицкая 1978; Холодович 1946, 20]. Классификация семантической градации количества нередко основывается на факте и принципах, охватывает разные основания, под одно родовое понятие подводятся совершенно различные виды количественных единиц или выражающие разные свойства и признаки количественных отношений /Полянский 1980/. До сих пор еще недостаточно раскрыты признаки и установлены принципы разграничения неопределенного количества, которое именуется как размытое количество [Науменко 1984], или смешивается с плюральностью, приблизительным количеством [Тураева, Биренбаум 1988, 117;] и с тотальностью [Семенова 1982, 122]. Важным аспектом классификации ФСП количества, характеризующим семантические

взаимоотношения между организующими его компонентами с точки зрения интенсивности включения основного признака поля и выражения основного или включенного значения, является разграничение языковых единиц поля на составляющие центр или периферию. По теории В.Г.Адмони, одним из первых установившим данный признак для понятийных категорий, поле грамматических единиц как отражение центробежной структуры концентрации признаков от центра к периферии представлялось в виде концентрических окружностей на плоскости. Исходя из этого, учет центра и периферии при концентрации всех совмещающихся в одной единице признаков считается важным признаком рассмотрения полевого структурирования [Адмони 1964, 49]. Соотношение центра и периферии в структуре ФСП нашло свое разграничение, в том числе и в структуре поля количества. Так, конститuentы, составляющие это поле, в зависимости от способа реализации числовых сем, С.А. Швачко подразделяются на центральные, являющиеся носителями общих числовых и демензиональных сем числа и величины, и периферийные конститuentы, представляющие частные градуированные репрезентации количественных признаков [Швачко1982,15-16]. Таким образом, понятие количества отражает разноплановые и сложные явления действительности и изучается в различных областях науки. Важное место отводится ему и в лингвистических исследованиях, так как количественные отношения, пронизывающие и организующие язык как систему [Кошечкина,1972,49], представляют собой многоплановое явление. В лингвистической литературе нашли свое описание различные аспекты структуры и функционирования категории числа. Исследователи на материале разных языков стремятся раскрыть способы выражения количества в языке, определить иерархическую организацию категории количества в языке, выявить компонентную организацию ФСП количества описать способы представления количественности и количественных слов в

различных языках, выявить представленность различных подкатегорий в структуре данного поля, охарактеризовать семантическую организацию поля количественности и выявить систему семантических признаков, организующих поле количественности и др. в то же время исследование категории количественности к настоящему времени еще остается актуальной проблемой, обнаруживаются некоторые аспекты данного поля, не нашедшие своего освещения в исследованиях. Одним из актуальных вопросов исследования категории количественности является классификация структурно-семантической организации данного поля. ФСП количества в языке имеет неоднородно представленные значения не только в организации центра и периферии, оно разнопланово также в реализации различных частных аспектов, характеризующих общее понятие квантитативности. В структуре количественности важными составляющими являются такие понятия, как единичность и множественность, собирательность неопределенная и определенное количество, точное количество, приблизительность количества, четкое и разные количества, нумеральность, неопределенное большое и неопределенное малое количества и другие. Учитывая это многообразие, семантической организации, в исследованиях предприняты различные классификации, в целом определяющиеся отсутствием единого подхода. Как отмечалось выше, большинство исследователей при классификации ФСП количества придерживаются логического подхода, исходя из положений логики, что не представляет возможности проникнуть в языковые категории и отразить лингвистические закономерности ФСП количества, некоторые классификации, не охватывают полноты классификационных признаков поля количественности, так как анализ семантической организации поля недостаточен и не выявляет семантические особенности поля. В большинстве работ в основу классификации ФСП количество ставится не общекатегориальный признак поля, а в лучшем случае один из

дифференциальных признаков. Существенным недостатком имеющихся работ является также разноличие в употреблении терминов, отсутствие единых требований к их использованию. Хотя наиболее приемлемым по отношению к категории количества стало определение ее как функционально-семантического поля, однако нередко при определении места данной категории в общей системе классов семантических полей она относится к лексико-семантическим полям [см. Швачко 1982,15], что приводит к смешению двух категориальных понятий системы поля, терминологической несогласованности в именовании компонентов и единиц иерархической организации категории количества, часто связанной с недостаточным раскрытием и установлением классификационных семантических признаков выделяемых компонентов общей системной организации ФСП количества. Выявляются и другие недостатки и недочеты, влияющие на качество классификации и ее лингвистическую пригодность.

Стремление к системному анализу лингвистических особенностей ФСП в разносистемных языках наблюдается в коллективных работах. В.В. Акуленко [Акуленко 1985,5 -17;1992,1989], С.А. Швачко и др. Данная работа в наибольшей степени отражает основные структурно-семантические особенности поля количественности, представляет общую структуру функционально-семантического микрополя количественности в европейских языках из многогранных типов квантитативных значений и организации средств их выражения, в работе предлагается классификационная схема, которой мы придерживаемся в целом и в настоящей работе.

В.В. Акуленко [Акуленко 1989,17-20] в системе ФСП количества выделяет *два поля второго ранга*: определенного количества и неопределенного количества. В кругу первого *ранга* выделяются *два поля третьего ранга*-нумеральности и единичности [Акуленко 1989,18-20].

Поле неопределенного количества в свою очередь подразделяется

на микрополя *третьего ранга*: множественности (плюральности) и оценки неопределенного количества, образует *два поля* четвертого *ранга*: неопределенного большого количества / «мультиплицитности»/ и неопределенного малого количества (полукальности), как подчеркивает В.В. Акуленко, предлагаемая схема не имеет жесткий характер, так как различные участки микрополей взаимодействуют и отчасти переходят друг в друга. С другой стороны, все функционально-семантические поля взаимодействуют с другими полями.

Дальнейшее разграничение видов и типов в структуре поля количественности связано с разграничением видовых и типовых семантических отношений, выявляющихся в содержании указанных полей и микрополей количественности, в разграничении центра (ядра) и периферии, составляющего микрополе, в семантических соотношениях компонентов в структуре поля количественности, в лексико-грамматическом охвате и представленности семантических полей различными разрядами слов, в определении закономерностей, связей, свойств семантических компонентов.

Таблица № 1

Поля и микрополя, выделяемые в структурно-семантическом спектре ФСП количественности, характеризуются самостоятельностью, отчетливой структурой, градируемыми семантическими признаками и средствами их грамматического выражения.

Микрополе нумеральности в пределах поля определенного количества объединяет средства языка, выражающие числовые (нумеральные) значения, которые могут быть соотнесены с элементами ряда чисел. Центром поля являются количественные числительные. Чернюк Н.И., исследовавшая количественные традиции в системе английского языка, отмечает важную особенность количественных числительных в представлении о количественном потенциале множества, что наиболее ярко раскрывает сущность обозначения признака количественности количественными числительными, отличая и противопоставляя другим лексико-грамматическим разрядам слов. Она отмечает: «Наиболее точное или объективно-конкретное представление о количественном потенциале множества дает сочетание маркированной формы с количественным числительным. В этом случае градации от малого до бесконечного количества зависят от квантитативного значения числительного; ср.; **7 flats – хафт хучра, 126 flats-яксаду бисту шаш хучра, 1067 flats-як хазору шасту хафт хучра.** [Чернюк 1978]. Периферию микрополя организуют языковые числительные, счетные существительные мезуративы и производные от числительных прилагательные, наречия, глаголы, сочетающие в своей семантической структуре нумеральные семы с другими семами (кратность, совместность, адъективность, процессуальность, адвербиальность и др.) (**a host-соҳибхона, a variety-гуногунӣ, a jury-чурочурӣ хайати деварӣ (of citizens)-шахрзи, шахрванд; only-ягона, single trip numerous-шумораи чиптаи сайёҳат, countless-хисобчӣ, every-ҳаррӯз, each-ҳарвакт, another-ва ғайра, both-ҳарду, all-хама etc.**).

Поле единичности (сингулярности) в структуре ФСП количественности многопланово, что взаимодействует с лексическими и грамматическими аспектами существования.

Языковое обозначение количества осуществляется различным образом и в разных условиях. В обоих языках количественную характеристику, составляющую сущность квантитативной функции, реализуют единицы различных языков, представляющие собой иерархически организованные средства и объединение общекатегориальной семьи в функционально-семантическом поле количества [Швачко 1981,16]. В лексической системе языка, на лексико-грамматическом уровне количественные отношения находят свое выражение неодинаковым способом.

Наиболее специализированные в выражении количественных отношений имена числительные, количественные числительные в структуре ФСП количественности характеризуются как особая языковая единица, которая является наиболее специализированной для выражения семантических признаков категории количественности.

К числительным приближаются по способу квалификации семантического признака количественности существительные, особенно счетные существительные и мезуративы (*дахҳо-tens, садо-hundred, ҳазоро-thousands; килограмм-kilogram, чакрим, фарсах-kilo-metre* и др.).

1.5. Структурно-семантическая организация ФСП количественности в английском и таджикском языках

Известно, что современное состояние теории поля характеризуется широкой экспансией ее идей и методов практически на всех уровнях языка. Вопросу о том, насколько правомерно такое расширение сферы приложения теории поля, посвящена книга Г.С.Щура [1974,202-213]. Мы же в нашей работе попытаемся применить теорию поля к лексическому уровню разно- системных языков, а именно английского и таджикского.

В последнее время в исследованиях многих лингвистов подчеркивается в первую очередь сила определенного контекста, где слова приобретают новые значения, уточняются их семантические и синтаксические особенности. [Lehrer 1987,110]. При этом основу анализа составляет различие системного и функционального моментов. Поэтому на современном этапе развития лингвистики лексическое поле рассматривается как способ осмысления и, соответственно, выражения системной организации словаря, где основными свойствами выделяются взаимозависимость составляющих поле элементов, его структурная самостоятельность, категориально-семантическая закреплённость в языке, связь с другими лексическими полями [см. работы Ф.П. Филина, А.А. Уфимцевой, Ю.Д.Апресяна и др.].

Следует оговориться, что если грамматический строй языка имеет «полевую» структуру с максимально грамматикализированным ядром и лексико-грамматической периферией [см. работы А.В.Бондарко], то основу или ядро лексического строя языка составляют лексические единицы, а на периферии оказываются элементы грамматики. А вся эта область включается в более широкую сферу строя языка, охватывающую все категориальное не только в лексике, но и в грамматике, фонетике и т.д.

Итак, поле по сути своей является лексико-семантической микросистемой. Преимущество полевого подхода к исследованию лексики состоит в том, что в идее поля плодотворное развитие получает проблема взаимодействия языковых уровней, переплетения лексических и грамматических значений.

В данном случае мы получаем более полную картину функционирования и взаимопроникновения единиц заданного участка лексики.

Принимая за основу исследования количественной лексики полевой подход, мы столкнулись с рядом проблем, которые сводятся к следующим.

Одной из главных проблем является проблема правомерности включения различных лексико-грамматических разрядов слов в одно поле.

Мнения на этот счет разделились. Одна группа исследователей в лице А.Я.Шайкевича, К.А.Алендорфа [14], Н.Г.Долгих, Н.Ф.Пелевиной, О.Н. Селиверстовой, А.А.Неёлова, Л.Я.Цвет и других считают, что в лексико- семантическое поле лексические единицы должны объединяться по единому частиречному признаку.

Другая группа исследователей, такие, как О.Духачек, Ш.Балли, Л.Вайсгербер, В.В.Виноградов и др., занимают альтернативную позицию, которая принимается и нами за основу в нашей работе.

Еще в период создания теории поля О.Духачек, включая в поле «**beauty – зебой, красота**» 316 слов, отмечал их принадлежность к разным частям речи. [Duchacek 1960,с216]

Западногерманский лингвист Л.Вайсгербер, исследовавший поле прилагательных со значением красного цвета, пришёл к выводу о том, что каждое прилагательное является членом целой группы слов, среди которых есть и имена существительные и глаголы, и иные прилагательные. [Weisgerber 1950, 257]

Правомерность включения в одно поле различных лексико-грамматических разрядов слов подтверждается также многочисленными исследованиями различных семантических полей в разных языках, проведенными исследователями на протяжении последующих лет.

Приведенные доводы в пользу возможности участия всех слов разной частиречной принадлежности в структуре семантического поля дают нам право исследовать количественную лексику в данном ракурсе.

Не менее важным является также проблема о принадлежности одного и того же слова к разным, по крайней мере, к двум полям.

В лингвистической литературе существуют различные мнения на этот счет. Одни исследователи отрицают возможность принадлежности

одного и того же слова к разным поля, связывая данную проблему с принципом замкнутости лексического поля. По их мнению, поле состоит из ряда микрополей, которые образуют замкнутое целое, которое способно порождать замкнутые поля [Seiffert 1968,217-242; Аллендорфа 1971, 24-25.]

Нам близка точка зрения Ю.Д.Апресяна и других исследователей, которые считают, что в связи с тем, что из любого лексического поля через более или менее замкнутую цепочку посредствующих звеньев можно попасть в любое другое поле, то семантическое пространство языка фактически остается непрерывным благодаря незамкнутости расположенных в ней полей. [Апресян, 1974,367,251]

Из вышеизложенного следует, что ввиду незамкнутости лексических полей и возможности варьирования слов любая единица в рамках исследования может стать членом, по крайней мере, двух и более семантических полей.

1.6. К методам сопоставительного исследования количественной лексики

Для современного периода развития языкознания характерен повышенный интерес исследователей к изучению функциональной стороны языка. Совершенно справедливо отмечает А.В. Бондарко, что понятия системной и функциональной лингвистики не противопоставлены друг другу, а неразрывно связаны друг с другом при подходе к предмету исследования, во-первых, со стороны структуры изучаемых единиц, классов и категорий, когда на передний план выдвигается вопрос «как это устроено?» и во-вторых, со стороны их функций, когда актуальны прежде всего вопросы каково назначение данной системы и её элементов, чему они служат?, «как это функционирует?». [Бондарко 2001,95-106.]

Следует оговориться, что на необходимость разграничения слова как единицы словаря и слова в употреблении указывал еще А.И. Смирницкий. [Смирницкий 1954,6]

Рассматривая слово вне употребления как единицу словарного состава языка, можно ранжировать значения согласно общепринятым лексикографическим принципам, а также используя некоторые методы семасиологического анализа.⁵

Рассматривая слово в употреблении, т.е. в контексте, обычно не говорят о значимости одного из нескольких значений данной лексической единицы, ибо только это значение и никакое другое является приемлемым для данного контекста.

Отсюда вытекает следующий вывод: и парадигматический и синтагматический аспекты характеризуют отношения между значениями полисемантического слова каждый со своей стороны, а в совокупности дополняют друг друга, иллюстрируя включенность слова в систему языка.

Подобный подход находит отражение, в частности, в активизации контрастивных исследований в области лексики. В любом случае путь к решению такой сложной проблемы мы видим в скрупулезном сравнительном изучении языковых единиц со значением ирреальности и тщательном выявлении черт сходства и различия, охватывающих основные уровни структуры языка при особом влиянии к характеру пересечения отдельных микросистем в их взаимодействии. Поэтому при сопоставлении различных модификаций нас интересуют не столько изменения структурного состава элементов, сколько различия в характере или функционировании, их устойчивость и распространение.

Что касается сопоставительного исследования на уровне лексики, то здесь уместно оговориться, что теория поля нашла широкое применение в лингвистических исследованиях последних лет. И это не

⁵ О применении методов семасиологического анализа для данной цели пишет (Никитин, 1974)

случайно, ибо полевой подход наиболее точно отвечает их специфическому характеру, который требует применения таких констант, которые могли бы претендовать на общезыковую универсальную значимость и соответствовали бы системному подходу к изучаемому объекту. Поэтому использование семантического поля для различных лингвистических исследований, в том числе и в качестве единицы сопоставительного анализа практикуется в лингвистике давно. И настоящая диссертация не является в этом плане исключением, представляя собой попытку системного сопоставительного исследования структуры лексического поля количественности в английском и таджикском языках.

Сопоставительно-типологическое (контрастивное) исследование языков стало одним из основных направлений изучения функциональных и семантических аспектов языковых единиц в современном языкознании. «Сравнение в языкознании *«вечно зелено-whole green»*,- писал-як умр сабз Р. Мразек, он подчеркивал, что в сравнении глубже, пластичнее и всесторонне познается и система каждого из сопоставляемых языков» [Мразек 1978,181].

Сопоставительный анализ при опоре на теорию поля и функциональный подход является одним из ведущих методов исследования языков. Само поле выделяется на основе функционирования языкового явления, моделируется как универсально-понятийная категория и является удобным исходным объектом сопоставления. Общий исходный объект предполагает наличие определенного значения или системы значений, в которых проявляется национальное своеобразие избранной формы и других структурных компонентов поля, насколько они вступают в межязыковую корреляцию в реализованной функции. [Коньюшевич 1989,29]. Естественные языки имеют собственные как универсальные, так и этноспецифические особенности при отражении мира, и многое

связывается в них со спецификой истории конкретных языков, сказанное относится и к воплощению в языке одной из наиболее важных, основополагающих категорий бытия и познания-категории количества. Языковая категория количества не тождественна в различных языках. Частные семантические группы, выделяемых в кругу категории количества, не имеют идентичные средства формального выражения не только в разных языках, но и внутри системы. Несмотря на типологическую общность представленности категории количества, сопоставляемые языки проявляют существенные различия в способах морфологического, словообразовательного и синтаксического представления и охвата функционально-семантического поля количества. Они охватывают иерархические отношения между выделяемыми компонентными и группами, составляющими семантические классы слов, способы языкового оформления семантических групп, их градацию в системе лексики и соотнесённость с различными лексико-грамматическими разрядами слов в сопоставляемых языках. В целом сопоставление предполагает, прежде всего структурно-типологический анализ семантических, функциональных и грамматических особенностей формирования категории количества в сопоставляемых языках.

Проблема количественных отношений привлекает к себе все более широкий круг лингвистов, рассматривающих ее как в общетеоретическом плане [Реформатский 1960; Адмони 1964; Виноградов 1972; Кацнельсон 1972; Панфилов 1977; Супрун 1969; и др.], так и в плане частного языкового выражения [Кошечкина 1969; Максимчук 1975; Шебетенко 1977; Чернюк 1978; Игнатъев 1982; Бархударов 1966; Химик 1978; Гульга и Шендельс 1969; Смирнова 1980; Чеснокова 1981; Пумпянский 1981; Швачко 1981; Науменко 1984; Перельман 1965; Попова 1982; Клименко 1982; Монзак 1982; Темляков 1983; Жаботинская 1982 и др.] в сопоставительно-типологическом

аспекте [Сергеев 1976; Швачко 1961; 1977 Акуленко 1982; 1984; 1990; Эшанкулов, Рахматова 1984; Семенова 1989; М.Н.Абдуллоева 1980, Каримов Х. 1967, Джалилов О. 1961, Сиёев Б. 1967, Дж. Лазар 1963 и др.].

ГЛАВА II

ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ КОЛИЧЕСТВА В СИСТЕМЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

2.1. Место числительных в ФСП количественности в сопоставляемых языках

Числительные среди других лексических средств обозначения нумеральности в обоих языках выделяются как класс позвоночных слов, обозначающих число, количество. Числительные разграничиваются от других нумеральных слов как по способу обозначения количественности, так и способу выражения этого значения.

В отличие от других нумеральных слов, признак количественности в семантической структуре числительного выражается абстрагированно, лишённый наслаивания других ядерных или периферийных признаков. При этом исследователи единодушно отмечают, что категориальный семантический признак числительного имеет двойственную природу, когда, с одной стороны, выражает конкретный количественный признак предметов, явлений, а, с другой, отвлеченное число [Супрун 1974, 21; Жаботинская 1982, 8; Акуленко 1989, 18;]. Числительные в отличие от других количественных слов лишены значений процессуальности, качественности, указательности, суммарности и т.д., которыми характеризуется другие лексико-грамматические разряды слов в общем кругу обозначения количественности.

К отличным особенностям числительных в семантическом аспекте следует отнести их свойство абстрагированного обозначения количественности, наиболее близкого к понятийному его обозначению. «Числительные- языковые знаки высокой степени абстракций» - отмечает В.В. Акуленко [Акуленко 1980,19].

Устанавливая отличительные признаки числительного от других

частей речи, в частности от существительного, А.И.Смирницкий относит к ним способы или приемы обозначения и изобретения числа, которые отличают их от существительного, от других частей речи,⁶ что подчеркивает специфику числительных как особой части речи. На отличие в способе обозначения числа или конкретном способе образования числительных указывает и С.А.Жаботинская, подкрепляя свои выводы конкретными семантическими типами числительных. Определяя количественность и нумеративность, как основные свойства числительных, С.А.Жаботинская первую называет количественностью, соотносящейся с употреблением в общенародном языке, а вторую, т.е. свойство нумеративности, относит к употреблению для обозначения числа, относимого к сфере чистой математики [Жаботинская 1982,8].

В то же время следует отметить, что важное отличие в функционировании числительных в математике и языке сводится к разной степени абстракции количественного обозначения в сферах математики и языка; числительные в метаязыке математики представляют чистейшую абстракцию, в языке прежде всего реальное количество предметов, с чем связана валентная потенция числительных. В метаязыке математики числительные употребляются абсолютно с нулевой валентностью; в общенародном языке, обозначая точное определение неполной мощности конкретного множества, числительные имеют валентность. Как подчеркивает сравнение, приведенное В.В. Акуленко, наибольшим разнообразием вероятных возможностей обладают числительные в русском языке [Акуленко 1989,19].

Английскому и таджикскому языкам присущи универсальные черты в становлении, функционировании и эволюции числительных. При образовании числительных сопоставляемые языки в целом проявляют существительное сходство, используя одинаковые приемы

⁶ См. примеры умножения и сложения, выделяемые А.И. Смирницким (19, 165). Подробнее об этом см. далее.

(сложения и умножения), при этом они сложились в сопоставляемых языках, фактически продолжая одинаковую тенденцию процесса развития категории количества в них. Числительные в обоих языках возникли давно, при этом основой их возникновения стала потребность в счете, числах и их наименованиях. С другой стороны, этимологической базой становления количественных слов становятся названия частей тела: пальцев рук, ног и др., о чем свидетельствуют исторические факты.

Как показывает анализ, таджикский и английский языки в этом отношении проявляют сходство употребляемых «форм», т.е. отсутствие взаимодействующих, взаимно корректирующих форм числительных и существительных в английском и таджикском языках. В то же время синтаксическая валентность числительного, обусловленная направленностью ненаправленностью категориального содержания числительного, обязательностью/необязательностью словесного окружения обладает фундаментальными синтаксическими свойствами, дифференциация которых значима не только для самых числительных, но и других именных частей речи [Почепцов 1971, 103].

Обозначение точных количественных отношений, составляющих понятийную сущность числительных, являются основой их непредметного реляционного содержания. Числительные – языковые знаки высокой абстракции. В своих основных первичных значениях они полностью интернациональны в любых развитых языках, во всяком случае, в плане семантики. [Категория, 54-55]. В английском и таджикском языках они образуют в этих значениях полностью конгруэнтные системы. В.В. Акуленко их называет «скрытыми интернационализмами» [Акуленко 1989, 23]. Семантическая структура числительного представлена многоплановостью семантического содержания, что отражается в многообразии представленности семантических признаков. В структуре числительных выделяются разнообразные семантические признаки, в целом отражающие систему

количественных отношений, охватывая фактически все представленное в языке образное содержание количественности, консолидацию числовых наименований на единой понятийной основе, обозначая точные, приблизительные и неопределенные количественные характеристики, начиная от признака *«конкретность количества»* и завершая признаком *«неопределенное количество»*, *объединяя семы «дробная количественность»*, *«круглое количество»*, *«единичность»*, *«множественность»*, *«целостность»*, *«цикличность»* и др.

В то же время каждое числительное сementизирует опорную сему числа, нумеральности индивидуально, так как оно, как всякое полнозначное слово, обладает собственным лексическим значением, осознанным коллективом, говорящим на данном языке.

Реализую сему нумеральности, числительные отличаются от других квантитативных слов (существительных, прилагательных, местоимений и др.) причем, категориальное значение количественности в них проявляется в автономности выражения количественности. Числительные стабильно соотносятся с натуральным рядом чисел. В то же время они актуализируют точное и приблизительное число.

Семантические признаки числительных признаются всеми исследователями основой отнесения к самостоятельной части речи. Отсутствие или слабое развитие морфологических грамматических признаков приводит некоторых лингвистов к сомнению в выделении числительных в самостоятельную часть речи, распределяя их, следовательно, среди существительных, прилагательных и других частей речи. В наиболее явном виде такое отношение проявляется в зарубежной лингвистике. (См. обзор литературы [Швачко 1982]).

Указывая на центральную роль числительных в реализации поля количественности, С.А. Швачко связывает это с наличием у числительных опорных семантических признаков: 1) регулярной соотнесенностью с натуральным рядом чисел, 2) неограниченностью

узуса, 3) вовлечением, в прямую и косвенную считаемость, 4) выражением точных и неточных количественных характеристик, 5) словообразовательной активностью, 6) общедоступностью, частотностью и 7) полифункциональностью [Швачко 1982,16].

Семантическая структура числительных объединяет дифференциальные признаки, отражающие понятие числа, само число, количество, меру, а также связанные с числом мыслительные категории порядка при счете и совокупности. Сама семантическая организация числительных как особая лексико-грамматическая группа основывается на обозначении ими семантического признака «*нереальность*», «*количество*», «*число*». «Обозначение точных количественных отношений, составляющих понятийную сущность числительных, является основной непредметного регулярного содержания» [Акуленко, 1980,19]. С этой точки зрения числительные, как основное непосредственное средство обозначения количественности, организуют дифференциальный семантический признак категории количественности в языке. Данное свойство является одним из основных для числительных в сопоставляемых в работе таджикского и английского языков.

В целом на вышеназванных категориальных семантических признаках основывается классификация числительных в языке (см. таблицу 3).

Выделенные признаки являются общетипологическими, в то же время они могут разнообразно проявляться в различных языках, специфическими особенностями в этом отношении обладают также английский и таджикский языки. В соответствии с названными значениями в исследованиях по английскому и таджикскому языку выделяются виды, которые в большинстве работ называются разрядами числительных.

Общепризнанным в обоих языках являются: количественные и порядковые числительные. Следует отметить, что основным разрядом,

выделяемым в поле числительных как часть речи, являются количественные числительные, которые в наиболее чистом виде отражают понятие числа, наиболее явный признак числительных, так называемый отвлеченный результат числа, абстрагированного от конкретных предметов, связан с функционированием количественных числительных. Признак абстрагированного числа, отвлеченного от конкретных предметов, которые подвергаются счету, в понятийном содержании количественных числительных обуславливает объединение других видов числительных вокруг него как стержня, ядра обозначения отвлеченного результата, счета.

Все другие виды числительных, разграничиваемых в структуре числительных, соотносятся как подвидовые к количественным числительным.

Таблица 2.

Числительные	
количественные	порядковые
кратностные	собирательные
разделительные	неопределенно-количественные
дробные	разделительные

Выделение дробных, разделительных, кратностных и других разрядов основывается на семантическом разграничении способов количественного обозначения в пределах семантической структуры качественных числительных. Это свойство количественных числительных объясняется тем, что именно в количественных числительных находим отражение в наиболее чистом виде, и они образуют стержень, вокруг которого группируются другие виды числительных. Другие виды числительных соотносятся с полем

числительности по сопряженности семантического признака качественности с другими семантическими признаками.

Наиболее слабую связь по данному признаку проявляют так называемые **порядковые числительные**, для которых основным в семантике является обозначение порядкового наименования, порядковых номеров, присваиваемых предметам или явлениям в процессе счета, т.е. качественного признака, производного из значения исходной единицы (числительного). Количественный признак, как производный в порядковых числительных, имеет диффузный и вторичный характер. Учитывая эту особенность порядковых числительных, многие исследователи считают правомерным их включить в класс прилагательных. Подобный подход утвердился в английском и в других языках.

Дробные числительные в сопоставляемых языках включаются в круг количественных числительных, обозначающих определенное количество. Особенностью дробных числительных являются определенные взаимосвязи как с категориальным значением предметности, составляющим основное значение имен существительных, так и с функциональным содержанием числительных, так как, реализуются в различных функциональных сферах. В обиходном языке дробные числительные употребляются для обозначения обиходных долей мер или множеств (*ним, нимсоат, нимрузи, сеяк, чоряк, шашяк, хаштяк* и др.). С другой стороны, в математике это абстрактный, у существительных искусственно сформировавшийся разряд обозначения дробных величин (*одна пятая, пять восьмых* и др.).

Разделительные числительные употребляются в языке для обозначения количественно однородных групп, на которые распределяется данное множество (*по два, по три-дуюто, сето, панчто, садто*, но также *дуютоги, садтоги* и др.) Способ образования разделительных числительных в сравниваемых языках существенно

отличается, в круг разделительных числительных в сопоставляемых языках входят (числа любого порядка: *садтоги, миллиони, миллионтоги*).

Кратные (кратностные) числительные обозначают количество повторений некоторого действия или явления. В обоих языках применяются сложносоставной способ образования кратких числительных: *ду карат ду*, при котором само обозначение понятия кратности стоит за пределами слагаемых числительных. В таджикском оно связано *карат, зарб*, английском- *multiplication*.

Таким образом, числительные закономерно занимают ведущую роль в организации ФСП количественности. Числительные играют заметную роль также в общей реализации содержания категориального значения количественности, характеризующегося сложностью иерархической организации и различиями в содержательной структуре. В этом отношении числительные фактически охватывают все аспекты семантических отношений, на оппозиции которых организуется содержательная структура ФСП количественности.

2.2.Выражение количественных отношений в системе числительных разноструктурных языков

Имя числительное, являясь названием отвлеченного числа, количества и порядка предметов, своей семантикой уже передает значение числа.

Понятие натурального числа, вызванное потребностью счета предметов, возникло еще в древнейшую эпоху. На низшей ступени развития человеческого мышления слова, обозначающие числа, перестают обозначать предметы и становятся обозначением количественного признака предмета.

Сравнительное изучение числительных в индоевропейских языках показывает, что названия простых числительных в русском и

таджикском языках имеют общий корень с другими языками индоевропейской семьи. Ср.:

Русский один, одна, одно, два, две, три.

Латинский unus, una, unum, duo, duae, tres, tria.

Литовский vienas, viena, du, dvi, tres.

Немецкий eins, zwei, drei.

Древнеперсидский aiva, duvitiya, Ørita.

Таджикский як, ду, се.

Старославянский единь (-а, -о), дьва, дьвь, трие, три.

Процесс становления числительных как особой части речидлительный исторический процесс. Имена числительные на последнем этапе существования праславянского языка, например, принадлежали к двум разным частям речи. Одни были существительными, другие — прилагательными. В соответствии с этим, одни из них обладали грамматическим числом, а другие имели синтаксическое число. Однако и у той, и у другой группы слов имелись ограничения в употреблении грамматического числа, связанные с лексическим значением.

Утрата числительными предметности является одной из главных семантических тенденций в их развитии.

Корневые числительные накопились постепенно, в течение ряда эпох. Так, например, формы *сорок*, *сто*, *миллион* относятся к сравнительно новому времени.

В языке таджикской классической литературы употреблялись числительные *дувист* (двести), *тирист* (триста), *бевар* (десять тысяч), *лак* (сто тысяч), *курур* (пятьдесят тысяч) и *ҳазор-ҳазор* (один миллион), которые не свойственны современному таджикскому языку. *Ва киштиҳо бисёр месозанд ва ҳар якро дувист харвор бор мекунанд ва ба Миср мебаранд* (НХ, 44). *Май мехостам, ки ду бор ҳазор-ҳазор динор зари нақду чавоҳир ба вадиат пеши ту биниҳам, чунон ки ту донию ман ва худой аз завачалл* (ХЗ, 58).

И в русском и в таджикском языках встречаются слова, которые содержат в себе значение количества, в русском языкознании называют их счетными или счетно-измерительными словами. Большое количество таких слов относится к существительным (*двойка, дюжина, уйма*), к прилагательным (*пятый, двойной*), к наречиям (*дважды, мало*), к местоимениям (*сколько, несколько*).

Если в числительных три, пять, сто наблюдается полное отвлечение от всех прочих свойств предмета, кроме числа, то уже, в словах **тройка, пятерка, сотня** количественные значения как бы включены в значения предметные; **тройка борзая бежит, тройка лошадей**. Употребляясь отдельно, вне сочетания с названиями предметов, они, подобно субстантивированным прилагательным, сохраняют предметное значение в качестве основного: **Проезжали почтовые тройки со звонками и тяжелые барские дормезы, с ревом и в облаках пыли проходили гурты рогатого скота (АЧ, VIII, 41). Уже с раннего утра по Уклееву разъезжали, звеня колоколами, тройки и пары с разноцветными лентами на дугах и в гривах (АЧ, VIII, 41).**

Проф. А.М.Пешковский, не учитывая грамматического и функционального своеобразия имен числительных, отказывался рассматривать их как особую, самостоятельную часть речи. Ориентируясь преимущественно на внешние формальные признаки числительных, он относил одни из них к счетным существительным (*четыре, пять*), другие к счетным прилагательным (*четвертый, пятый*)

В таджикской лингвистической литературе также выделяют слова, которые, хотя и не обозначают числа, но в какой-то мере определяют количество предметов. Это местоимения *чанд* (*сколько*), *хамон қадар* (*столько*), *наречия андақ* (*немного*), *бисъёр* (*много*) и др. *Сипоҳи душман бисёр буду инон андақ* (С, 52). «Войска у неприятеля было много, а у них мало»; *Сони чанд рӯз аз хона набаромад* (ФМ, 81). «Потом несколько дней не выходил из дому».

Коренные числительные являются в обоих языках базой для образования различных производных слов. Например, в таджикском языке можно выделить группу существительных, образованных от числительных основ с помощью суффикса -а (*панча, ҳафта, сада* и др.):

Ба бозувони тавонову қуввати саридаст

Хатост паҷаи мискини нотавагон бишкаст

(С, 60).

Панча— кисть руки.

Баъд аз воқеаи сел як ҳафта бекаромат гузаист (АД, III, 23). ҳафта
неделя.

Иногда предметное значение могут получать и дробные числительные: *Агар чӣ Абдуллобой дар вақти коридан ба Бобораҳмат нисфи ҳақдоданро ваъда мекард, лекин дар вақти бардоштани ҳосилот се як меод (АД, III, 7).* «Хотя Абдуллобай во время сева обещал Боборахмату половину урожая, однако во время уборки отдавал треть».

И в русском и таджикском языках числительные по составу делятся на:

1. **простые** (*сода*) — **один** (*як*), **два** (*ду*), **семь** (*ҳафт*). В таджикском языке к простым относятся и названия десятков (*бист–двадцать–тридцать, чил* — сорок, *сад* — сто и *ҳазор* — тысяча);

2. **Сложные** (*мураккаб*) — **одиннадцать** (*ёздаҳ*), **двенадцать** (*дувоздаҳ*). В русском языке сюда же относятся названия десятков (кроме сорок) и сотен (кроме сто).

3. **Составные** (*таркиби*) — **пятьдесят четыре** (*панҷоху чор*)-*fifty four*, **Двести сорок семь** (*дусаду чилу ҳафт*) *two hundred and forty seven*.

По значению в обоих языках выделяют: количественные числительные (*шумораҳои миқдорӣ*) и порядковые числительные (*шумораҳои тартиби*).

Как указывает В. С. Расторгуева, в таджикских говорах

заслуживают внимания два явления, унаследованные из иранских языков: 1) счет по двадцаткам: *du bist «сорок»-чил, se bist «шестьдесят»-шаст* и пр. и 2) образование числительных (в которых *до полного десятка не хватает одной, двух, трех* единиц с помощью слова «кам» «мало»-*little: se-kam bist — семнадцать* (букв «на три меньше двадцати») и т. д. Последнее очень употребительно в живом разговорном языке: *Як кам чил рӯз шуд, ки ҳамаи вазиру муллоён пеши подшоҳ равон шуданд* (Фольклор, 39). «Прошло тридцать девять дней (букв на один меньше сорока дней)», когда все визири; и муллы отправились к падишаху». Thirty nine days have passed when ministers and clearsguneen went to king.

При обозначении времени в часах (когда не хватает тридцати минут и меньше): *нимто (та) кам се* — половина третьего (букв. «половиной часа меньше трех»); *дах дақиқа кам ду* — без десяти минут *два-ten to two* (букв. «десятью минутами меньше двух»).

2.3 Генезис числительных в английском и таджикском языках

Генезис числительных в английском и таджикском языках показывает идентичный процесс их исторического становления и развития. В обоих языках числительные прошли путь от предметного к количественному значению, о чем свидетельствует позднейшее становление значения абстрактного количества в числительных. В обоих языках предметное значение числительных вытеснялось количественными, значениями в начале неопределенными, а затем конкретными, числовыми.

Различаясь по лексическим слоям, неодинаковые по происхождению, характеру и объему, в составе числительных сопоставляемых языков выделяются разные по источнику группы пополнения, среди которых заимствования занимают особое место. Заимствования в сопоставляемых языках произошли в результате

непосредственного соприкосновения с носителями других языков. В то же время числительные, являющиеся элементом и чужого языка, перенесенными из одного языка в английский или таджикский языки в результате языковых контактов, представляют незначительный слой.

Обычно процесс заимствования для сопоставляемых языков в материальном аспекте не идентичен. Для сопоставляемых языков устанавливаются исторически разные тенденции и направления взаимодействия языков, возрастание роли и культурных и экономических связей между таджикским и английским народами и их языками. В силу исторических условий развития сопоставляемые языки проявляют существенные различия в источнике заимствования числительных. Для английского языка, как и для многих европейских языков, основной фонд заимствований составляют заимствования из латинского, французского и греческого языков.

Для таджикского языка основной фонд заимствований составляют лексические единицы из арабского, тюркских и русского языков, так как исторические пути развития таджикского народа проходили в тесной взаимосвязи с данными культурно-историческими источниками.

Однако числительные в отличие от других разрядов слов проявляют специфические особенности в материальном оформлении. В составе числительных, прежде всего, наблюдается сохранение основного лексического фонда за счет собственных исконных возможностей. В целом, числительные по происхождению в сопоставляемых языках представляют редчайший случай совпадения при полном охвате материала.

В целом по историко-этимологическому признаку в обоих языках выделяются:

А) числительные, продолжающие генетическое родство, историческую общность индоевропейских языков, представляющие собой индоевропейские корни;

Б) числительные, составляющие общегерманские и индоиранские (арийские), общеиранские и собственно таджикские или английские;

В) заимствованные числительные, в том числе интернационализмы.

Касаясь анализа происхождения числительных в обоих языках, следует отметить, что абсолютное большинство числительных как в английском, так и в таджикском языках-исконные слова. Исконные же числительные продолжают использоваться при образовании новых. Следует также отметить, что наиболее устойчивыми в лексическом составе числительных являются исконные числительные.

Числительные-названия первых и последующих десятков представляют собой исконные слова, восходящие к древнейшему периоду развития языка. Они в обоих языках представляют тот ряд слов, который отражает наиболее древнейший период развития языка и служат для идентификации родственных, общегенетических связей английского и таджикского языков в древнейший период. Числительные первой десятки отражают в обоих языках основы ещё далекой индоевропейской общности и, поскольку представляют собой элементы, сохранившие в наиболее близкой форме фонетическую и морфологическую идентичность, предоставляют возможность восстановить единую форму исторического языкового состояния. Числительные первой десятки представляют собой редчайший случай совпадения при полном охвате материала даже на современном этапе.

Сравните:

Таблица 3

Английской	Русский	Таджикский	Исторические соответствия
<i>One</i>	<i>Один</i>	Як	ав. ayvaka > ayva ; др.-перс. (ayva --- ev --- e); нем. ein
<i>Two</i>	<i>Два</i>	Ду	ав. dva , др.-инд. duva , рус. два .
<i>Three</i>	<i>Три</i>	Се	Рус. три , нем. drei , алб. tre/tri , ср.-перс. hre , ав. srayah , др.-инд. traus , др.-ир. stayh , др.-слав. ерийу , три , тох. tretray , лат. tres
<i>Four</i>	<i>Четыре</i>	Чор	ав. caθvarah , др.-инд. catvarah , др.-ир. catvara , х.-сак. tcahaura
<i>Five</i>	<i>Пять</i>	Панч	ав. panca , др.-ир. panca , др.-инд. pancas ,
<i>Six</i>	<i>Шесть</i>	Шаш	Др.-инд. sat ав. xsvas , и.-е. sueks , seks
<i>Seven</i>	<i>Семь</i>	Ҳафт	др.-ир. hapta , ав. bartā , wsu.sieben
<i>Eight</i>	<i>Восемь</i>	Ҳашт	нем. acht , др.-перс. asta , ав. asta , др.-инд. asta , др.-ир. asta , тох. okt , лат. okto
<i>Nine</i>	<i>Девять</i>	Нух	ав. nava
<i>Ten</i>	<i>Десять</i>	Дах	ав. dasa
<i>Twenty</i>	<i>Двадцать</i>	Бист	dva + dasayi

В целом, различаясь как лексические слои, неодинаковые по происхождению, характеру и объему, в составе числительных сопоставляемых языков выделяются лексемы по источнику пополнения, среди которых особое место занимают заимствованные. Заимствования в языке произошли в результате непосредственности массового соприкосновения с носителями других языков. Таким образом, заимствованные числительные – это количественные слова, предоставляющие собой элементы чужого языка, перенесенные из одного языка в другой в результате языковых контактов.

В результате языковых контактов числительные чужого языка переносились из других языков в английский или таджикский языки. Заимствованные числительные в лексическом составе сопоставляемых языков являются результатом длительного исторического взаимодействия таджикского и английского языков с другими языками. Заимствованные числительные занимают особое место в системе категории количественности сопоставляемых языков.

Как свидетельствует анализ, для сопоставляемых языков исторически сложились разные тенденции и направления взаимодействия языков, возрастные роли культурных и экономических связей между народами и их языками. В силу исторических условий развития сопоставляемые языки проявляют существенные различия в источнике заимствования числительных. Для английского языка, как и для многих европейских языков, основной фонд лексических заимствований составляют лексические единицы из латинского, французского и греческого языков.

Для лексического состава таджикского языка основной фонд заимствований составляют лексические единицы из арабского, тюркских и русского языков, так как исторические пути развития таджикского народа проходили в тесной взаимосвязи с данными культурно-историческими источниками.

Однако, следует отметить, что числительные во всех языках, в том числе и в таджикском и английском языках, характеризуется наименьшей представленностью заимствованных слов.

В то же время заимствованные числительные в своем большинстве носят книжный характер.

Суммируя общий анализ заимствованных числительных по источнику проникновения, в сопоставляемых языках следует выделить следующие источники заимствований числительных:

Таблица 4

В английском языке:	В таджикском языке:
<i>Латинские</i>	<i>Арабские</i>
<i>Французские</i>	<i>Тюркские</i>
<i>Немецкие</i>	<i>Русские</i>
<i>Греческие</i>	<i>Индийские</i>
<i>прочие</i>	

Прежде всего, в составе числительных современного состава обоих языков, наряду с корневыми морфемами с исконными простыми числительными, непосредственно составляющими, эксплицирующими число, стоят корневые морфемы числительных латинского происхождения. Однако латинские числительные в обоих языках имеют разные источники как в сфере происхождения, проникновения, так и во временном аспекте возникновения, что связано со становлением различных путей культурно-исторических взаимосвязей таджикского или английского народов с другими народами.

Латинские по своему происхождению названные числительные непосредственно из латинского языка были заимствованы в английском и опосредованно через русский язык в таджикском. Касаясь

заимствования числительных из других языков в таджикском языке, в разные периоды исторического становления числительных в таджикский язык проникали числительные разных языков. К примеру, некоторое количество числительных арабского происхождения было заимствовано в таджикском ещё в начале становления языковых контактов таджикского и арабского языков, особенно для обозначения числительных высокого порядка.

Однако со временем эти числительные заменялись или новыми таджикскими образованиями или новыми заимствованиями из другого языкового источника. Подобное происходило с числительными, обозначающими числовые понятия «*тысяча*», «*миллион*» и т.д.

Числительное *лак*, ранее употреблявшееся в таджикском литературном языке, восходит к древнеиндийскому языку, в классическом языке это числительное обозначало «*сто тысяч*» вместо современного исконного *сад ҳазор*. Употребляясь в современном таджикском языке, *лак* обозначает неопределенное множество: *Вай дар як соат як гап мезанаду ақаллан ба дилам шуда тоб намебарорад (Раҳим Чалил)*. -Он целый час непрерывно несет несуразицу, душе становится нетерпимо.

Числительное *лак* в таджикском языке сохраняет в составе фразеологизма *лак ан дар лак*, который обозначает ‘*полным полно*’, ‘*множество*’, ‘*тысячи*’ и др.

В классическом литературном таджикском языке сохранилось числительное *бевар* по происхождению восходящему к среднеперсидскому языку и обозначающему, что и предыдущее число, т.е. сто тысяч, что находит конкретное пояснение в «*Шахнаме*» великого Фирдавси:

*Куҷо бевар аз паҳлавонӣ шумор,
Бувад дар забони дарӣ сад ҳазор.*

В классическом литературном таджикском языке использовались также числительные, заимствованные из тюркских языков. К подобным, к примеру, относятся *тумон туман, курур* и др., которые в классическом литературном языке ещё дореволюционного периода обозначали соответственно числа 10 000 и 500 000.

Тумон в дореволюционный период в Центральной Азии обозначалась местность, где проживало 10 000 населения:

Қарокул яке аз туманҳои Бухоро буда, аз ҷиҳати маъмури ва идораи давлатӣ бевосита ба қозикалон ва кушбеги Бухоро тобеъ буд (Ҷ.Иқромӣ)-Каракул является одним из туманов Бухары, которые по территориальному и административному управлению непосредственно подчинялись казикалону и кушбеги Бухары.

В современном Узбекистане традиция обозначения административной единицы, связанной с этим словом, в годы независимости возродилась. В таджикском языке слово *туман* вышло из употребления и стало историзмом.

Курур: Агар ин замин дар қитъаи тасарруфи ин давлат дарояд, миқдори як курур дар нуфуси аксари чарор... мулҳақ мегардад (Аҳмади Дониш).- Если этот край войдет в состав данного государства, то боевой состав армии увеличится на 500 000 солдат.

2.4. К вопросу о структурном моделировании словопроизводства числительных

Вопрос о структурном моделировании словопроизводства числительных до настоящего времени в лингвистической литературе освещен недостаточно, при этом даже если данный вопрос ставился в некоторых работах, то затрагивались лишь частные аспекты данной темы.

Моделирование отображает релевантные, существенные структурные и грамматические свойства числительных и предполагает использовать их для создания абстрактных структурных схем.

Анализ структурно-словообразовательной и структурно-грамматической организации словопроизводства числительных направлен на выявление основных типов структурных схем или моделей числительных в сопоставляемых языках. В лингвистической литературе по исследованию многих языков предпринято моделирование числительных, прежде всего свойства сочетательных особенностей числительных в сложных или составных по структуре числовых именах. Однако к настоящему времени еще далеко не однозначно принято направление моделирования в анализе числительных. Многие важнейшие проблемы структурной типизации, которые основаны на принципах моделирования, остаются еще не разработанными. С этой точки зрения, искусственно созданные схемы моделей числительных, прежде всего, должны объективно учитывать свойства, связанные с особенностями существования числительных как словесных единиц. Несмотря на проявление общетипологических для слов всех частей речи свойств в реализации приемов и способов в словообразовательном аспекте, структурно-семантическое моделирование числительных имеет свои особенности, коренным образом отличающие их от способов моделирования других частей:

-числительные, наиболее систематизированный и структурированный (моделированный) разряд слов, имея строго установившуюся словообразовательную структуру и строго ограниченную понятийную основу, даже в кругу каждого выделяемого в его составе разряда;

-наиболее существенный различительный признак, как уже отмечалось выше, отражающий особенности моделирования числительных, заключается в том, что количественно ограниченные элементы производных числительных являются источником бесконечно множества качественно различных числовых наименований;

-система словопроизводства числительных отражает их генетическую взаимосвязь с десятичной системой счисления;

-словообразовательные типы и ряды числительных опираются на одну и ту же математическую операцию;

-способ словообразования числительных охватывает различные уровни и средства словопроизводства языка: как морфологический аффиксальный и безаффиксальный, но и семантико-синтаксический, хотя в количественном отношении, в отличие от других разрядов слов применяемые способы и средства, в том числе и аффиксальные, ограничены.

2.5. Структурно-словообразовательные модели числительных в таджикском и английском языках

Анализируя материал и сопоставляя его в английском и таджикском языках, следует отметить, что числительные в обоих языках представляют количественно открытый класс, что связано, как отмечают исследователи, с неисчерпаемым качественным разнообразием «входящих в него единиц, соотносимых с бесконечным множеством единиц числового континуума» [Жаботинская 1982,10]. Неисчерпаемая открытость числительных дает возможность расширять, как верхние

пределы лексического значения числительного, так и его нижние значимые границы.

Пути структурно-грамматического формирования числительных в сопоставляемых языках разнообразны. При изучении источников формирования числительных в лингвистической литературе предприняты различные виды обобщения и систематизации. В этом аспекте особое внимание следует обратить на работы Швачко С.А., Жаботинской С.А., Супрун А.Е. и др. И особенно Смирницкого А.И., положившего начало анализу особенностей словопроизводства числительных в обще-типологическом аспекте. В сопоставительном плане важными являются труды известных лингвистов-типологов, Гака В.Г. и др., изучавших данную проблему в различных языках.

Основываясь на вышеназванных исследованиях, в настоящей работе предпринимается попытка выявить явления изоморфности и алломорфности в способах словопроизводства числительных в английском и таджикском языках в сравнительно-морфологическом аспекте.

Результаты сравнения словообразовательной структуры английского и таджикского языков дают возможность выделить следующие словообразовательные особенности числительных в обоих языках.

Исконные числительные продолжают использоваться при образовании новых. При этом используются те модели числительных, в которых сохраняются традиционные словообразовательные модели. Оба языка используют немногочисленные и несложные модели при образовании новых числительных, обычно путем повтора старых элементов. Модели образования числительных настолько упорядочены, что имеют безграничную потенциальную возможность охватить всю систему числа и называть и фиксировать сколько угодно большое число, и язык даст возможность назвать следующее число, ещё большее [Супрун

1964,42]. На эту особенность числительных в отличие от других частей речи указывал еще Ф.И.Буслаев: Имена числительные, хотя могут восходить до бесконечности, но отличаются от прочих частей речи тем, что вращаются повторением немногих основных названий» [Буслаев 1844,6].

Для определения состава отобранных нами лексических единиц с точки зрения принадлежности их к определённому структурному типу мы исходили из того, что выделение аффикса или основы, т.е. членение слова на его составные части может состоять из ряда, имеющего общий корень или ряда, имеющего общий аффикс. [Смирницкий 1948,21-26]

В соответствии с этим к корневым словам отнесены такие лексические единицы, которые с точки зрения сравниваемых языков представляются неделимыми, либо в них нарушена генетическая связь производного, утрачена прозрачность аффиксации или произошло опрощение.

В производные включены лексические единицы, где можно выделить корень или аффикс независимо от того, насколько ясным является значение остающейся морфемы.

Сложные слова-это такие, в которых ясно выделяются две или более двух корневых морфем.

С точки зрения морфологической структуры все многообразие числительных в сопоставляемых языках подразделяется на простые и производные числительные. По способу словообразования, или как их называет С.А.Жаботинская, по непосредственно составляющим [Жаботинская,1982,12], числительные подразделяются на собственно простые, сложные и составные. Простые числительные имеют только одно составляющее-корень. Они представляют собой единое целое, неразложимое на отдельные морфемы, не эксплицированное из морфем. Значение непроданных числительных не мотивировано другими

основами и заложено в нем самом. В работе мы их называем непроизводными корневыми словами.

В зависимости от соотношения с другими основами, разложимости или неразложимости, производности или не производности числительные в сопоставляемых языках подразделяется на свободные и связанные:

Таблица 5

Свободные		Связанные	
англ.	тадж.	англ.	тадж.
<i>Nough</i>	<i>Нол, нул, сифр</i>		
<i>one</i>	<i>як</i>		
<i>two</i>	<i>ду</i>		
<i>three</i>	<i>се</i>		<i>се(н)здаҳ</i>
<i>four</i>	<i>чор</i>		<i>чордаҳ</i>
<i>five</i>	<i>панҷ</i>		<i>понздаҳ</i>
<i>six</i>	<i>шаш</i>		<i>шонздаҳ</i>
<i>seven</i>	<i>ҳафт</i>		<i>хабдаҳ</i>
<i>eight</i>	<i>ҳашт</i>		<i>хаждаҳ</i>
<i>nine</i>	<i>нуҳ</i>		<i>нуздаҳ</i>
<i>ten</i>	<i>даҳ</i>		
		<i>eleven</i>	<i>ёздаҳ</i>
		<i>twelve</i>	<i>дувоздаҳ</i>
		<i>twenty</i>	<i>бист</i>
	<i>сад</i>	<i>hundred</i>	
	<i>ҳазор</i>	<i>thousand</i>	
<i>million</i>	<i>миллион</i>		

К неизменяемым корневым словам относятся названия первого десятка, которые представляют собой морфологически ничем не осложненные простые числительные (модель *Num*): *naught, one, two, three, four, five, six, seven, eight, nine, ten*- нол, нул, цифр, як, ду, се, чор, панч, шааш, ҳафт, ҳашт, нух, даҳ.

Результаты анализа показали, что в обоих языках незначительное от общего количества проанализированного фактологического материала представлено в виде неизменяемых корневых числительных. В то же время следует отметить, что простые корневые морфемы числительных служат лексической и словообразовательной основой для образования других словообразовательных типов числительных в таджикском и английском языках.

Производные числительные эксплицированы из неизменяемых корневых морфем прежде всего способами аффиксации. Поэтому значение производного числительного или числительного с производной основой мотивировано другими числительными и осложнено значениями некоторых аффиксов. Числительное с производной основой обозначает количество путем установления связи данного количества с другими количествами. Следовательно, значение производного числительного опосредовано: *eleven; twelve, twenty, hundred, thousand, -бист шаст, ҳафтод, навад*; сравните: *ду+сад=дусад; се+сад=сесад* др. В то же время морфологический анализ производных имен числа подтверждает аксиому о том, что преобладающее большинство элементов производного имени ассоциируется с простыми числительными, особенно это касается таких имен числа, как *ёздаҳ-eleven, бист-twenty, шаст-sixty, панҷоҳ-fifty* и др.

Анализ словообразовательной структуры числительных показывает важнейшую отличительную особенность числительных в отличие от других частей речи. Аффиксации, которая была и остается

одним из самых продуктивных способов пополнения словарного состава языка и играет исключительную роль в сложных номинациях и других частях речи, в структуре числительных сопоставляемых языков не играет сколько нибудь важной роли. Образование числительных эксплицировано самими числительными, привлекая в значительной степени какие-либо средства деривации. С другой стороны, выделяемые в работе аффиксы, участвующие в образовании производных лексических единиц, по своему происхождению и развитию не являются аффиксами в классическом значении данного понятия. Наряду с общепринятыми в обоих языках в образовании числительных часто принимают участие такие словообразовательные средства, которые являются специфической особенностью только числительных как часть речи. Учитывая их кардинальные отличительные особенности от общепринятых аффиксов, в работе они воспринимаются как аффиксальные форманты.

Признание их как особых аффиксальных словообразовательных формантов в структуре производного числительного основывается на исходном теоретическом положении для определения деривационного статуса лексических единиц, чтобы ограничить производные единицы от непроизводных, явились разработана членимости слов и разграничение понятий членимости и производности, получившие освещение в работах Г.О.Винокура, А.И.Смирницкого, Е.С.Кубряковой, Е.А.Земской, Н.А.Янко-Триницкой, С.С.Хидекель и др. лингвистов. Особое внимание было уделено использованию шкалы членимости основ, разработанной Е.С.Кубряковой [Кубрякова 1970, 78-90; 1974].

Числительные с особыми аффиксальными словообразовательными формантами выделяются как особые словообразовательные модели и словообразовательные типы, в которых выделяемые форманты характеризуются признаком деривационного аффикса, а исторически в составе числительных обладали словообразовательным значением. Как

известно, наличие этих двух признаков в современной дериватологии признаются основными при классификации словообразовательных дериватов и описании словообразовательных типов и моделей [В.В.Лопатин, ИС.Улуханов]

Таким образом, исследование подобных аффиксальных средств проводилось в рамках словообразовательных моделей и словообразовательных типов (Е.С.Кубряковой, Е.А.Земской, В.В.Лопатина, И.С.Улуханова, Г.С.Зенкова и др.), так как тип и модель признаются основными единицами классификации при описании словообразовательных дериватов. Применение теории членимости слов позволило выделить специальные аффиксальные форманты, образующие особые словообразовательные модели числительных в английском языке и таджикском языках.

Важнейшим и продуктивным способом образования числительных в обоих языках ступают типы словосложения. Другие типы денумерального образования в сопоставляемых языках представлены нерегулярно. Швачко для английского языка выделяет усеченные числительные типа: *two cent* → ” *twentieth century*”-*аспу бисм, smthup-to-date*”, которые встречаются нечасто [Швачко, 1982].

Числительные высокого порядка образуются посредством стяжения нумеральных морфем: *billion, trillion, quadrillion, quintillion, septillion*. На это свойства числительных высокого порядка указывал Б.В. Акуленко еще в 1972 г. [Акуленко 1972, 120].

2.6. Структурные модели словопроизводства числительных в сопоставляемых языках

Основываясь на отмеченных структурно-грамматических особенностях числительных в целом в сопоставляемых языках, следует выделить следующие структурно-словообразовательные модели числительных (см. Таблицу 7.).

I. Модель Num

Модель **Num.** в сопоставляемых языках представлена числительными-в таджикском языке: *як, ду, се, чор, панч, шаш, ҳафт, ҳашт, нух, даҳ, си, чил, сад, миллион*; в английском языке: *naught, one, two, three, four, five, six, seven, eight, nine, ten, million.*

Таблица № 6

Модели	Реализация в таджикском	Реализация в английском
<i>I. Num</i>	<i>Як, ду, се, чор, панч, шаш, ҳафт, ҳашт, нух, даҳ, си, чил, сад, миллион</i>	<i>One, hundred, thousand, million.</i>
<i>II.Nsuff</i>	<p>а) Numох <i>панҷох</i>:</p> <p>б) Numад(ад): <i>ҳафтод; ҳаштод; навад.</i></p> <p>в) Numст, <i>бист шаст.</i></p> <p>г) Num <i>лион</i>: <i>биллион, триллион</i></p>	<p>а) Numty: <i>twenty, thirty, fifty (20....9)</i></p> <p>б) Numven: <i>eleven,</i></p> <p>в) Numelve: <i>twelve ,</i></p> <p>з) Numillion: <i>trillion; quadrillion;</i></p> <p><i>quintillion; sextillion; septillion.</i></p>
<i>III.Num+Num</i>	<p>Num+сад <i>дусад, нуҳсад</i></p> <p>а) Num+3+дах: <i>ёздаҳ, сездрах</i></p>	<p>Num+teen; <i>thirteen</i></p> <p><i>Nineteen (13-19)</i></p>
<i>IV.Num+infin+Num</i>	<p>б) Num-воз+дах: <i>дувоздах</i></p> <p>в) Num+из+дах: <i>понздаҳ, сенздаҳ</i></p>	<p><i>отсутствует</i></p>
<i>V.Num Num</i>	<p>а) Num <i>ҳазор</i>: <i>як ҳазор, 1000-9000 ҳазор</i></p> <p>б) N-миллион: <i>як миллион, 1000 000-9000 00000</i></p> <p>в) Num <i>миллиард</i>: <i>як миллиард</i></p> <p>г) Num <i>биллион</i>: <i>як биллион</i></p>	<p>а) num <i>hundred (1000-900 hundred)</i></p> <p>б) Num <i>thousand: 1000-9000 thousand one thousand-sixty-</i></p>

<p><i>VI. Num Num Num</i></p>	<p>д) <i>Num триллион: як триллион</i> е) <i>Num куадриллион: яккуадриллион</i> ж) <i>Num биллион: як сексбиллион</i> з) <i>Num сепбиллион: як сепбиллион</i></p> <p>отсутствует</p>	<p><i>thousands</i> в) <i>Num million: 1000000-90000</i> г) <i>Num trillion: one trillion</i> д) <i>Num billion</i> е) <i>Num quadrillion</i> ж) <i>Num quintillion</i> з) <i>Num sexbillion</i> и) <i>Num septillion</i></p>
<p><i>VII: Num+conj. +Num+conj.+Num;</i></p>	<p><i>Num+y+Num+y+Num+y+Num +y+Num+y+Num+y+Num+y+Num:</i> <i>Як саду бисту як миллиону пан Ҷ саду</i> <i>Шастуду ҳазору ҳафсаду чилу шаш</i></p> <p>отсутствует</p>	<p><i>a) Num Num Num: hundred those one hundred fifty thousand</i></p>
<p><i>VIII. Num,....Num,</i></p>	<p>отсутствует</p>	<p><i>omscmтвeт five hundred million six hundred twelve by seven thousand nine hundred sixty nine (500627969)</i></p>

Как видно из приведенного иллюстративного материала, модель *Num.* в обоих языках представляет простые числительные, ничем не осложненные, состоящие только из одного корня, т.е. корневые слова.

Основы числительных простой структуры в обоих языках обладают более высокой потенцией, чем основы производной и сложной структуры. Простые числительные в обоих языках составляют лексическую и словообразовательную базу числительных количественной характеристики, простые числительные в обоих языках представляют собой наиболее ограниченный класс слов. В обоих языках простые числительные охватывают числовые названия первой десятки,

расширяя их за счет названий некоторых десятков, простые числительные в таджикском языке в этом отношении представлены в несколько большем количестве, развиваясь, в том числе за счет упрощения морфологической словообразовательной структуры, исторически производных числительных, распространяясь также на числительные-названия десятков *сӣ, чил, ҳазор* и др.

Простые числительные в обоих языках представлены в наименьшем количестве. Это в основном числительные первой десятки, названия некоторых *десятков, сотни, миллион, миллиард* и т.д. Фактически это названия числительных первообразных, исконных, и числительных, производящих ими производные от числительных на более позднем или более высоком этапе формирования категории количественности.

Основы числительных простой структуры обладают более высокой словообразовательной потенцией, чем основы производной структуры [Швачко 1982,16].

II. Модель Num+Num.

Суффиксальная словообразовательная модель **Numsuff.** Представляет собой двухкомпонентную конструкцию, состоящую из суффикса и производящей основы числительного.

Данная модель считается самостоятельной в силу присоединения основному корневому числительному в таджикском языке различных формантов, которые мы условно называем суффиксальными: *-оҳ-панҷоҳ,-ад-ҳафсад, -ст-бист,-ллион-биллион* и некоторые другие, в таджикском языке приведенная модель представлена в следующих подвидовых моделях числительных: а) *Num-оҳ панҷоҳ*; б) *Num-од (од): ҳафтод, ҳаштод, навад*; в) *Num-ст бист, шаст*, г) *Num миллион: биллион, триллион.*

В английском языке к числительным, образованным на словообразовательной основе модели **Numsuff.**, относятся: а) *Ninety: twenty, thirty, fifty (20....9)*; б) *Num-сm: twelve*, г) *Num-Numillion: trillion*;

quadrillion; quintillion; sextillion, septillion.

Некоторые выделяемые в работе суффиксальные форманты этимологически относятся к самостоятельным числительным, превратившимся в процессе исторического развития (фонетических изменений) числительных в аффиксальный формант.

III. Модель Num+Num

Модель **Num+Num** отражает образование сложных числительных, состоящих из двух основ в сопоставляемых языках. В таджикском языке она реализуется в двух вариантах:

а) **Num+cad:** *дусад, нухсад-hundred, two hundred, nine hundred;*

б) **Num+дах:** *чаҳордах, ҳабдах, ҳаждах-ten, fourteen, seventeen, eighteen.*

В английском языке по модели **Num+Num** образуются числительные от 13 до 19, они имеют подвидовую схему **Num+teen;** *thirteen, fifteen etc.*

В таджикском языке числительные, образующиеся по схеме **Num+дах**, исторически представляют составные числительные, образованные по модели на основе сочинительной связи, так как каждое из них исторически было образовано на сочетании числительного первого десятка с названием числительного *десятки*: *дах* при помощи сочинительного союза: *чаҳордах* исторически восходит к древнеиранскому *cabvoraudasa*, *ҳабдах*, -к *aptaudasa*, *ҳаждах*-к *astautadasa*, где *uta-союз*, в современном таджикском языке равный по функционально-грамматическому значению союзу **ва** “и”, историко-этимологически продолжающемуся *uta*, а вся модель исторически построена по структурной схеме: **Num,+conj.+Num**, основной для образования числительных в современном таджикском языке: *сесаду бисту шааш миллиону сесаду бисту шааш ҳазору сесаду бисту шааш* (конкретная структурная схема приведенного числительного:

*Num.+conj.+Num.+conj.+Num+conj.+Num.+conj.+Num.+conj.+Num+conj.
Num+conj.+Num.+conj.+Num+conj.+Num).*

Сочетание числительных первого десятка с названием десятка представляют собой также числительные от 13 до 19 в английском языке; *Num+teen: thirteen, nineteen.*

В целом числительным данной модели на современном этапе их развития характерно повторение исходных числительных в таджикском и *teen-* в английском языке, связь компонентов в которых по содержанию соответствует умножению (исторически в таджикском, как отметили выше-союзная связь посредством *uta*”и”).

Морфологический анализ производных имен числа данной модели еще раз подтверждает аксиому, что преобладающее большинство элементов производного имени ассоциируется с простыми числительными, что в свою очередь подчеркивает важную роль числительных первой десятки в обоих языках в словопроизводстве всего состава числительных.

IV. Модель Num+infiks+Num

Модель **Num+infiks+Num.** выделяется только в таджикском языке:

а) Num+3+даX: ёздаX, сездаX, нuzдаX⁷; б) Num-оз+даX: дувоздаX;
в) Num+из+даX:, сенздаX, понздаX, шонздаX.

В английском языке простые производные числительные представлены меньше, ограничиваясь в основном только названиями первого десятка.

В отличие от других спецификой числительных данной модели заключается в том, что они строятся с нарушением арифметического порядка десятков и единиц. Если в цифрах единицы следует за десятками (11,12,13,14,15 и т.д.), то в образовании числительных от одиннадцати до девятнадцати названия

⁷ Сездах и сенздах на современном этапе развития таджикского языка является фонетико-графическими вариантами. Отнесение их к разным под типовым структурным моделям в работе условно, учитывая особенности их формально-структурной организации в настоящее время.

единиц предшествуют названиям десятков: дувоздаХ, сенздаХ, чордаХ, понздаХ, шонздаХ и др. Данная особенность является спецификой многих индо-европейских языков. Впервые эту особенность числительных второго десятка отмечает академик В.В. Виноградов для русского языка [Виноградов 1972, 246].

Как отмечалось выше, исторически числительные – названия второго десятка представляли собой составные слова, образованные в целом от сочетания с числительным - даХ. Однако в результате частого повторения у числительных данного разряда произошло заметные формы и значения бывших составных числительных, превращая их в собственно простых числительных. Данное явление является характерной особенностью числительных второго десятка в большинстве языков.

Существительноеестественной для числительных данной модели является особенностью их исторического образования и дальнейшего фонетического развития, в результате которого союз в составе числительных превращается в своеобразный элемент, который мы, сопоставляя с фактически аналогическим способом и применяя термин акад. В.В. Виноградов, вслед за ним называем агглютинативным [Там же].

По данной структуре в обоих языках с простыми числительными соотносятся преобладающее большинство элементов производного имени, с чем связаны особенности структурно-семантического моделирования числительных в сопоставляемых языках, которое обусловлено тем, что становятся источником бесконечного множества качественно различных числовых наименований.

V. Модель Num+infiks+Num.

Выделяется только в таджикском языке: а) Num+3+дах: *ёздах, сездах, нуздах*⁸; б) Num-оз+дах: *дувоздах*; в) Num+из+дах: *сенздах, понздах, шонздах*.

В английском языке простые производные числительные представлены меньше, ограничиваясь в основном только названиями первого десятка.

В отличие от других специфика числительных данной модели заключается в том, что они строятся с нарушением арифметического порядка десятков и единиц. Если в цифрах единицы следуют за десятками (11,12,13,14,15 и т.д.), то в образовании числительных от одиннадцати до девятнадцати названия единиц предшествуют названиям десятков: *дувоздах, сенздах, чордах, понздах, шонздах* и др. Данная особенность является спецификой многих индоевропейских языков. Впервые эту особенность числительных второго десятка отмечает академик В.В. Виноградов для русского языка [Виноградов 1972, 246].

Как отмечалось выше, исторически числительные – названия второго десятка представляли собой составные слова, образованные в целом от сочетания с числительным - *дах*. Однако в результате частого повторения у числительных данного разряда произошли заметные изменения формы и значения бывших составных числительных, превращающие их в собственно простые числительные. Данное явление является характерной особенностью числительных второго десятка в большинстве языков.

Существенной особенностью для числительных данной модели является их историческое образование и дальнейшее фонетическое

¹¹ В.В.Виноградов отмечает, что «в области образования составных числительных развивается своеобразный принцип агглютинации элементов. В самом деле, в морфологическом составе числительных от одиннадцати до девятнадцати обнаруживается клейка тематических обозначений единиц (один, две, три и т.п.) посредством инфикса-на-со склоняемым суффиксом-дцать // 10): один-на-дцать и т.п.» [Виноград 1972, 264]

развитие, в результате которого союз в составе числительных превращается в своеобразный элемент, который мы, сопоставляя с фактически аналогическим способом и применяя термин акад. В.В. Виноградов, вслед за ним называем агглютинативным [Там же].

По данной структуре в обоих языках с простыми числительными строится преобладающее большинство элементов производного имени, с чем связаны особенности структурно-семантического моделирования числительных в сопоставляемых языках, которые обусловлены тем, что становятся источником бесконечного множества качественно различных числовых наименований.

VI. Модель Num Num

Сходство в словопроизводстве числительных сопоставляемых языков наблюдается в образовании числительных, составляющих названия тысячных, миллионных и выше чисел –VI словообразовательная модель NumNum. Данная модель наиболее продуктивная в обоих языках, что связано с названиями числительных, более абстрагированных от количественного обозначения и приближенных к количественному представлению в математике. В то же время числительные этой модели более позднего образования, особенно числительные с составными элементами *миллион*, *миллиард* и более, возникшими в эпоху расцвета математической науки. Словообразовательная модель Num Num объединяет фактически одинаковые подвидовые модели и представлена в девяти видах, хотя число их открыто и неограниченно; а) *Num hundred: 100-900*; б) *Num thousand: 1000-9000 one thousand-hasty –thousand*; в) *Num million: 1000000-900000*, г) *Num trillion*; д) *Num billion*; е) *Num quadrillion*; ж) *Num quintillion*, з) *Num sextillion*; и) *Num septillion*- в английском языке; а) N *ҳазор – нӯҳсад ҳазор (1000-900000)*; б) N-миллион: як миллион, ду миллион и т.д.; в) N миллиард; як миллиард, ду миллиард...; г) N биллион: як биллион...; д) N триллион: як триллион...; е) N квадриллион: як

квадриллион...; ж) N биллион: як секстиллион з) N септиллион: як септиллион...

Числительные данной модели образованы на основе латинских по своему происхождению числительных, которые непосредственно были заимствованы в английском и посредством русского в таджикском языке.

Приемы и правила, путем которых числительные преобразуются в составные, настолько просты, что представляют возможность образовать любые множества чисел. А.И. Смирницкий, указывая на многообразие приемов, применяемых для обозначения того или иного числа в системе числительных, выделяет «специфические особенности, характерные для изображения числа в числительном» [Смирницкий 1959, 165], фактически выявляющие способы семантического соотношения компонентов в сложных и составных числительных. Поэтому в нашей работе они называются семантическими приёмами и способами обозначения числа. В то же время следует отметить, что, несмотря на свою простоту, приемы, применяемые для обозначения того или иного числа в системе числительных, отличаются большим разнообразием.

Основным правилом словопроизводства числительных в английском языке является образование путем сочетания отдельного слова для каждого числа и сложения числительных. Мы их называем семантическими приемами.

VII. Модель Num Num Num

Модель NumNumNum является спецификой английского языка, отражая наибольшую его аналитичность, при которой порядок слов выступает основным словообразовательным средством особого разряда числительных: *hund red those one hundred fifty thousand* (конкретная модель данного состава числительных имеет следующий вид: **Num Num Num Num Num Num Num**). Отсутствие ярко выраженного способа структурно-грамматического способа связи между компонентами все более повышает роль семантической целостности композитов, поэтому важное

значение в образовании составных числительных данной модели приобретают семантические соотношения между составляющими числительные компонентами, спаянности и обобщенности выражаемого ими количественного значения.

VII: Num +conj.+Num +conj+ Num

Модель Num +conj.+Num +conj+Num является также одним из ярких свидетелей коренного отличия обоих языков в способах соотношения компонентов при образовании составных числительных. В отличие от предыдущей модели английского языка в таджикском языке основной структурной схемой составных числительных является NumyNumy... Num, наподобие: *як саду бисту як, дусаду бисту ду ҳазору яксаду панҷоҳ*, представляющей собой союзное сочетание компонентов в составе числительных.

Основные отношения в сочетаниях числительных, выражающих или именующих целое число, это сочинительные отношения между членами- компонентами – числительными, составляющими сложные и другие виды числительных. В них грамматическим средством выступает синтаксическая связь «сочетание», в компонентной организации которых представлены различные виды и группы словопроизводственных числительных с сочинительными отношениями.

В качестве средств выражения сочинительных отношений в выделенных структурных моделях выступает сочинительный соединительный союз –у- (*ва*).

Следует отметить, что союзная связь между составляющими компонентами была ведущей в образовании числительных в таджикском языке и в диахроническом аспекте. Генетически большинство современных сложных числительных таджикского языка относится к составным числительным с союзной связью между компонентами, в частности, на основе союзной связи исторически были образованы сложные числительные от 11 до 18: *ёздаҳ, дувоздаҳ, ҳабдаҳ, ҳаждаҳ*.

Хотя современное состояние числительных данного ряда отражает исторические изменения, прошедшие в их структуре и окончательно сформировавшие их как сложные числительные без союзной связи, т.е. словообразовательная модель Num +Num, наиболее идеально структурные особенности которой представлены в числительных *чаҳор (чор) дах, ҳабдах, ҳаждах*. Другие числительные данного ряда в своей структуре отражают некоторые остаточные исконные словообразовательные особенности, в том числе и морфологические, в частности, сохранение (о) з в числительных *ёздах, дувоздах, се(н)здах, понздах, шонздах*, восходящих к союзу *ита*, наращение –н- в числительных *понздах, шонздах*.

Важное значение в образовании составных числительных с союзной связью имеет также семантическая целостность композитов, проявляющаяся в спаянности и обобщенности их семантического соотношения.

VIII. Модель Num, Num

Модель Num, ... Num представлена только в английском языке, отражая специфическую особенность данного языка, в котором основным средством связи в составных числительных является порядок слов или соположение числительных от названия наибольшего числительного к постепенному уменьшению: *are hundred twenty two thousand one hundred fifty*. Несмотря на различия в способах связи компонентов, в обоих языках при словопроизводстве составных числительных основным является приём сложения.

Способ сложения является основным в словопроизводстве числительных в обоих языках, определяя основное направление словообразования числительных А.И. Смирницкий, выделявший способ словосложения в словопроизводстве числительных, указывает на два различающихся типа сложения в английском языке: сложение, основанное на двух корнях и представляющее собой сложное слово,

twenty – two, и сложение, один из компонентов которого представляет собой суффиксо-образный формант и стоит на грани между компонентом сложного слова и суффиксом: [Смирницкий 1959, 166].

Типологически, выделяемые А.И. Смирницким способы сложения словопроизводственной структуры числительных в сопоставляемых языках сходны в общем семантическом аспекте, отражая общее семантическое значение соотносимых составляющих частей компонентов числительных. Хотя структурно-грамматическое оформление частей в сопоставленных языках основывается на различных синтактико-морфологически значимых свойствах объединенных в единую структуру составляющих частей. В целом, в способах грамматического оформления словообразовательных типов или моделей числительных сопоставляемых языков проявляются коренные различия. Приемы умножения и сложения в образовании круга числительных в сопоставляемых языках не совпадают, так как каждый язык охватывает разные круги числительные при реализации того или иного приема структурного образования числительных. Таджикский язык в словообразовательном аспекте более последовательно разграничивает семантические типы, морфологически оформляя каждый из них различным образом. Сочинительный союз *-у (ва)* в современном таджикском языке является основным средством морфологического оформления словообразовательной связи числительных при семантическом типе сложения в названиях десятков, отсутствуя при образовании сложных числительных: *бисту як, як саду панҷ оху панҷ*. В то время как семантическое соотношение умножения между компонентами в таджикском языке употребляется в образовании числительных названий сотен и выше: *шааш сад, чор ҳазор, як миллион, се миллиард* и др., при котором грамматически и синтаксически значимое соположение сочетающихся компонентов числительных, порядок слов в грамматическом оформлении и семантическом соотношении

компонентов выполняют ведущую роль: *дусад...*, *ду ҳазор.. ду миллион...* *як миллиард..* и др.

Названия числительных десятков в их современном виде представляют простое слово без названия числительного десятка, хотя исторически, они по-видимому, присутствовали.

В английском языке умножение используется в названиях всех десятков: *twenty (2x10)*, *thirty (3x10)*.

Существенной особенностью английского языка является то, что данный язык в грамматическом аспекте не различает семантические типы, используя для структурно-грамматического оформления составляющие компонентов обозначающих числа, порядок их следования. В соответствии с этим в английском языке основным средством грамматического оформления связи компонентов является порядок слов. Это типологически значимо и свидетельствует о большей аналогичности английского языка, в котором порядок слов, а не формы выступает как средство грамматического оформления связи слов.

В обоих языках не совпадает также круг специального обозначения отдельным простым словом, исторически возможно не бывшим подобным. В английском к простым числительным (модель **Num**) относятся числа от 1 до 12: *nought, one, two, three, four, five, six, seven, eight, nine, ten, million, hundred*, в таджикском от 1 до 10: *як, ду се, чор панҷ, шааш, ҳафт ҳашт, нух, даҳ*, названия десятков: *бист, си, чихил, панҷоҳ, шаст, ҳафтод, ҳаштод, навад, сад, ҳазор, миллион*.

В то же время, как свидетельствует внутриязыковое и межъязыковое сопоставление, в словопроизводстве числительных в обоих языках проявляется важнейшая особенность числительных как часть речи по сравнению с другими лексико-грамматическими разрядами слов. Морфологическую действительность числительных в обоих языках характеризует нулевое словоизменение и грамматическая неопределенность. Это и характеризует в целом важность семантической

соотнесенности в словопроизводстве числительных, семантической целостности композитов, проявляющейся в спаянности и обобщенности их семантического соотношения в обоих языках, так как сложение и умножение не маркированы каким-либо грамматическими средствами, связанными с морфологическими формами слов. В наибольшей степени этот признак присущ английскому языку, в котором порядок следования числительных является единственным грамматическим признаком синтактико-грамматического оформления числительных. Хотя исключением в этом отношении не является и таджикский язык, в котором внутренняя семантическая соотнесенность некоторой части числительных находит выражение во внешнем структурном оформлении связи при помощи союзного форманта –у-. Однако, если анализировать общезыковые свойства данного типа связи, то следует указать на фактически застывший характер грамматической соотнесённости компонентов в сочетающихся числительных при данной связи, о чем свидетельствуют невозможность замены союза- у- синонимичным ва. –у- в составных числительных таджикского языка по функциональным грамматическим и структурным свойствам и сходство с –и в изафетных сочетаниях. Как и изафет –у-в составных числительных не имеет фактической самостоятельности и синтаксической выделяемости, что закрепляется и или проявляется также в его односторонней направленности связи. Так в бисту як- у -связан только с первым числительным, но не связан со вторым. Оформление двух а иногда и более числительных в составных одним ударением; *бисту ду, панҷ оху шаиш* когда ударение по фонетическим законам таджикского языка падает на последний слог последнего сочетающегося числительного, обеспечивает фонетическое оформление составного числительного в одно фонетическое целое. Фактически при этом наблюдается присловное интонационное оформление составного числительного в одно фонетическое слово: *наваду ду*.

Сближению составных числительных модели **Num-y-Num** к сложным словам в таджикском языке содействует также их лексико-грамматическое значение, при котором в отличие от сочетаний наподобие *ману ту -у-* в составных числительных не выражает значение множественности или совместности, а обозначает одно целостное понятие.

Строгая фиксированность места каждого числительного в счетом ряду, где соседние элементы отличаются *друг от друга* на единицу, функционально характеризуют числительные как особый лексико-грамматический разряд слов.

Наличие большого числа числительных, оформленных также в таджикском языке без внутренней инфлексии в сложные числительные, подтверждает стремление к чистому аналитизму в грамматическом оформлении соотнесенных компонентов числительных, когда грамматическое значение слова выражает не в самой структуре слова, а за ее пределами.

Таким образом, подытоживая сказанное, следует отметить, что по происхождению числительные в обоих языках в целом продолжают индоевропейское наследие. Это в целом проявляется в совпадении числительных в определенной степени в фонетическом облике, в словообразовательной системе, в структуре и системе сочетаемости с существительными, в том числе и в определенном их семантическом соотношении. Подобное сходство особенно наблюдается в материальном представлении числительных первой десятки, проявляющих структурно-семантическую идентичность не только в словообразовательном, но и в сохранении первоначальной индоевропейской фонетической структуры в наиболее близком материальном представлении. Влияние индоевропейского наследия в обоих языках наблюдается также в общей тенденции словопроизводства числительных. В простых и сложных числительных как в таджикском,

так и в английском языках представлена в целом первоначальная союзная сочинительная связь на основе сочетания сопоставляемые языки завилы разную систему словопроизводства, - на основе инкорпорирующей безаффиксной связи в обоих языках, а также на основе конверсии в английском языке, и на основе сохранения исконной союзной связи в таджикском языке, что, по-видимому, отражает общую тенденцию развития в названных языках все большего англицизма. Таджикский язык в этом аспекте последовательно продолжает исторически выработанную систему словопроизводства числительных на основе союзной связи.

В обоих языках сохраняется общая исконная тенденция словопроизводства числительных, при которой словообразовательной базой числовых имен являются простые числительные. С простыми числительными соотносится большинство словообразовательных элементов производных числительных. Только малая часть числительных представлена корневыми элементами, структурно не связанными с простыми числительными: *чухил-forty, сад ҳазор- hundred thousand* и др. Сюда же относятся и корневые элементы, заимствованные в обоих языках *million, trillion, billion, quadrillion, quintillion, sextillion* – в английском языке: *миллион, миллиард, триллион, триллиард, биллион, квадриллион, секстиллион, септиллион*- в таджикском языке. Как отмечалось выше, латинские по своему происхождению названные числительные непосредственно из латинского языка были заимствованы в английском и опосредованно через русский язык-в таджикском.

Сравнение заимствованных и исконных числительных в обоих языках указывает на существенную закономерность происхождения числительных, пополнение систем языка числовыми именами.

Числительные от одного до тысячи-слова общенародного языка, так как связаны и соотнесены в целом с реальными объектами посредством общенародного превентивного осмысления. В

числительных от миллиона и выше реальное соотношение с предметами, объектами действительности трудно сопоставимо, осложнено, так как они абстрактны, автоматизированы. Отсюда исходит их позднее происхождение и ограниченное, отчужденное от общенародного употребления.

Выделяемые в обоих языках словообразовательные модели отражают историческую обусловленность системы словопроизводства числительных с десятичной системной счисления. При номинации бесконечного множества чисел числительные имеют особенность повторяться, что предоставляет возможность наименьшим числом слов назвать любое возможное количество. В таджикском языке образование числительных любого количества становится возможным при использовании только 21 корневого слова: *як-one, ду-two, се-three, чор-four, панҷ-five, шааш-six, ҳафто-seven, ҳашт-eight, нӯҳ-nine, даҳ-ten, бист-twenty, сучи-thirty, чихил-fourty, панҷоҳ-fifty, шасст-sixty, ҳафтод-seventy, ҳаштод-eighty, навад-ninety, сад-hundred, ҳазор-thousand, миллион-million* и др. Примерно подобное же явление наблюдается и в современном английском языке.

Производные числительные в обоих языках формируются по немногочисленным и простым правилам, которые наделены широкими возможностями фактически для безграничного сочетания числительных. Простота и ограниченность правил сочетаний обеспечивают наибольшую упорядоченность единиц в системе числительных, лёгкость и удобность фиксации любого множеств и чисел в обоих языках.

Сопоставленные материальной базы словообразования, числительных показывает, что основы числительных простой структуры обладают более высокой словообразовательной потенцией, чем основы производной и сложной структуры. При этом в парадигме различных словообразовательных типов числительных числительные первого десятка являются мотивирующим центром. Числительные первого

десятка в обоих языках мотивируют образование десятков: *ёздаҳ... нуздаҳ- twelve....nineteen; бист, си, чил....навад- twenty... ...ninety*. Основными в образовании сотен и числительных высших разрядов являются также простые числительные первого десятка: *дусад...нуҳсад- one hundred nine hundred thousand* и др. *як ҳазор нуҳсад ҳазор*

Новые числительные в обоих языках создается путем повтора старых чисел: *як ҳазору нуҳсаду панҷоҳу ду - one thousand nine hundred fifty*. Числительные второго десятка в обоих языках образуются от сочетания числительных первого десятка с названием десятка: *даҳ* – в таджикском, *teen* – в английском: *ёздаҳ... нуздаҳ -thirteen...nineteen*.

Английский и таджикские языки проявляют признаки сходства в образовании составных числительных, которые в обоих языках называются, соблюдая правила порядка именованя от количества большего числа к меньшему, каким способом отражается соположение числительных по принципу следования цифр: 2201-50521: *дусаду бист миллиону яксаду панҷоҳ ҳазору панҷ саду бисту як-two hundred twenty million one hundred fifty thousand fifty hundred twenty one*. В составных обозначениях множеств в обоих языках числительные сопологаются по принципу следования цифр.

Таблица № 7

В таджикском	В английском
<i>ду, панҷ шаш</i>	<i>one, two,</i>
<i>панҷоҳ</i>	<i>fifty</i>
<i>шаст</i>	<i>sixty</i>
<i>ҳафтод</i>	<i>seventy</i>

<i>ҳаштод</i>	<i>eighty</i>
<i>ҳашт сад</i>	<i>eight hundred</i>
<i>шааш сад</i>	<i>six hundred</i>
<i>ду ҳазор</i>	<i>two thousand</i>
<i>ҳафт ҳазор</i>	<i>seven thousand</i>
<i>ду миллион</i>	<i>two million</i>
<i>се миллион</i>	<i>three million</i>

Основным правилом словопроизводства в обоих языках является образование путем сочетания и сложения числительных. При этом приёмы, по которым сочетаются числительные, настолько просты, что представляют возможность образовать любые множества чисел.

Правила именования совладают в сопоставляемых языках также в производных числительных второго десятка. При этом производные числительные называются по принципу, обратному следованию цифр: *thirteen... nineteen*. Это правило отражено в английском языке и в числительных 11,12: *eleven, twelve*, подвергшихся коренным фонетическим изменением, а также в числительных второго десятка в таджикском языке, также подвергающихся определенным фонетическим изменением. Эти изменения обусловили опрощение фонетической структуры числительных в таджикском языке, хотя первоначально образовавшихся по общей схеме составных числительных: **Num ва Num**. Поэтому первоначально числительные второго десятка по своему словообразовательному признаку соответствовали общей системе

словопроизводства составных числительных в кругу словопроизводства, которых они были образованы, чем и отличаются от соответствующих числительных английского языка. При общем историческом структурном соответствии числительные второго десятка в обоих языках в современном их представлении структурного моделирования относятся к соотносительным структурным схемам: **Num+Num**-тадж.: *ёздаҳ-нуздаҳ-thirty-nine*.

ГЛАВА III

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И ГЛАГОЛА

3.1. Количественные слова в системе частей речи

Предметом нашего анализа являются количественные слова, которые в лингвистической литературе рассматриваются в качестве определенных и неопределенных числительных.

В грамматических трудах определенные и неопределенные количественные слова подразделяются на различные лексико-грамматические и лексико-тематические типы: количественные, собирательные, видовые, кратные, разделительные и порядковые. В целом при этом охватывают семантические и категориально-грамматические отношения в системе числительных и других, приближенных к ним в обозначении количественного значения слов.

К определенным количественным относят слова типа, во-первых, *one, two, sto, thousand* – як, ду, сад, ҳазор - один, два, сто, тысяча; во-вторых, *half, third, quarter* – ним, сеяк, чоряк - половина, одна треть, четверть и др. Данную группу составляют количественные слова, называемые дробными числительными, которые в грамматиках относятся к количественным числительным. В-третьих, *unit, quadruple, quintuple* – панчак, садак - единица, четверка, так называемые существительные с числовым значением. К неопределенным количественным словам относятся слова типа *much, little, how much, several, so much, pair* – бисёр, кам, чанд, чанде, якчанд - много, мало, сколько, несколько, столько. В число неопределенных видовых количественных слов попадают также слова, имеющие разделительное значение *on-two, on-three, on-five, on-few* и др. – як-як, яккай, ду-ду, дукаси, се-се, секаси, як чанднафарӣ и др. – по два, по три, по пять, по одному, по двое, по несколько и др.

К определенным порядковым числительным относятся слова типа *first, second, third, fourth, tenth, hundredth* - *якум, дюум, савум, чаҳорум, панхум, даҳум, садум* и др. - *первый, второй, третий, четвертый, десятый, сотый* и др., а к неопределенным — *which* - *чандум – который* и др.

В современных лингвистических исследованиях специально подчеркивается, что проблема частей речи и выбор критериев для их классификации неотделимы от степени научной квалификации языковеда, устанавливающего систему частей речи. Такого мнения придерживается, например, А. М. Щербак [Щербак 1968, стр. 230.] Поскольку установление системы частей речи непосредственно зависит от критериев классификации, постольку взгляды на эту систему, как мы покажем ниже, достаточно различны.

Таким образом, узловой проблемой исследования количественных слов является решение вопроса о том, какой категориальный критерий при определении конкретных слов к частям речи является преопределяющим. Определив этот критерий, мы получаем возможность установить систему частей речи в том или другом языке. Определение этих важнейших вопросов позволит установить прочную базу для распределения количественных слов по частям речи.

Если бы при отнесении слов к определенным частям речи решающую роль играло их вещественное значение, то лексические единицы *як, танҳо, якка* были бы отнесены к одной и той же части речи, так как с объективной точки зрения они все означают «количество». Между тем приведенные слова относятся к разным частям речи; следовательно, вещественное значение слова при классификации слов не является решающим.

Если бы при отнесении слов к частям речи определяющую роль играла грамматическая категория слова, то слова *реону* и *доом* вошли бы в одну часть речи. Между тем эти слова относятся к разным частям

речи; следовательно, грамматическая категория также не играет здесь существенной роли. Это относится и к грамматическим категориям числа, лица и т. п.

Если бы при определении частей речи решающей выступала синтаксическая функция, то в таком случае, например, слова, выражающие подлежащее, принадлежали бы к одной части речи. Однако слово **панч** в предложении *панч ба ду бе бақия тақсим намешавад* «Пять не делится на два без остатка» и *панчак*⁹ в предложении *Панчак бозии шавқовар аст* «Панджак-интересная игра» должны были быть отнесены к разным частям речи, хотя они и выполняют тождественную функцию. Таким образом, синтаксическая функция слова также не является решающей при отнесении его к какой-либо части речи.

В лингвистической литературе подчеркивается необходимость использования при классификации частей речи комплексной семантико-морфолого-синтаксической точки зрения. Однако если при этом «триедином» принципе одному из моментов придать решающее значение, то классификация частей речи попадает в заколдованный круг, из которого нет выхода. Критику частичного и комплексного подходов к классификации частей речи содержат материалы конференции о спорных вопросах теории частей речи [Вопросы теории частей речи. -Л., 1968]. Критику отдельных принципов классификации можно найти и в работе О. П. Суника [1966]. Совершенно другую точку зрения высказывает на критику принципов классификации частей речи J. Рореа [Рореа 1969, 230 - 236.].

Следовательно, ни обращение к семантическим, морфологическим и синтаксическим критериям, ни использование комплексного подхода не может преодолеть и устранить нелогичность и противоречивость классификации частей речи, унаследованной еще со времен античности. Это обстоятельство

⁹ Панч ак – детская игра с пятью камешками.

можно проиллюстрировать примером распределения слов с количественным значением по частям речи в английском и таджикском языках. В грамматических трудах с несущественными вариациями повторяется определение, что «числительные как особую часть речи определяют и объединяет их лексическое значение и, кроме того, несколько морфологических и синтаксических свойств их главной группы — количественных числительных». [Так определяются числительные во всех Грамматиках таджикского языка, стр. 314] В этой дефиниции за главный принцип классификации ошибочно берется лексическое значение, а из синтаксических признаков выделяются именно те, которые при классификации частей речи не столь важны: способность слов выполнять синтаксическую функцию члена предложения.

Более положительных результатов можно достичь при такой классификации количественных слов, когда при комплексном семантико-морфолого-синтаксическом подходе принимаются во внимание более важные синтаксические свойства, а именно: способность сочетания рассматриваемых слов с другими частями речи. Если же изучение количественных слов опирается на основной принцип диалектической теории познания, заключающийся в том, что между отдельными группами отмечаются не только тождественные, но и различительные признаки в лексических, морфологических и синтаксических свойствах, то мы более приближаемся к постижению сущности частей речи. Подобный комплексный подход, дополненный указанным постулатом и прежде всего тем, что к числительным могут быть отнесены количественные слова, выражающие точное количество и сочетающиеся лишь с именами существительными, дает возможность серьезно изменить классификацию слов с количественным значением. Достаточно указать, что путем

применения этого «расширенного» комплексного принципа классификации шесть указанных выше разрядов числительных сокращаются до трех: количественные, собирательные и дробные, в которых лексические и грамматические признаки проявляются весьма четко и однозначно: «*типичные*» числительные выражают точное число, обладают, собственно, только грамматическими категориями падежа и личности и сочетаются лишь с именами существительными. [Подобная классификация была предложена автором в кандидатской диссертации. Тагоева, 2006.]

Однако последующий анализ количественных слов показывает, что и вещественное значение наряду с особыми грамматическими категориями и способностью сочетаться с другими словами не является основным принципом классификации, что эти факты представляют собой лишь важные внешние признаки количественных слов, которые наглядно показывают, к какой части речи следует отнести конкретное слово, но не определяют самой сущности частей речи. Последнее еще следует найти.

Нелогичность традиционной системы десяти частей речи [См., например: Грамматика таджикского языка 1989; Грамматика английского языка 1987] заключается в том, что она включает в себя такие группы слов, которые выделяются на основе совершенно разных критериев. Дело в том, что в этой системе к полнзначной лексике приравниваются не только вспомогательные грамматические слова, но даже междометия. Эта противоречивость не уменьшается при включении в традиционную схему модальных слов, предикативов и частиц. Данное обстоятельство вызвано тем, что новые части речи, выделяемые лишь на базе частичного классификационного, обычно синтаксического признака, механически включаются в старую нелогичную и противоречивую систему частей речи. [См. 1971—52; 1974.]

Противоречивость в устаревшей номенклатуре частей речи можно

устранить в том случае, если будет найден единый принцип классификации, основанный на самом существовании классифицируемых слов. Тенденция к установлению единых классификационных принципов при выделении частей речи представлена и в современной лингвистической литературе. Некоторые лингвисты предлагают выделить четыре части речи с учетом самостоятельности или несамостоятельности существования явлений: имена (существительные, прилагательные, местоимения, числительные) глаголы и наречия. С учетом наименования предметов и их признаков выделяет те же самые четыре части речи и называет их качественными. Подобный единый принцип классификации слов по частям речи они считают необходимо установить так, как это сделано в некоторых естественных и общественных науках: например, периодическая система элементов в химии и способ производства материальных благ в материалистическом понимании истории. На это обратил внимание О. П. Суник [1968: 36—37].

Известно, что полнозначные слова, составляющие более 90% всего словарного запаса, отличаются друг от друга не только лексическим, но и грамматическим значением. Однако грамматические значения бывают двух типов: частные (род, число, падеж, время, лицо и т. п.) и общие (предметность, процессуальность и т. д.). Литература об общих и частных грамматических значениях довольно велика. Ее приводит О. П. Суник в работе «*Общая теория частей речи*» (М.—Л., 1966); см. также указанный выше сборник *Вопросы теории частей речи*. -Л., 1968: 36—37

Именно последние значения являются единым общим знаменателем при классификации слов по частям речи. Общие грамматические значения не являются ни обобщением лексического значения, ни простой суммой частных грамматических категорий, ни гибридными лексико-грамматическими или логическими категориями — это грамматические значения. Подобно этому, части речи не являются словами или лексико-грамматическими, или логическими категориями — это грамматические

классы слов. Так их характеризует, например, О. П. Суник (см.: О. П. Суник, *Общая теория частей речи*, стр. 39 и след.)] Общие грамматические значения предметности, качественности, количественности, процессуальности и обстоятельства представляют собой языковые значения. Существует концепция, отличающаяся от концепции О. П. Суника тем, что она исходит из существования системы пяти общих грамматических значений (предметность, качественность, количественность, процессуальность и обстоятельство), тогда как в концепции О. П. Суника с лингвистической точки зрения «предметами» являются не только явления материального мира, но и понятия и представления о них. Поэтому все, что в языке выражено несубстантивно, является «атрибутом». Каждое однозначное слово, имеющее значение не «предметности», а «признака», включается в расчлененную группу атрибутивных слов. А поскольку речь идет о значениях лингвистической семантики, постольку они входят в компетенцию языкознания как один из самых важных аспектов исследования. Именно этим они отличаются от общих категорий и основных понятий мыслительной деятельности людей (от категории субстанции и подобных), которые являются предметом материалистической философии. Подобным образом отграничивает грамматические категории от основных категорий человеческой мыслительной деятельности и О. П. Суник в указанных работах.

С лингвистической точки зрения, предметами являются не только явления материального мира, например, *дом, лошадь, дерево, голова*, но и абстрактные понятия, представления о вещах типа *бог, дух, доброта, тайна*. Такое понимание предметов в лингвистическом аспекте разделяла большая часть языковедов на конференции о спорных вопросах теории частей речи (А. С. Чикобава, И. Е. Аничков, А. Н. Тихонов, А. М. Щербак, И. В. Кормушин, П. Я. Скорик, К. Е. Майтинская и др.). [Вопросы теории частей речи, 1968].

А. В. Савченко полемизирует с пониманием О. П. Суником грамматической предметности, [Савченко 1968: 94—98.] Все слова, обладающие значением грамматической предметности, относятся к одной части речи — к существительным. Подобным же образом слова, обладающие общим грамматическим значением процессуальности, относятся тоже к одной части речи — к глаголам (*run, write, yell – давидан, навиштан, дод задан - бегать, писать, кричать*). Все слова, имеющие качественное значение, следует относить к прилагательным (*beautiful, wooden, equine, someone else – зебо, чубї, аспї, бесоҳиб, модарона, занона - красивый, деревянный, лошадиный, чужой, материн*), со значением обстоятельства (*beautifully, yesterday – зебо, дина, пагоҳї - красиво, вчера*)— к наречиям. Наконец, слова с общим грамматическим значением количественности (*five, ten, one hundred, two, three - панҷ, даҳ, сад, ду, се - пять, десять, сто, два, три*) образуют числительные. Так оценивают количественные слова автор в лингвистической литературе.

Серьезным является вопрос о том, когда в нашем языке появились условия для возникновения общего грамматического значения количественности.

Количественные слова, употребляемые в языке для обозначения чисел, еще не представляли собой особой части речи. Числительные до *four – чаҳор - четырех* включительно были именами прилагательными, а от *пяти* — существительными. В количественных словах с общим грамматическим значением предметности количественность воспринималась как известная собирательность. Система числовых обозначений использовалась на практике, но наличие специальных числовых слов свидетельствует, что интеллект древних народов был уже в состоянии отделить число от остальных признаков предмета. В этой связи чаще всего цитируется работа Фр. Энгельса «*Анти-Дюринг*» и повторяется известная мысль: чтобы мы могли считать, нужно иметь не только предметы для счета, но и способность наблюдения над этими

предметами, умение отличить все их другие признаки от числа, что является результатом длительного развития, опирающегося на опыт. И. Ружичка пишет: «После абстрагирования числа от его носителя возникает самостоятельное понимание числа: это понимание является 'базой для арифметики. Подобная высокая ступень абстракции находит выражение в самостоятельной части речи — числительных, особенно в так наз. количественных числительных, как это наглядно показал В. В. Виноградов» [Ruzička, 1961:77]

Общее грамматическое значение количественности в количественных словах развилось где-то в начале исторического периода развития таджикского и английского языков, а конкретные формы его выражения постепенно оформлялись и совершенствовались. Изменилось, однако, не только количество общих грамматических значений, когда к четырем значениям предметности, качественности, процессуальности и обстоятельства присоединилось пятое — общее грамматическое значение количественности, изменилась и система частей речи, ибо к четырем прежним (существительное, прилагательное, глагол, наречие) примкнула пятая — числительные. Из количественных слов с собирательным значением возникли числительные, которые приобрели точное значение. Количественные слова, означавшие не определенное количество, а лишь неопределенное множество, в последующем присоединились к другим частям речи. Это касается таких количественных слов, как *much, little, several* – *бисёр, кам, чанд* - *много, мало, несколько* и т. п. В развивающейся системе числительных противоречие между общим грамматическим значением количественности и грамматической пестротой устраняется посредством утраты рода, числа и склонения. Специфической чертой числительных явилось развитие грамматической категории мужского лица. Развитие системы числительных со значением точного количества по существу заканчивается лишь в современном языке. Это система числительных, в которой посредством слов передается графическая

система цифр, означающих точное количество, ибо графически передаются количественные и дробные числительные, кроме собирательных.

Как было отмечено, на базе общего грамматического значения количественности, лексически реализующегося в обозначении точного количества и синтаксически — в способности сочетаться лишь с существительными, в кругу количественных слов выделяются только **два разряда числительных: количественные** — типа *one, five, ten, hundred* – *як, панч, даҳ, сад* - *один, пять, десять, сто* и **дробные** — типа *quarter, one third* - *яку аз даҳ як, чоряк, сеяк*. Для всех этих трех разрядов характерны значение точного количества и способность сочетаться лишь с существительными. Количественные числительные сочетаются лишь с сингулятивами, например, *two buildings, three trees, five childs* - *ду хона, се дарахт, панч кудак* - *два дома, три дерева, пять детей*; собирательные числительные, в языках, в которых они существуют, сочетаются с *pluralia tantum*, например, двое саней, трое качелей, пятеро гуслей, да с парными существительными: двое очков, трое суток; дробные — с существительными, обозначающими время, меру и вес, например, *floor of the kilogram, floor of the metre, floor of the kilometer* – *ним кило, ним метр, ним километр* - *полкилограмма, полметра, полкилометра*. В таких языках, как славянские, которые сохраняют склонение, склоняются лишь некоторые разряды числительных, за исключением, русского, в котором склоняются почти все разряды числительных. Род в английском и таджикском языках не сохранился. В восточно-славянских языках категория рода сохранилась в системе числительных остаточно лишь при количественных числительных один и два и т. д. Грамматическая категория числа в системе числительных английского и таджикского языков формально не выражается, а в русском языке выражается лишь в числительном *один*, которое трудно отнести к «чистым» числительным, так как *один* только через лексическое значение вступает в числовой ряд,

в котором находятся числительные от *два* до *тысячи*. Формами множественного числа (*одни мужчины – одни женщины*) в русском языке числительное *один* примыкает к местоимениям.

Из описания возникновения и реализации общего грамматического значения количественности можно сделать два вывода. Во-первых, от изменения системы общих грамматических значений и ее расширения в историческую эпоху развития сопоставляемых языков с четырех членов до пяти зависят непосредственно и изменения в системе частей речи и появление числительных как части речи. Во-вторых, в связи с изменением в системах общих грамматических значений и частей речи произошла переоценка количественных слов в языке. Отсюда возникает вопрос о том, каково вообще место количественных слов в системе частей речи.

Система общих грамматических значений ни в исторических, ни в описательных грамматиках до сих пор не представлена, так как в сравнительно-исторических исследованиях и в систематических синхронных описаниях основное внимание обращалось на частные грамматические категории (род, число, падеж, время, лицо и т. д.) и грамматические формы вообще. Это мешало пониманию грамматических явлений, которые освещались односторонне и неполно, хотя и детально. Что касается количественных слов, то их положение уточняется уже теперь при использовании единого классификационного критерия, опирающегося на систему общих грамматических значений. Положение этих слов в системе частей речи не удавалось однозначно определить с конца прошлого века. Они распределялись по различным частям речи, образуя подгруппы существительных (*half, third* - *половина, треть* и т. д.), прилагательных (*first, second, third, fourth, hundredth* - *якум, дюум, сеюм, чорум, садум* - *первый, второй, третий, четвертый, сотый* и др.) и наречий (*twice, lonesome* - *як-як, ду-ду, яко як* - *однажды, дважды, одиноко* и т. д.).

Когда был найден непротиворечивый и единый принцип классификации, положение числительных как самостоятельной части речи, обусловленной существованием общего грамматического значения количественности, стало ясным: числительные выступают в системе частей речи как грамматический класс слов, равноценный остальным грамматическим классам-существительным, прилагательным, глаголам и наречиям, выделенным на основе общего грамматического значения предметности, качественности, процессуальности и обстоятельства. Именно с этой точки зрения количественные слова подвергаются переоценке. Так называемые числовые существительные и типа, обладая грамматическим значением предметности, относятся к существительным. Так называемые порядковые типа *tenth, fifth, last* – *дахум, панчум, охирин, сони - десятый, пятый, последний* содержат общее грамматическое значение качественности, вследствие чего их следует отнести к прилагательным. Так называемые видовые и кратные числительные *дважды, трижды*, обладая общим грамматическим значением обстоятельства, относятся к наречиям. Обоснование того, что разделительные числительные типа *on-three, on-two, on ten, on several* – *се каси, дах каси, чор каси, се-се, чор-чор, по-три, по-два, по десять, по несколько* не образуют особого разряда числительных.

Возникновение общего грамматического значения количественности и консолидация числительных как особой части речи со специфическими лексическими и грамматическими признаками вызвали, однако, не только изменения в положении количественных слов в пределах частей речи, но и изменения в их взаимоотношении в системе частей речи как целого и вне этого целого. Эти факты лучше всего можно показать на изменениях отношений между местоименными количественными словами и количественными словами в самой системе частей речи. Особенно характерны местоимения, не являющиеся полнозначными словами, обозначающими предметы и их признаки, а

лишь вопрошающими и отсылающими, указывающими на эти предметы и признаки.

Современная система местоимений отличается от доисторической системы числом форм и их разрядами. Некоторые местоимения давнего периода утратились, а другие перешли в иные части речи. В них утратился прежний способ выражения указания на незнакомый и неизвестный предмет и его признаки, изменились средства выражения близкого и отдаленного предмета и его признаки. Однако изменениям подверглась лишь система местоимений и их отношение к другим частям речи, что было обусловлено развитием самой системы частей речи, так как в исторический период из субстантивных и атрибутивных слов возникли числительные. В историческую эпоху, вплоть до наших дней, система местоимений пополнилась прежде всего такими членами, которые были связаны с развитием числительных как новой части речи. Сказанное относится к местоимениям, посредством которых мы спрашиваем и ссылаемся на количественные особенности качества и вида предметов, на количественные свойства предметов вообще и на количественные особенности признака предметов.

Как мы отметили, в историческую эпоху система общих грамматических значений и частей речи увеличилась с четырех до пяти. С этим изменением было связано и изменение в категории «местоименности». Ее своеобразие заключается в том, что она включает содержание всех общих грамматических значений. Так характеризует категорию местоименности, например, О. П. Суник [1968:111.] предметности (*who that, I – кӣ, чӣ, ман - кто, что, я*), качественности (*what, whose, such, my – чӣ хел, ҳамин хел - какой, чей, такой, мой*), количественности (*how much, so much, so, only - чанд, чӣ қадар, ин қадар, он қадар - сколько, столько, столь, только*), обстоятельства (*as, where, where, so, there, before - кучо, чихел, пеш - как, где, куда, так, там, перед*).

Положение местоименных слов как определенного класса в исто-

рическую эпоху не изменилось: они остались разделенными между частями речи. Это не нарушает принципиального характера классификации по общим грамматическим значениям, потому что в каждой из частей речи имеются подклассы и местоимения выступают как субстантивные, адъективные, числительные и наречные. В сопоставляемых языках нет глагольных вопросительных местоимений. Ранее в них существовали так называемые отсылочные, указательные глагольные местоимения, непосредственно указывающие на деятельность, процессуальность предметов. Изменилось только их количество и отношение к изменившейся системе частей речи. Вследствие этого специфичность категории местоименности заключается ныне в том, что последняя включает часть из всех существующих общих грамматических значений: предметности, качественности, количественности, процессуальности.

3.2. Количественные отношения в системе имен существительных

Уже в глубокой древности люди обращали внимание на то, что слова, которыми они пользовались в своем родном языке, ведут себя в речи по-разному. Одни слова называют предметы, другие - действия, процессы, третьи - качества, свойства предметов. Одни слова склоняются по падежам, другие изменяются по лицам и временам и т.д.

Эти наблюдения, которые были отмечены древнеиндийскими и древнегреческими грамматистами, дали им основание для выделения двух отчетливо выраженных разрядов слов - имени и глагола. Аристотель (384-322 до н. э.) выделял три части речи - имена, глаголы и союзы.

Вопросы о принципах классификации частей речи, об их количестве в языке, о группировках слов, выделяемых внутри той или иной части речи, об особенностях их семантики и функционирования были и остаются во многом дискуссионными, связанными с решением крупных лингвистических проблем [ср., напр.: Бабайцева В. В. Явления

переходности в грамматике русского языка. М., 2000; Баудер А. Я. Части речи как структурно-семантические классы слов в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983; Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации Вопросы теории частей речи: (На материале языков различных типов). Л., 1968; Клобуков Е. В. Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка: (Морфологические категории в системе языка и в дискурсе): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995; Кубрякова Е. С. Когнитивный взгляд на природу частей речи // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 218–224; Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000; Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 63–84 и др.].

Разнообразные по своим значениям и грамматическим признакам слова современных английского и таджикского языков объединяются в лексико-грамматические разряды слов, называемые частями речи. Среди слов сопоставляемых языков выделяются прежде всего два больших, количественно неоднородных разряда слов - слова самостоятельные (знаменательные) и слова служебные, отдельную группу составляют модальные слова, междометия и звукоподражания (6, с. 386).

Самостоятельные части речи либо называют предметы, качества, количество, состояния, действия, либо указывают на них (11, с. 387).

Самая многочисленная группа слов в современном русском языке - это группа слов, относящаяся к имени существительному

Д.Э. Розенталь под именем существительным понимает «...часть речи, объединяющую слова с грамматическим значением предметности, которое выражается с помощью независимых категорий рода, числа, падежа, одушевленности и неодушевленности» (14, с. 180).

Грамматическим стержнем имен является категория имен существительных. Под эту категорию подводятся слова, выражающие предметность и представляющие ее в формах рода, числа и падежа. П.А.

Лекант дает следующее определение: «Имя существительное - это часть речи, обозначающая предмет и выражающая категориальное значение предметности в частных грамматических категориях одушевленности неодушевленности, рода, числа и падежа» (12, с. 195).

Относимое к категории имени существительного слово обычно представляет собою систему форм единственного и множественного числа, в английском языке воспроизводящую определенный родовой тип склонения (ту или иную ограниченную парадигму), а также категорией одушевленности и неодушевленности и лица и нелица.

Значение предметности служит тем семантическим средством, с помощью которого из названия единичной вещи возникает обобщенное обозначение целого класса однородных вещей или выражение отвлеченного понятия (ср. семантическую историю таких слов, как *ampere, lampoon, pamphlet, boycott, attic, jockey, infirmary, Colt, Mauser, fiasse* - *ампер памфлет, бойкот, мансарда, жокей, меценат, кольт, маузер, фиакр* и т. д., в основе которых лежало собственное имя лица).

Имена существительные как часть речи могут быть названиями конкретных предметов, вещей (*chair, notebook* *курсѝ, дафтар* - *стул, тетрадь*), веществ (*iron, oxygen, gold* - *оҳан, оксиген, тилло* - *железо, кислород, золото*), живых существ и организмов (*bear, beetle, butterfly* - *хирс, кунгуз, шапалак* - *медведь, жук, бабочка*), явлений объективной действительности (*rain, day, revolution* - *борон, рез, инкилоб* - *дождь, день, переворот*), отвлеченных качеств и свойств (*good, courage* - *некѝ, далерѝ* - *добро, мужество*), действий и состояний (*rest run, wash(ing), laundering* - *роҳхат, дав, шѝстушѝ* - *отдых, бег, стирка*), географические названия (*China* - *Хитой* - *Китай*), лиц (*grandmother, baby, human* - *модаркалон, тифл, одам* - *бабушка, младенец, человек*) (13, с. 155). Следовательно, значение предметности - это отвлеченное грамматическое значение, свойственное всем без исключения существительным. Для обнаружения грамматического значения

предметности (особенно в тех случаях, когда необходимо ограничивать имя существительное от других частей речи с близким лексическим значением;) на практике используется подстановка местоименных слов кто и что с обобщенно-предметным значением. Причем в отличие от имен прилагательных, которые выражают свойства и качества несамостоятельно, а как принадлежащие предмету или явлению, имена существительные выражают отвлеченные свойства и качества (*радость, внимательность, доброта.*) самостоятельно, независимо от тех предметов, явлений или понятий, которым эти свойства присущи.(4,с. 190)

Форма имени существительного предназначена для сбережения духовного материала при помощи языка [Виноградов 1972, 48]. Категория имени существительного обеспечивает возможность мыслить предметно, в форме названия, даже отвлеченные понятия о качествах и действиях.

Выражая предметность, являясь средством опредмечивания разнообразных понятий и представлений, имя существительное находится в сложном взаимодействии со всеми другими классами слов. Ярче и выразительнее всего контраст между именами существительными и глаголами.

Ближе и теснее всего связи имен существительных с категориями имен прилагательных и наречий. Имя существительное нередко выполняет те же синтаксические функции, что и наречие, и прилагательное. Между существительными и прилагательными, между существительными и наречиями намечаются переходные ступени. Взаимодействие имени существительного и наречия очень разнообразно. Но особенно ярко обнаруживается оно в тех случаях, когда имя существительное в форме косвенного падежа (чаще с предлогом) несколько ослабляет свое предметное значение и начинает употребляться в роли несогласуемого определения или обстоятельства. Таково,

например, выражение *in miniature* -в миниатюре. Оно переступает за черту форм и значений слова *miniature* -миниатюра.

По иным направлениям развиваются связи имен существительных с именами прилагательными. От имен существительных зависит состав и пополнение таких грамматических разрядов, как имена прилагательные притяжательные, относительные и качественно-относительные, например: *field work* – *корҳои сахроӣ*; *field rotation* — *кишти баҳравӣ*; *wild flowers* - *гулҳои сахроӣ* и т. д.

С другой стороны, категория имен существительных непрестанно вовлекает в свою систему бывшие формы имен прилагательных (ср.: *дузанда, хаткаш, савора, қаторӣ, чамбаракаш, ошхурӣ, гул, навбатчӣ, лазза, дююм, ширхур, бе сутунмӯхра* - *tailor, messenger, riding, ordinary, helmsmen, dinning-room, deaf-mute, man on duty, roast, second, mammal, invertebrate* - *портной, посыльный, верховой, рядовой, рулевой, столовая, глухонемой, дежурный, жаркое, второе, млекопитающее, беспозвоночные* и т. п.). Тем самым распространяется синтаксическое употребление имени прилагательного в роли заместителя существительного (ср.: *counter, third decisive, sowing campaign, harvest, first mounted, непокупное, jammed, old* - *встречный, третий решающий, посевная, уборочная, первая конная, непокупное, нажитое, старое* и т. п.).

Многообразие синтаксических функций, выполняемых именами существительными, иногда ведет к осложнению и расширению значения предметности. Нередко в строе имени существительного предметность является лишь фундаментом, опорным пунктом, на котором воздвигаются близкие к имени прилагательному значения качественных признаков или состояний.

Так намечается иная сфера соприкосновения имен существительных с прилагательными. Имя существительное само тянется к именам прилагательным, приобретая качественные значения. (Ср. различия в предметном и качественном значении слова *father* в

выражении *father - always father - отец — всегда отец.*) Поэтому-то иногда вместо постановки качественно определяющих прилагательных перед существительным (а способность иметь при себе определяющее прилагательное — одно из основных синтаксических свойств имени существительного) возможно употребление при нем количественных наречий.

Взаимодействие категорий имени существительного и местоимения настолько очевидно, что многие лингвисты не различают имен существительных и предметно-личных местоимений. Местоименные слова и основы глубоко проникают в круг именного словопроизводства и синтаксического употребления. Не менее ясны те пути и направления, где скрещивается грамматическое движение имен существительных и имен числительных. Не удержав в своей системе группы имен числительных *от пяти до тысячи* (бывшие собирательные существительные), имя существительное, однако, не уступает категории числительных обозначения больших чисел (*million, milliard, billion - миллион, миллиард, биллион* и т. п.), заимствованные из западноевропейских языков, и возмещает свои старые утраты производством разнообразных количественно-предметных слов от основ числительных (*quintuple, palm, heels, three-tuple, triplets, whit sunday, hundred - панч, панча, панчсума, се нафара, се каса, се як, садда - пятерка, пятерня, пяток, тройка, тройня, троечка, сотня* и т. п.).

Контраст имени и глагола поддерживается и морфологическими отличиями в приемах словообразования. В продуктивных классах имен существительных и прилагательных преобладает суффиксальное словообразование. Очень редко применяется комбинированный прием образования слов посредством суффиксации и префиксации. Творчество новых суффиксов за счет основ — господствующая тенденция развития именного строя⁷. Этот закон, открытый еще И. А. Бодуэном де Куртенэ и Н. В. Крушевским⁸, сохраняет свою силу и для современных языков.

В.В.Виноградов отмечает, что суффикс лица *-ец*, разрастаясь, дает жизнь потенциальному суффиксу *-енец* (ср.: *refugee*, *беженец*⁹ - *defector*, заимствованное из чешского или болгарского языка, *невозвращенец* - *refugee*, и т. п.), который к старому значению, лишь подвергнувшись какому-нибудь действию (*переселенец* - *migranti* т. п.), присоединяет новое значение — лица, причастного к какой-нибудь деятельности, действию или даже к учреждению. То же самое касается английского языка, в котором происходит ответвление суффиксов *-er*, *-or*, *ist*, и т. д. в таджикском языке: *-чӣ*, *-гар*, *-гор*, *-кор*, *-манд* и др.

В самих значениях суффиксов именных и глагольных наблюдается резкое различие. Глагольные суффиксы лишены многозначности, не создают разнородных семантических классов внутри категории глагола. Глагольные суффиксы определяют лишь общее направление и способ словопроизводства. Значение именных суффиксов «*классифицирующее*»: предметы при их посредстве распределяются по категориям лица, орудия, места, отвлеченности, собирательности, единичности и т. д. Именные суффиксы обозначают принадлежность предмета к тому или другому «классу представлений [Виноградов 1972, 51].

В кругу имен приемы префиксального формообразования и словообразования мало распространены. Формы чистой префиксации здесь связаны главным образом со значениями степени, например: *superman*, *gunman*, *ultrarightist* - *сверхчеловек*, *обер-бандит*, *ультраправый* и т. п. Реже значение префиксов отрицательное или противительное, выражающее враждебность, отсутствие, отрицание, исключение, фиктивность, мнимость. Например: *anti-*, *not-*, *quasi-*, *антн-*, *экс-*, *квази-* : *anti-Semite*, *quasi-contract* *quasimolecule*, *эксграф*, — *квazиконтракт* — *квazимолекула*, *антисемит* и т. п.).

Комбинированное, префиксально-суффиксальное словообразование в сопоставляемых языках не представлено.

Префиксы не являются также продуктивным способом словообразования в глаголах сопоставляемых языков. Круг применения старых суффиксов глагола сокращается.

В отличие от глагола у имен существительных приставки, если они не подчеркиваются соотносительными с ними суффиксами, тяготеют к полному слиянию с основой.

Морфологическое противопоставление имени и глагола выражается и в методах словосложения. Принципы словосложения, отчасти развившиеся в самом русском языке, отчасти унаследованные от греческого и церковнославянского языков и поддержанные, особенно в научно-философских, технических и публицистических стилях, влиянием языка немецкого, утвердились преимущественно в продуктивных именных категориях (существительных и прилагательных еще глубже и разнообразнее различия между синтаксическими функциями имени существительного и глагола. Эти различия сказываются как в построении именных и глагольных словосочетаний, так и в структуре разных типов предложений.

Глубоким грамматическим различиям имени существительного и глагола соответствует и резкая лексико-семантическая разница между глагольными и предметными словами. Глагол семантически более емок.

В смысловой структуре глагола нередко объединяются значения таких предметных основ, между которыми в современном языке разорвана даже этимологическая связь. Например, в значениях таджикского глагола *нобуд кардан* - *exterminate, etch* - вытравить сочетаются значения существительного *нобуд* 'уничтожение': 1) *но+буд* (ср. значение 'уничтожение' выводится из значения слова *буд* - *будан*: *быть, существовать, жить*).

Как отмечает В.В.Виноградов: «Впрочем, для современного русского языка характерно увеличение смыслового объема также имен

существительных и прилагательных. Так как литературный язык все шире захватывает и все сильнее притягивает к себе сферы разных профессионально-технических диалектов, все теснее смыкается с языком науки и техники, а также с разными профессиональными говорами и бытовыми жаргонами, то, естественно, значения многих имен обогащаются, усложняются. Смысловая емкость имен существительных возрастает (ср., например, рост значений у слов *база, квалификация, линия, лицо* и т. п.) [Виноградов 1972, 56].

Таким образом, центральное положение имени существительного в системе основных частей речи (кроме глагола) вырисовывается очень ясно. Но и за этими пределами существительные широко распространяют свои продукты, изменяя свои грамматические значения и пополняя инвентарь разных служебных категорий.

Отчасти через область наречий, а отчасти и непосредственно имена существительные переходят в предлоги (например: *owing to, as a result of, - дар натичаи, хангоми, дар пеши, дар паси - вследствие, в силу, в течение, по части, вокруг, кругом* и т. п.). А отсюда один шаг и до союзов, главным образом причинных, временных и условных (например: *(ever) since, from now on; hence forward - owing to, as a result of – аз вақте ки..., бо сабаби он ки..., с тех пор как, вследствие того что* и т. п.). Кроме того, имена существительные оказывают большое влияние на формирование разрядов модальных, так называемых «вводных» слов (ср.: *apropos, in short, in a word – хушбахтона, дар ҳақиқат, бояду шояд - кстати, словом, наверняка* и пр.). Наконец, классы междометий в современном русском языке расширяют свой состав преимущественно за счет имен существительных, глаголов (императивные формы) и наречий.

Так в общих чертах определяется роль имен существительных в системе всех категорий, кроме глагола. (Ср. взгляд проф. А. И. Белича на слова со значением предметности как на единственный класс самостоятельных слов в человеческом языке вообще.)

Современные английский и таджикский языки по своему строю являются языками аналитическими, т.е. имеют такой грамматический строй, при котором связь слов в предложении выражается главным образом порядком слов и посредством служебных слов – предлогов, послелогов и союзов. Но древнеанглийский и древнеперсидский языки были языками синтетическими, т.е. языками, в которых связь слов в предложении выражалась главным образом посредством изменения самих слов. В древнейшем периоде развития этих языков была развита система словоизменительных форм: существительные имели развитую систему склонения и категорию грамматического рода, прилагательные согласовывались с существительными в роде, числе и падеже, глаголы имели специальные формы для выражения совершенного и несовершенного вида и др. Эти процессы в языке нашли отражение в работах А.И.Смирницкого¹⁰, И.П.Ивановой¹¹, В.Н.Ярцевой¹², В.С.Расторгуевой¹³, А. А. Керимова¹⁴, М. Н.Масуми¹⁵, Ниёзмухаммедова¹⁶, Ш.Рустамов¹⁷, G. Lazard¹⁸ и других исследователей.

Изменения словообразовательной и морфемной структуры слов не происходили стихийно. Они были подчинены определённым закономерностям, которые складывались в зависимости от конкретных исторических условий развития производственной и всякой иной деятельности народа и от тех связей старых и новых понятий, которые возникали в народном сознании народа, как отражения реально существующих исторических отношений.

¹⁰ Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. М., 1955.

¹¹ Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка. - М., 1978.

¹² Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.

¹³ Расторгуева В. С., Опыт сравнит. изучения тадж. говоров, М., 1964; Ефимов В. А., Расторгуева В. С., Шарова Е. Н., Персидский, таджикский, дари// Основы иран. яз-знания. Новоиран. языки, М., 1982.

¹⁴ Керимова А.А. Тадж. язык // Языки народов СССР, т. 1, М., 1966.

¹⁵ Забони адабии хозираи тоҷик. Синтаксис, Душ., 1970; Забони адабии хозираи тоҷик. Лексикология, фонетика ва морфология, Душ., 1973.

¹⁶ Забони адабии хозираи тоҷик. Лексикология, фонетика ва морфология, Душ., 1973.

¹⁷ Грамматикам забони адабии хозираи тоҷик. ч. 1-2, Душ., 1985-86.

¹⁸ Lazard G., Caractères distinctifs de la langue tadjik, "Bulletin de la Société de Linguistique de Paris", 1956, t. 52, fasc. 1.

В определении имен существительных как особая часть речи ставится основной его признак как лексическая и грамматическая категория. Именем существительным называется часть речи, которая обозначает предмет и отвечает на вопросы: **кто это? (Who is this?)** или **что это? (What is this?)**. Существительные могут обозначать предметы и вещества (*a table, a house, water*), живые существа (*a girl, a cat*), явления и отвлеченные понятия (*rain, peace, beauty, work, darkness*).

Имена существительные, как часть речи, могут быть названиями конкретных предметов, вещей (*table, feather, pen, book* – миз, бол, нар, китоб - перо, стол, книга), веществ (*равган, оҳан, мисс* – *butter, mercury, quicksilver, copper* - масло, ртуть, медь), живых существ и организмов (*писарбачча, рубоҳ, кирм* - *boy, fox caterpillar* - мальчик, лиса, гусеница), явлений объективной реальности (*spring, summer, cold, thunder* – баҳор, тирамоҳ, хунукӯ, раъд - весна, лето, холод, гром), отвлеченных свойств и качеств (*bravery, force* - далерӯ, қувва - храбрость, сила), действий и состояний (*drinking jump, harvest(ing), rest* - нитьё, скачок, уборка, отдых) [3. С.155].

Всем именам существительным свойственно отвлеченное грамматическое значение – значение предметности. Для обнаружения грамматического значения предметности, особенно в тех случаях, когда необходимо ограничить (*сурхӯ-сурх; дам гирифтан-дамгирӯ* - *whiteness - white; a rest, - rest, белизна* - белый; *отдыхать* - *отдых*), на практике используется подстановка местоименных слов с обобщенно-предметным значением – *кто* или *что* [15. С.248-249].

Причем в отличие от имен прилагательных, которые выражают свойства и качества не самостоятельно, а как принадлежащие предмету или явлению, имена существительные выражают отвлеченные свойства и качества (*joy; gladness, kindness, goodness, attentiveness* – хурсандӣ, раҳмдилӣ, бодикқатӣ - радость, доброта, внимательность),

самостоятельно, независимо от тех предметов, явлений или понятий, которым эти свойствам присущи.

Действие или состояние, в отличие от глаголов, в имени существительном выражено вне какой бы то ни было связи с производителем действия, вне времени протекания (*drinking, harvest (ing), sowing, ride, riding* – *нӯшоқӣ, ҷамъоварӣ, кишт, сафар - путьё, уборка, посев, езда*), что не-возможно при выражении действия или состояния глаголом, где, как правило, одним из условий является указание на время действия и на производителя действия [3. С.155].

Средством выражения грамматической предметности являются морфологические категории существительных. Для русских существительных обычно выделяют три морфологические категории: род, число, падеж. В грамматических описаниях последних десятилетий в перечень морфологических категорий существительного обычно включаются и одушевленности – неодушевленности.

Морфологические категории существительного взаимосвязаны и образуют строго упорядоченную систему.

Синтаксически для имен существительных наиболее характерным является употребление в предложении, прежде всего в качестве подлежащих или дополнений (хотя они могут выступать и как определения и обстоятельства). Яркой особенностью существительных с точки зрения является также неограниченная способность определяться именами прилагательными, причастиями, местоимениями, и порядковыми числительными (*big table, play children; our house, second volume* – *мизи калон, кӯдакони футболбоз, хонаи мо, ҷилди дуввум – play большой стол, играющие дети, наш дом, второй том*) [8. С.281].

Имена существительные могут входить и в сочетание с глаголом (*read book - китоб хондан – читать книгу*), и др. [3. С.156].

В таджикском и английском языках имя существительное характеризуется наличием трех грамматических категорий: 1) категории

числа, состоящей из двух чисел - единственного и множественного; 2) категории детерминативности (определенности - неопределенности), выраженной артиклями в препозиции, 3) лица – нелица.

Такой подход нашел отражение в большинстве отечественных учебников по английскому языку, хотя есть и небольшие отличия. Так, по своему составу имена существительные в английском языке могут быть: простыми, производными и сложными.

Простые (Simple Nouns) - это такие имена существительные, в составе которых нет суффикса или префикса, например: *pen* перо; *rod* стержень, брус; *rock* скала, горная порода и т.д.

Производные (Derivative Nouns) - это имена существительные, в составе которых есть суффикс или префикс или тот и другой одновременно: *worker* *рабочий* (от глагола *to work* *работать*), *freedom* *свобода* (от прилагательного *free* *свободный*), *friendship* *дружба* (от существительного *friend* *друг*), *misprint* *опечатка* (от существительного *print* *оттиск*, отпечаток), *inflexibility* *жесткость*, несжимаемость от прилагательного *flexible* *гибкий*) и т. д.

«Производное слово - это слово, по отношению к которому был произведен какой-либо словообразовательный акт...»¹⁹.

По мнению И. В. Арнольд, в зависимости от морфологической структуры слова английского языка могут быть поделены на:

1) аффиксальные дериваты - слова, состоящие из одной корневой морфемы и одного или более аффиксов;

2) композиты - слова, в которых две, редко более двух, простые или деривационные основы соединены в одну лексическую единицу;

3) деривационные композиты, в которых слова фразы соединены в результате процессов словосложения и аффиксации.²⁰

¹⁹ Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. М., 1976. С.24.

²⁰ Арнольд И.В. Лексикологии современного английского языка. М., 1986. С.78.

Сложные [составные] (*Compound Nouns*) - это такие имена существительные, которые состоят из двух или более основ, образующих одно слово с единым значением, например: *shadowgraph-снимок* (рентгеновский), *penknife-перочинный ножик*, *railway-железная дорога*, *bluebell-колокольчик*, *breakstone-щебень* и т.д.

3.2.1. Понятие о лексико-грамматических разрядах

Интерес к изучению лексико-грамматических разрядов имен существительных как в целом, так и его отдельных разрядов, возник в глубокой древности. Так, стоики в III веке до н.э. выделяли существительные собственные и нарицательные с дальнейшим подразделением последних на различные группы²¹. Это традиционное деление существительных на лексико-грамматические разряды продолжает оставаться основным для всех языковых систем мира.

Следует отметить, что в таджикском языкознании классификация имен существительных оформилась и устоялась в значительной степени под влиянием идей В.В. Виноградова, в современном русском языке традиционно выделяется девять лексико-грамматических разрядов, а именно: собственные и нарицательные, одушевленные и неодушевленные, отвлеченные и конкретные, а также собирательные, вещественные и единичные. Классификация дается на уровне языка (т.е. с учетом существенных, всегда повторяющихся признаков), а не речи (по смыслам, слова, выступая в различные контексты, могут приобретать новые, переносные значения). Основанием для классификации служат как семантический, так и грамматический признаки.

Английская лингвистическая мысль придерживается в основном двух классификаций имен существительных. Первая классификация представлена, например, в практической грамматике английского языка

²¹ Лингвистической энциклопедический словарь /Под. ред. Ярцевой, - М, 1990. С.473.

М.А.Ганшиной и Н.М. Василевской²². Вторая классификация имен существительных приводится, например, в английской грамматике Дж. Несфилда²³.

Но Ганшина и Несфилд выделяют в принципе одни и те же лексико-грамматические разряды: *Proper Nouns* «собственные»-шахси, *Common Nouns* «нарицательные»-исми ом, исми цинс, *Concrete Nouns* «конкретные»-мушаххас, *Abstract Nouns* «абстрактные»-муцаррад, мавхум, *Collective Nouns* «собираемые»-исмҳои ҷамъ и *Material Nouns* «вещественные»-ашъои моддӣ.

Оба исследователя иерархически по-разному выстраивают выделяемые ими лексико-грамматические разряды, а также включают в свои классификации далеко не все разряды английских имен существительных, поскольку опираются при классификации только на семантический признак.

В английской научной литературе существуют также классификации имен существительных, построенные на основе как семантического, так и отчасти грамматического признаков. Так, например, Л.Дж. Александр выделяет в своей классификации, помимо прочих, еще *Countable* «исчисляемые»-шуморидашаванда и *Uncountable* «неисчисляемые»-шуморида намшаванда существительные²⁴, а отечественный лингвист М.Я. Блох - *Animate* «одушевленные»-ҷондор, *Inanimate* «неодушевленные»-бечон и *Human - Non-human* категорию «лица и не лица»-шахс ва гайри шахс²⁵.

Анализ литературы показывает, что в английском и таджикском языках существует двенадцать лексико-грамматических разрядов имен существительных, а именно: собственные, нарицательные, вещественные, собираемые, абстрактные, конкретные, исчисляемые, неисчисляемые,

²² Ganshina, M.A., Vasilevskaya, N.M., 1964, P. 20.

²³ Nesfield, J.C. English Grammar Past and Present, London, 1944. P.200.

²⁴ Alexander, L.G. Longman English Grammar, London, 1988, P.38.

²⁵ Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. М, 1994. С.39.

одушевленные, неодушевленные и разряд «лицо» - «не лицо». Основанием для выделения лексико-грамматических разрядов служит в основном семантический признак, но при их классификации на исчисляемые - неисчисляемые, одушевленные - неодушевленные учитывается и грамматический признак.

В настоящем диссертационном исследовании предлагается анализ и решение одной из таких проблем – проблемы лексико-грамматических разрядов слов в рамках определённой части речи.

В работе термин «лексико-грамматический разряд» используется как обозначающий группировки слов внутри более крупных их объединений – частей речи. При этом лексико-грамматические разряды в диссертационном исследовании рассматриваются как пересекающиеся, взаимодействующие классы (множества, совокупности) языковых единиц.

Лексико-грамматический разряд – это понятие, объединяющее в себе и семантическую, и грамматическую составляющие, но не сводимое ни к одной из них по отдельности, поэтому использовать понятия «лексико-грамматический разряд» и «грамматическая категория» как синонимичные и взаимозаменяемые [что наблюдается в ряде источников, ср., напр.: Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957; Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Фонетика и морфология. В 2 ч. Ч.1. М., 1958; и нек. др.] вряд ли возможно.

В настоящее время наиболее развёрнутая характеристика лексико-грамматического разряда как класса слов представлена в работе А. В. Бондарко [Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976]. А. В. Бондарко называет в качестве критериев выделения лексико-грамматических разрядов семантический (как основной), морфемный (проявляющийся факультативно) и грамматический (состоящий во взаимодействии с морфологическими категориями). В связи с этим

необходимо установить, какой из этих критериев выдвигается на первый план при описании лексико-грамматических разрядов имён существительных в лингвистической литературе.

На протяжении XX века разряды конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных существительных характеризуются в лингвистической литературе в двух основных аспектах.

В большинстве научных источников лексико-грамматические разряды субстантивных имён рассматриваются в связи с грамматической категорией числа (работы А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. Н. Гвоздева, А. В. Исаченко, А. А. Камыниной, В. А. Плунгяна; академические грамматики; вузовские учебники). Подчёркивается важность противопоставления счётных, исчисляемых (конкретных) и несчётных, неисчисляемых (абстрактных, вещественных, собирательных) объектов и называющих их слов, поскольку грамматическая категория числа существительных во многом отражает количественные отношения объектов в действительности.

В ряде научных работ указанные разряды существительных описываются вне прямой связи с категорией числа (труды А. М. Пешковского, Л. О. Чернейко, В. Ф. Васильевой, Н. К. Демьяненко и нек. др). В таких работах акцент делается не на грамматические, а на смысловые приметы разрядов существительных, на связи значения слова с реальной действительностью, с типом обозначаемого объекта. При этом авторы, как правило, опираются на логико-философские категории абстрактности и конкретности.

По словам Г. А. Золотовой, «семантика имени, отражающая внеязыковую реальность в категориальных подклассах, органически проникает в синтаксис и обуславливает особенности синтаксического употребления. Семантика имён существительных, как и других классов слов, – факт не только словаря, но и грамматики» [Золотова Г. А. О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имён

существительных // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М., 1971. С. 89]. Семантический критерий разграничения разрядов слов внутри той или иной части речи называется в качестве основного в работах Л. А. Брусенской, Е. П. Калечиц, Л. В. Калининой, М. А. Стерниной, А. М. Чепасовой и И. Г. Казачук и др.

Семантический критерий предполагает наличие переходных и пограничных случаев. Но точно так же не являются строгими, однозначными, абсолютными и все другие рассмотренные критерии (морфологический, синтаксический, словообразовательный). Поэтому при равных «стартовых возможностях» семантического, морфологического, синтаксического, словообразовательного критериев (то есть при наличии у каждого из них определённых плюсов и минусов) предпочтение следует отдавать именно семантике.

Признавая главным критерием распределения существительных по разрядам семантический, необходимо попытаться найти тот стержень, вокруг которого строятся смысловые отношения существительных. Так как семантика слова тесно связана с тем, какую роль играет то или иное слово в процессе познания действительности человеком, далее мы обращаемся к рассмотрению когнитивных оснований выделения лексико-грамматических разрядов имён существительных.

В диссертационном исследовании предлагается определённая методика установления лексико-грамматической принадлежности имён существительных.

В соответствии с этой методикой лексико-грамматическая принадлежность существительного должна определяться особо для каждого отдельного его значения (лексико-семантического варианта), реализованного в определённом контексте.

Нельзя не учитывать, что для большей части слов языка характерна полисемия, и различные лексико-семантические варианты слова нередко связывают единицы языка с разными классами объектов

действительности. Выявить, какое именно значение слова имеется в виду, а также установить возможное отклонение слова в данном употреблении от его первичной категоризации, позволяет контекст. Для определения лексико-грамматической характеристики имени существительного имеют значение составляющие контекста.

Это грамматическая форма числа, в которой употреблено имя существительное. При всей активности процесса плюрального употребления абстрактных, вещественных и даже собирательных существительных, справедливым остаётся положение о том, что при использовании этих существительных во множественном числе меняется (конкретизируется) их семантика.

С формой числа существительного тесно связано наличие в контексте тех или иных количественных определителей: количественных и порядковых числительных (*two – ду -, ten – дах, second – дувум - два десять, второй*); счётных существительных (*десяток, сотня*); местоимений разных разрядов (*all, how much none- хама, чанде, ягон - все, сколько, никакие*); количественных наречий (*much, little, just – бисёр, кам, андаке - много, мало, чуть-чуть*); количественно-уподобительных существительных (*a sea (of), an ocean (of) eyewater— a sea of tears море - море слёз; heap of ruins - груда развалин —арсенал*); прилагательных со значением разнообразия и многочисленности (*different хархела; гуногун; numerous, many – бехудуд - разные, различные, многочисленные*) и др. Наличие в тексте любого количественного определителя, относящегося к имени существительному, конкретизирует его семантику.

Сочетание имени существительного с количественными определителями относится к области синтагматики. Эта область выводит нас и далее на уровень синтаксиса. К синтаксическим аспектам, влияющим на лексико-грамматическую характеристику существительного, относятся, во-первых, роль существительного в предложении (позиция подлежащего или дополнения существенно

конкретизирует представление о называемом объекте) и, во-вторых, использование существительного в особых структурных типах контекстов (таких типов контекстов нами выявлено восемь).

Нестандартное грамматическое употребление существительного часто свидетельствует о его использовании в переносном – метонимическом или метафорическом – значении. Метонимия и метафора также являются средствами контекстуального уточнения лексико-грамматической принадлежности имени существительного. Причём если метонимия обычно конкретизирует значение существительного (как во множественном, так и в единственном числе), то метафора может его не только конкретизировать, но и делать отвлечённым.

После рассмотрения всех значимых особенностей контекста – семантических, формальных, функциональных – мы можем определить лексико-грамматическую принадлежность имени существительного и обнаружить, насколько в условиях контекста изменилась его исходная категоризация.

Приведём некоторые примеры установления лексико-грамматической принадлежности имён существительных в соответствии с предложенной методикой.

Существительное *furniture* - *мебель* само по себе обладает собирательной семантикой, оно обобщает представления о совокупности определённых предметов. В нашем контексте это слово употреблено в единственном числе, однако рядом с ним стоят количественные определители: эти три мебели. Количественная характеристика конкретизирует значение существительного. Перед нами случай метонимического переноса с названия совокупности на названия отдельных предметов из этой совокупности. Произошла перекатегоризация. Лексико-грамматическую принадлежность слова

furniture-мебель в данном контексте можно передать как С+К: собирательное существительное в значении конкретного.

Существительное *oak* - *дуб* изначально осмысливается как конкретное, поскольку вне контекста чётко соотносится с отдельным объектом '*дерево*', подобным другим аналогичным объектам. Ср. прямое словарное значение этого существительного: «крупное лиственное дерево семейства буковых с крепкой древесиной и плодами-желудями» [Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005]. Однако в нашем примере речь идёт не о дубе как конкретном объекте, а о дубе как материале, о древесине дуба. Происшедший метонимический перенос вызвал перекатегоризацию, в результате чего лексико-грамматическое значение существительного *дуб* в данном контексте определяется как К+В: конкретное в значении вещественного.

Ср.: Мое студенчество. Первоначально (вне контекста) затруднительно отнести слово студенчество однозначно либо к абстрактным, либо к собирательным существительным. В толковом словаре в качестве прямого даётся собирательное значение '*totality students – ҳамаи донишҷӯён - совокупность студентов*', и лишь затем – отвлечённое.

С исторической же точки зрения для существительных на -ств(о) первичным было абстрактное значение. В речи, судя по данным нашего материала, существительное студенчество выступает в собирательном и отвлечённом значении примерно с одинаковой степенью частоты. Значит, вне контекста это слово проявляет изначальную поликатегоризацию типа (С+А: собирательно-отвлечённое), которая может быть снята только в условиях контекста. В нашем примере существительное студенчество выступает именно как абстрактное, имеет значение «пребывание в высшем учебном заведении в качестве студента» и подводит называемый объект под категорию умозрительных, отвлечённых понятий. Обозначим этот процесс в виде формулы (С+А) А:

у существительного собирательно-отвлечённой семантики в контексте реализуется абстрактная составляющая значения.

Анализ языкового материала, проведённый с помощью предложенной методики, позволяет обнаружить центральные и периферийные направления лексико-грамматического взаимодействия имён существительных. Следует установить, что центральным направлением лексико-грамматических пересечений является конкретизация абстрактных, вещественных и собирательных существительных.

Конкретизация имён существительных как центральное направление лексико-грамматических пересечений» посвящена рассмотрению причин, условий и видов конкретизации.

Квантификация – процесс, при котором языковая единица, изначально не выражавшая количественного смысла, приобретает количественное значение. Квантификация осуществляется под влиянием потребности говорящего как можно более точно и определённо передать своё видение действительности, своё мнение о ней.

Первым этапом квантификации является мысленное выделение в неисчисляемом понятии некоторых отдельных «единиц», «квантов». Эти «единицы» могут соотноситься с понятием части или с понятием целого.

Квантитативной конкретизации подвергаются существительные всех лексико-грамматических разрядов, но магистральным направлением этого процесса является конкретизация абстрактных существительных.

Квантитативная конкретизация абстрактных существительных обычно происходит в определённых типах контекстов. Следует выделить и описать несколько таких типов; некоторые из них действуют также при конкретизации вещественных и собирательных понятий.

В целом выделяются следующие контексты:

1) контексты с однородными членами, в состав которых входят формы абстрактного сущ. мн. числа, ср.: *Necessary rouse oneself after wards*

all temple cloister, gorge, ravine – Баъди ҳамаи ин оромгоҳҳо, калисоҳо дараҳо, водиҳо худро ба худ овардан лозим. - Необходимо встряхиваться после всех храмов, монастырей, ущелий, долин;

2) контексты с предварительным упоминанием понятия, выраженного затем формой абстрактного существительного мн. числа, ср.: *His like ruin direct sense and more some meaning – Вай мехостанд дар ҳақиқат ҳалок намоянд - Его хотели сгубить в прямом смысле и ещё в каких-то смыслах и их;* 3) контексты с последующим пояснением содержания абстр. сущ. мн. числа, ср.: *He work before on strange job. – Дар аввал е дар қойҳои аҷоиб кор мекард. - Работал он прежде на странных работах;* 4) контексты с количественными числительными и счетными существительными в сочетании с формой абстр. сущ. мн. числа, ср.: *Six hospitalization over nine year - these much – Шаш бор дар нуҳ моҳ - хеле бисёр. - Шесть госпитализаций за девять лет – это много;* 5) контексты с количественными местоимениями и наречиями в сочетании с формой абстр. сущ. мн. числа, ср.: *Much fiction walk about old and new metropolis. - Много небывальщин ходило о старой и новой столицах;* 6) контексты с количественно-уподобительными существительными в сочетании с формой абстр. сущ. мн. числа, ср.: *Political system of Russia offer boi sea selfishness, egoism different figure grouping - Системаи сиёсии Русия ба гуруҳҳо ва шахсиятҳои гуногуни худпараст шабоҳат дошт. - Политическая система России представляет собой кипящее море эгоизмов различных деятелей и группировок;* 7) контексты с косвенным указанием на множественность понятий, выраженных формой абстр. сущ. мн. числа, ср.: *Between European physiology and Asiatic have essentia differencel – Между физиологиями европейцев и азиатов есть существенная разница;* 8) контексты с указанием на отсутствие понятия, выраженного формой абстр. сущ. мн. числа, ср.: *Go to him and take the goods Поедем к нему и заберём твои вещи.* [См. подробнее: Калинина Л. В. Способы квантификации абстрактных существительных в русском языке //

Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сб. статей. Ижевск–Лейпциг, 2003. С. 233–239].

При конкретизации как абстрактных, так и вещественных и собирательных существительных чаще проявляется дискретная квантификация, чем унитарная, так как именно при дискретной квантификации конкретизация осуществляется наиболее полно (как перекатегоризация) и значит, полностью бывает достигнута цель говорящего – представить неисчисляемую сущность как отдельную единицу (единицы). При унитарной квантификации, как правило, наблюдается поликатегоризация, то есть в контексте говорится о множестве манифестаций неисчисляемого понятия, но не о «превращении» его в конкретный объект; при этом к исходному значению слова лишь добавляется оттенок конкретности. В любом случае конкретизация способствует осмыслению неисчисляемой сущности как самостоятельной отдельной единицы и отвечает потребностям говорящего в более определённом представлении действительности.

Конкретизация вещественных существительных реализуется как с помощью перекатегоризации В+К (имеющей своё крайнее проявление при образовании сингулятивов), так и поликатегоризации В+К.

Перекатегоризация (В+К) наблюдается также при образовании от вещественных существительных так называемых сингулятивов, например в русском языке, ср.: виноградина, градина, жемчужина, земляничина, изюминка, травинка, шерстинка и др.

Сингулятив выделяет из всей массы вещества какую-то отдельную единицу, которая и является объектом особого внимания говорящего, является объектом речи. Ср.: *Анна кладёт передо мной три картофелины – популярную еду тех времён* (Ф. Кривин. Я угнал машину времени).

К случаям поликатегоризации мы относим такие типы контекстов, в которых вещественное существительное испытывает квантитативную конкретизацию с помощью слов, указывающих на объём или меру вещества. Это самые разнообразные мезуративы и иные количественные определители, ср.: *jar, pot, barrel, cask, bottle, loaf, swallow; gulp, gram, kilogram(me), slice, blade, litre, splinter, fragment, sliver party, group, bundle, tile; bundle, packet, layer; layer; bag, wheelbarrow, tonne, flask, canteen, pound, box; case* и др. - *банка, бурда, шиша, куттй, грамм, килограмм, литр, партия, сумка, тонна, фунт, қисм, баста ва зайра*. - *банка, бочка, бутылка, буханка, глоток, грамм, килограмм, коробка, кусок, лист, литр, осколок, партия, пачка, плитка, полначки, слой, сумка, тачка, тонна, фляга, фунт, ящик* и мн. др. Все эти слова сочетаются с вещественными существительными в форме родительного падежа единственного числа (с родительным партитивным). При этом создаётся такое обозначение, при котором вещество остаётся самим собой, сохраняет свою природу, но оказывается ограниченным некими внешними по отношению к нему пределами, рамками. Эти внешние пределы и придают аморфной субстанции конкретную форму, не изменяя её «*вещественной*» сути. Так осуществляется поликатегоризация В+К: вещественное с оттенком конкретного.

Особенностью конкретизации собирательных существительных является тот факт, что поликатегоризация среди них существенно преобладает над перекатегоризацией. Преобладание поликатегоризации во многом объясняется тем, что собирательные существительные не всегда можно чётко отграничить от существительных других разрядов: абстрактных вещественных (*reed, raisins, pearl(s)* – *қамши, мавиз, чавохор - тростник, изюм, жемчуг*), конкретных (*keyboard, riffraff, rabble*). В таких случаях определить лексико-грамматическую принадлежность слова помогает контекст.

Поликатегоризация по обычной модели С+К (собирательное с оттенком конкретного) возникает в том случае, когда собирательное существительное употребляется во множественном числе и, под влиянием унитарной квантификации, обозначает несколько целых совокупностей, одинаковых по качеству, но выступающих во множестве репрезентаций.

Однако чаще поликатегоризация наблюдается в тех случаях, когда в тексте используются слова, способные выступать и в собирательном, и в конкретном значении, сочетающие в себе категории собирательности и конкретности по модели С+К: *counter-revolutionary, bohemia, counter-revolutionary, coddle, carrion, servant, maidservant, kinsfolk, rabble* - *богема, контра, нежить, пададь, прислуга, родня, транспорт, шпана* и др. Определённый смысл становится ясным только из контекста.

Перекатегоризация, когда собственно собирательное понятие подводится под категорию конкретности и приравнивается к конкретному предмету (С+К), встречается реже. Обратим внимание на тот факт, что такая перекатегоризация нередко поддерживается синтаксическими средствами, когда подлежащее выражено конкретным именем, а сказуемое – собирательным, и между ними устанавливаются отношения референции. Ср.: *He - best specimens aviation – Вай олихаи авиатсия аст.* - *Он – элита авиации.*

В некоторых примерах (в нашем материале их около 30) встречаются случаи максимально подробной детализации, даже дискретизации конкретного понятия, то есть обнаружения в конкретном объекте множества составляющих или выявления в конкретном понятии множества оттенков смысла. В таких случаях, которые можно назвать вторичной конкретизацией конкретных существительных, наблюдается «интенсификация» исходного конкретного значения. При этом конкретное понятие (*человек или предмет*) выступает как своеобразная «*матрёшка*», скрывающая за одним конкретным проявлением другое. Ср.: *In Petrovitch take off I one's own, there some corner Pieces: corner, where*

I, corner, where paint, corner, where teapot, corner, where cupboard - Дар хонаи Петрович ман гушаеро ичора мегирам, ки чан гушадорад: гушае, ки ман ҳастам, гушае ки шишаҳои холӣ, гушае ки чойник аст гушае, ки шкаф истодааст. У Петровича я снимаю угол, в котором несколько углов: угол, где я, угол, где краски, угол, где чайник, угол, где шкаф.

К периферийным направлениям субстантивных пересечений относятся материализация, коллективизация и абстрактизация.

Общая характеристика периферийных случаев лексико-грамматических пересечений» посвящена анализу тех случаев лексико-грамматических пересечений, которые встречаются реже, чем конкретизация.

Под материализацией (от лат. *materia* – *материя, вещество, материал*) нами понимается когнитивный процесс подведения конкретных, абстрактных или собирательных объектов имён под категорию вещественности. Поэтому процесс материализации охватывает те случаи, когда не вещественные понятия осознаются говорящим как своеобразное однородное «вещество», из которого что-то состоит и которое можно измерять, но не считать.

Средствами контекста, указывающими на материализацию, являются: сочетание не вещественных существительных с такими количественными определителями и мезуративами, которые обычно используются в языке для обозначения меры вещества (*bucket, pail, kilogram (me, portion – сатил, килограмм, баши - ведро, килограмм, порция* и др.); употребление не вещественных существительных в конструкции типа «*что состоит (сделано) из чего*»; сочетание не вещественных существительных со словами, уподобляющими называемый объект жидкому, твёрдому или газообразному веществу (*волна нежности, кусок жизни, выхлопы ненависти*) и др. В этих случаях, как правило, представлена перекатегоризация. Поликатегоризация отмечается чаще всего при взаимодействии категории вещественности с категорией

собираемости в рамках лексем типа *spoilt sheet, food, debris* - *макулатура, еда, мусор* и под.

Вторичной материализации могут подвергаться и сами вещественные имена, так как денотативная сфера «*вещество*» имеет очень сложную организацию и в основном представлена в языке категориями нижестоящего уровня. При вторичной материализации эта сложность становится очевидной. К примерам вторичной материализации мы относим случаи обозначения сортов или видов вещества (*red wine fat acids* - *красные вина, жирные кислоты, французские сыры*), а также контексты типа Туман состоит из воздуха и воды.

Коллективизация (от лат. *collectivus* – *заключительный, скопившийся, собирательный*) – это подведение конкретных, абстрактных и вещественных имён под категорию собираемости. При этом существительные разных разрядов осмысливаются как обозначения целого класса однородных предметов.

Коллективизация конкретных существительных является регулярным процессом и реализуется тогда, когда конкретное существительное употребляется в обобщённо-собирательном значении (в озере водится рыба, студента надо уважать, зритель ждёт премьеры). Также мы наблюдаем коллективизацию при метонимическом переносе названия с помещения или территории на находящиеся там людей (*аудитория внимательно слушала, зал смеялся, деревня копала картошку*). Такие примеры можно отнести к перекатегоризации. Поликатегоризация как сочетание основной семы конкретности и дополнительной семы собираемости отмечается в словах *tuna crowd, folk, command* – *гурӯх, халқ, тим* - *толпа, народ, команда*.

Коллективизацией абстрактных имён можно считать те случаи, когда у существительного сложной собираательно-отвлечённой семантики в контексте преобладают семы собираемости (*студенчество борется за свободу* (ср.: *славные годы студенчества*),

профессура нашего вуза (ср.: *получить профессуру*), *цвет таджикской дипломатии* (ср.: *проявить дипломатию*).

Вещественные имена взаимодействуют с категорией собирательности в сфере существительных типа металллом, снеть, зелень, которые мы рассматриваем как случаи материализации (то есть осложнения преобладающего собирательного значения оттенком вещественного); за пределами таких существительных изначально сложной семантики коллективизация вещественных имён, судя по нашим данным, не наблюдается. Причина этого, по-видимому, в том, что большинство вещественных существительных называют категории нижестоящего уровня, а собирательные имена представляют собой исключительно категории вышестоящего уровня. В виду такого несоответствия таксономического устройства вещество обычно не может быть осознано как совокупное множество.

В английском и таджикском языках во всех стилях и жанрах всё более активно употребляются формы множественного числа от неисчисляемых существительных (особенно от абстрактных). Их семантика и функционирование описываются в научной и профессиональной речи, в языке публицистики, в художественных текстах, в разговорном дискурсе (ср. работы М. Г. Бондаренко, Л. А. Брусенской, Н. С. Валгиной, Г. О. Винокура, Л. К. Граудиной, В. П. Даниленко, Л. В. Калининой, Н. Ю. Комаровой, Е. В. Красильниковой и др.).

Сущность синтаксического критерия состоит в том, чтобы при определении лексико-грамматической принадлежности слова учитывать особенности его синтаксического функционирования. Считается, что наиболее заметна разница в синтаксическом функционировании абстрактных и конкретных имён (ср. работы Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, В. А. Лукина и др.).

Однако языковые факты свидетельствуют о том, что абстрактные существительные ни в единственном, ни тем более во множественном числе не обнаруживают жёсткой привязанности к позиции предиката [ср. в связи с этим данные, приводимые в работах: Злобин А. А. Семантика и функционирование слова «свобода» в произведениях А. И. Солженицына: дис... канд. филол. наук. Киров, 2007; Калинина Л. В. Абстрактные существительные: синтаксические позиции//. Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры: (Лингвистический и лингвометодический аспекты). Москва–Кострома, 2006. С. 69–73].

По нашим наблюдениям, синтаксическое употребление абстрактных существительных единственного и множественного числа практически не отличается от функционирования в предложении конкретных имён.

Обратившись к специальному изучению синтаксического функционирования абстрактных существительных множественного числа, мы обнаружили, что основными синтаксическими позициями абстрактных имён множественного числа являются позиции дополнения (57% случаев) и подлежащего (22%).

В роли обстоятельства и определения абстрактные существительные множественного числа употребляются соответственно в 11% и 8% случаев.

В функции сказуемого, свойственной, как принято считать, предикатной лексике, абстрактные существительные множественного числа представлены крайне немногочисленными примерами (около 2%). Ср., напр.: *one rom coefficient liking (for) be talking shop* – *Яке аз бадбини хамешагии е лақидан буд - Одной из её постоянных несимпатий были говорильни.* Отметим, что в функции сказуемого абстрактные существительные как единственного, так и множественного числа нередко входят в состав предложно-падежных словоформ (типа *be in price, in syncope, offence, injury, wrong, danger, anxiety (for)*, - *был в цене, в*

обмороке, в обиде, в опасности; в заботах и т. д.). Употребление же абстрактного существительного в составе предложно-падежных словоформ значительно конкретизирует выражение предикативного признака

Стало быть, синтаксическое поведение абстрактных существительных и единственного, и множественного числа не позволяет чётко противопоставить их конкретным именам существительным. Кроме того, синтаксический критерий не является удовлетворительным и в том случае, если необходимо показать особенности функционирования вещественных или собирательных имён, синтаксическое поведение которых не отличается какой-либо яркой спецификой по сравнению с конкретными именами и абстрактными существительными множественного числа [ср.: Калинина Л. В. К вопросу о синтаксическом употреблении вещественных и собирательных существительных // Семантика. Функционирование. Текст. Киров, 2006. С. 169–186].

Наиболее надёжным для классификации существительных по лексико-грамматическим разрядам следует признать семантический критерий, так как именно семантика определяет особенности грамматического функционирования субстантивных имён и придаёт большую объяснительную силу другим критериям: морфологическому, синтаксическому, словообразовательному.

По словам Г. А. Золотовой, «семантика имени, отражающая внеязыковую реальность в категориальных подклассах, органически проникает в синтаксис и обуславливает особенности синтаксического употребления. Семантика имён существительных, как и других классов слов, – факт не только словаря, но и грамматики» [Золотова Г. А. О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имён существительных Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М., 1971. С. 89]. Семантический критерий разграничения разрядов слов внутри той или иной части речи называется в качестве

основного в работах Л. А. Брусенской, Е. П. Калечиц, Л. В. Калининой, М. А. Стерниной, А. М. Чепасовой и И. Г. Казачук и др.

Далеко не все языковые категории, однако, могут считаться грамматическими. Для этого необходимо, чтобы категория удовлетворяла второму свойству, т.е. свойству обязательности (в современной лингвистике это утверждение получило широкое признание, главным образом после работ Р.Якобсона, но подобные идеи высказывались и раньше). Категория является обязательной (для некоторого класса слов), если всякое слово из этого класса выражает какое-либо значение данной категории.

Имена существительные в обоих языках выделяются на основе обозначения общекатегориального значения предметности. Обозначение субстанции - основной семантический признак имен существительных, составляющий центр обозначения предметности и в языке. Однако, предметность, как основной дифференциальный признак в семантической структуре существительных может пересекаться и с другими семантическими признаками, в частности, акциональности (*роҳбари, пойдоиш, сузиш - управление, добыча*), атрибутивации (*зебоғӣ, равшанӣ, кабутӣ*), пространства (*муҳит, баландӣ, худуд, масоҳат* и др.- *территория, высота, протяженность*) и др.

Одним из основных проявлений пересечения признака предметности с признаками других семантических полей в семантической структуре существительных является квантитативность. Ещё в 19 веке на эту особенность существительных указывала известной исследователь языка В.Ф. Андреева. Она отмечает, что *«имя существительное есть также самостоятельное понятие, которое означает субстанцию, реальную или отвлеченную, следовательно, «сумма», «часть», «множество», «итог», «свет», «тома» (т.е. бесчисленные множества) и пр.* Все эти слова, будучи понятиями числа, поэтому не считаются числительными, что они число выражают

неопределенно... Весьма близки к только что перечисленным существительным по значению и форме следующие настоящие числительные: *миллиард, миллион, тысяча, сотня, десяток, единица* и пр.»²⁶.

Признак квантитативности является одним из ведущих в общей структуре парадигматических семантических отношений существительных. Значение количества в семантической структуре существительных представлено многоаспектно, разнонаправленно. С.А.Швачко отмечает, что по реализуемой общекатегориальной функции существительные соотносятся с группой лексических квантификаторов, реализующих инвариантную и вариантную семы количества. Это проявляется в сравнении хотя бы небольшого числа существительного с количественным значением: *guantity, number, multitude, acsore, dozen, oneness* - *шумора, рақам, чамъ, кул, чузь* и др. [Швачко 19]

При этом существительные в сопоставляемых языках способны не только количественно определяться, но также выступать в функции количественного определителя: *дах дона панчак ва як-то садак, садҳо донишчӯён* и др.

Общим для существительных, выражающих количественные отношения, является сочетание количественного и предметного значения в тесной взаимосвязи. Однако конкретизация значения числа в смысловой структуре существительных отражается по-разному. В одних существительных семантический признак квантитативности проявляется в большем объеме, в других количественность отражена в меньшей степени. В целом, сочетание количественности с предметностью в семантике существительных объективируется от обобщенного

²⁶ В.Ф. Андреева. Знаменательные и служебные слова в русской речи // Журнал министерства народного просвещения. 1895, №9. С. 250.252. Цитируется по: В.В. Виноградов Русский язык (грамматическом учения о слове). -М., 1972, с.235 .

очертания до абстрактного представления, конкретного обозначения того или иного семантического аспекта, образуя в целом предметно-количественное значение квантитативных существительных.

Особенно это явно проявляется в сравнении квантитативных существительных в сопоставляемых языках. Каждый из сопоставляемых языков обладает собственными индивидуальными особенностями обозначения количественного значения, выражая их специфическими языковыми средствами.

Таким образом, инвариантный признак квантитативности в системе существительных проявляется в различной импликации вариантных семантических признаков количественных отношений, начиная с конкретного количественного обозначения (*двойка, пятёрка, сотня – даҳӣ, садӣ, панҷак, садак*) до абстрактного обозначения количественности (*множество, малость – бисёрӣ, каме*) и проявляясь в многообразии передачи количественных отношений сложности семантических отношений между ними. Подобное многообразие в системе существительных имеют языковые единицы количественной семантики, отличаясь многомерной спецификой общих параметров соотношения грамматических и лексических средств, служащих для выражения количественных отношений в системе имени существительного в сопоставляемых языках.

3.2.2. Отражение категории количества в имени существительном

В этой категории количества, естественно, объединяются несколько разных, частных категорий, в том или ином плане связанных своими значениями с понятием количества. Такое объединение представляется целесообразным по причине частого сплетения разных значений количественного порядка.

Важнейшей из объединяемых здесь категорий является категория считаемости (исчисляемости) **a table-миз (стол), a book-китоб (книга).**

Эта категория наблюдается: у существительных в виде неопределенного артикля *a*; *an* в английском языке, а в таджикском языке определяется окончанием.

У существительных английского языка множественное число существительных указывается при помощи суффикса *-s*, *-es*.

В строении слова категория считаемости обнаруживается весьма нечетко, обычно сплетаясь со значением частной категории «лица» и выявляясь в суффиксах и тому подобных компонентах слов, обозначающих отдельные лица и предметы. Отрицательно эта категория проявляется в суффиксах, образующих слова абстрактного характера или слова со значением совокупной собирательности *x-(e)ry*, *-ia* и др.]. Существительное, характеризуемое категорией считаемости (численности), обладают, как правило, и категорией числа или же обозначают единственные в своем роде предметы: *crockery* (*зарфи сафолӣ*), *machinery* (*мошин*), *cookery* (*хӯрокпазӣ*), *shrubbery* (*бутта, бех*), *aristocracy* (*асилзодагон*), *jury* (*доварон*), *assembly* (*маҷлис*), *soldiery* (*аскарон*), *tenantry* (*ичоранишин*), *gentry* (*дворянини берутба*), *insignia* (*нишонаҳо*), *regalia* (*ашёи масад, либоси оӣ*), *paraphernalia* (*моли шахсӣ*) и др.

Также, средством выражения категории считаемости являются ряды особых «счетных» существительное, наподобие *dozen* (*дахҳо*), *pair* (*ҷуфт*), *score* (*ҳисоб*), *bit* (*порча*), *piece* (*порча*), *item* (*маҳал*), *portion* (*ҳисса, қисм*), *doze* (*ғанаб*) а также со значением суммарности: *group* (*гурӯҳ*), *pile* (*ноя*), *patch* (*китъа*), *flock* (*тӯда, анбӯҳ, гала*), *herd* (*тӯда, анбӯҳ*), *school* (*мактаб*).

Ряды счетных значений у существительных все время растут, так как с широким распространением определенных (обычно-бытовых) черт в условиях жизне деятельности человека, с типизацией этих черт на данном отрезке времени, с превращением их в количественно-

отличительный признак их обозначения тоже типизируются в плане указанного признака.

Некоторые из этих существительных своеобразного назначения важны потому, что они позволяют считать, исчислять предметы и явления, которые обозначаются существительными, лишенными категории числа, например: англ: *a piece of furniture*, тадж: *чанд намуди ҷевон*, англ: *two items of news ду порчаи ахбор* и т.п.

По признакам обладания категорией числа, способам её выражения и соответствующим формам числа структурные типы, существительных можно разбить на следующие группы:

- 1) Существительное, лишенные категории числа
- 2) Существительное, обладающие категорией числа

3.2.3. Существительное, лишенные категории числа

Они встречаются:

а) со структурой типа единственного числа: *furniture* (*асбоби бисоти хона, мебел*), *information* (*ахборот*), *knowledge* (*донииш*), *advice* (*маслиҳат*), *poetry* (*назм, шеър*), *espionage* (*ҷосусӣ*), *air* (*ҳаво*), *good* (*хуб*), *vegetation* (*растанихо*).

б) со структурой типа множественного числа: *suds* (*кафки собун*), *proceeds* (*маблағи гурифташуда*), *customs* (*боҷи гумрукӣ*), *clothes* (*либос*), *wollens* (*либоси паимӣ*) и т.п.

в) с обоими структурным и типами: *wage-wages* (*музди корӣ, маош*), *folk-folks* (*хеиш табор*).

В этом случае *folk* и *folks* всегда соотносятся синтаксически и лексически с формами и значениями множественности, а *wage* и *wages* - обычно с разными формами и значениями, в соответствии с употребленным типом структуры слова (согласование).

Некоторые из «одноформенных» существительные имеют структуру типа единственного числа, но соотнесенные с ними слова обнаруживают заключающееся в их лексическом содержании значение множественности, например: **cattle** (*чорво*), **vermin** (*хайвони даррандаи хурд*), **fry** (*майда-чӯйда*), иногда бывает и наоборот, например: **news** (*навигариҳо*).

Некоторые же существительное не только лишены категории числа, но, по-видимому, в силу специфики их лексического содержания, вообще не способны соотноситься со словами количественного значения и ассоциироваться с понятиями и выражениями раздельности, делимости, считаемости и т.п. Таковы, например, слова: **dearth** (*норасоӣ, нокифоя*), **foliage** (*барг*), **consumption** (*сарф кардан*) и др. Эти существительное очень редко имеют структурный тип формы множественного числа, как, например, **physics** (*физика*), и соотносимые формы и слова всегда «единственного числа». Это лишний раз обнаруживает специфику сложного содержания формы единственного числа.

Некоторые существительные двойственны в числовом плане, то есть одно из их значений отражается в формах и значениях слов соотнесенных как множественное, другое как единственное. Однако разница эта не категориальная, так как нет противопоставления многих одинаковых (т.е. значению единственного числа): а есть значения, с одной стороны, делимой группы одинаковых **clergy** (*рӯҳониён*), **police** (*политсия*), **three eclergy**, **five police**: *панҷ корманди полис* но **one clergyman**, *якрӯҳони-мард*, **one policeman** (*як корманди полис*) и, с другой стороны, их неделимой совокупности, когда слово обозначает целостную, единую организацию. Вряд ли можно также считать эти два значения расчленяющими подобное существительное на два омонима: оба значения слишком явно дополняют друг друга как варианты смысла собирательности. Но все же каждое из них имеет только один возможный ряд числовых соотнесений в формах и содержании связанных с ним слов,

и потому ни одно из них не обладает категорией числа. Структурно такие существительные представляют собой либо тип единственного числа, как **clergy, polices** (оиди мардум) и т.п., либо тип множественного числа, как, например, **statistics** (омор).

3.2.4. Существительные, обладающие категорией числа

Здесь можно выделить несколько групп. Начнем с тех, у которых наблюдаются наиболее явные признаки сходства с какой-нибудь из описанных выше подгрупп существительных, лишенных категории числа.

1. Существительные, не имеющие двух разноструктурных числовых форм, распадаются, в свою очередь, на две подгруппы, из которых количественно больше группа

а) существительных, обладающих типом структуры множественного числа.

Категория числа у таких существительных, так же как и у обладающих типом структуры единственного числа, получает свое выражение в формах и значениях соотнесенных слов. Иногда выражению категории способствует в единственном числе неопределенный артикль.

Среди этих существительных есть такие, у которых категория числа имеет весьма нечеткое выражение, что объясняется историей развития категории.

Возьмем, например, такие слова как: **barracks** (*хонаи аскарон*), **link** (*майдони бозӣ барои голф*), **news** (*навигариҳо*), **shambles** (*салоҳхона, бетартибӣ, бесарусомонӣ*), **contents** (*мундариҷа*) и пр. Они были лишены раньше категории числа, поскольку сами они одноформенны, т.е. разных числовых форм не имеют, а соотнесенные с ними в контексте формы слова всегда имели значение одного и того же множественного числа. Постепенно, однако, в соотнесении начали употребляться слова и формы

со значением единичности, и таким образом у приведенных выше подобных им слов образовалась категория числа. Но, от прежнего положения в современном английском языке, ещё сохранилось употребление слов и форм, служащих контекстуально-соотносительными показателями «множественности». Они употребляются в таких же условиях, как в определенных смысловых соотношениях с обозначающим данный предмет словом употребляются слова, служащие показателями «единственности». Это объясняется, по-видимому, тем, что обозначаемый предмет, несмотря на то, что он признается единым и единичным, все же трактуется как составная совокупность различных по отдельности частей. (Например, **works** может рассматриваться как единое целое «завод», тем не менее, представляющие собой совокупность разных цехов). В отдельных случаях, возможно, все еще действует старая традиция.

Так или иначе, но получилось своеобразное положение, при котором нет достаточно точного различия между единственным и множественным числом потому, что в силу преемственности сохранилось указанное выше употребление указателей множественности. Благодаря этому, у значения единственного числа имеется своего рода «внутренний синоним» с формами соотнесенными, с «омонимичными» показателями значений множественного числа. Но, категория числа у таких слов все-таки существует.

К рассматриваемой подгруппе следует отнести существительные, обозначающие предметы парного состава: **scissors** (*қайчӣ*), **glasses** (*айнақ*) и т.п.

Это подгруппа может пополняться за счет дальнейшего перехода в нее слов, ранее не имевших или в настоящее время не имеющих категории числа, например, слов, обозначающих предметы парного состава, в роде **bellows** (*даму оҳангарӣ*), **works** или **links** и т.п. Нет, например, ничего невозможного в распространении категории числа

(путем использования соответствующих форм и значений соотношения) на такие слова, как: **color** «парчам» **customs** «бочу хироч» **numbers** «интихоби навоҳои мусиқи» **thaws** «мускулатура» и т.п.

В настоящее время, слова такого характера, как: **links**, **чомаҳои рег**, **barracks** **хобгоҳи сарбозон** (от которого, впрочем, образована уже структура без «s») и т.п., обнаруживают явную тенденцию к изживанию значения составной совокупности, более или менее синонимичного значению единственного числа; полученное в наследие от прошлого, оно теперь стало уже ненужным грузом. С утратой этого ставшего побочным «третьим» значения, и сплетающего единственное число с множественным, существительные из рассмотренной (первой) подгруппы должны перейти в следующую, вторую подгруппу. Потому что для них характерно то, что у них есть только одна структура, соответствующая типом и формой множественного числа. В этой второй подгруппе они объединяются с такими словами, как: **species** (*намуд*), **series** (*силсила*), **means** (*тариқ*).

У слов второй подгруппы категория числа выражается в синтаксических и лексических соотношениях с полной ясностью. Поэтому в условиях системы существительное, в общем, указанные структуры следует считать представляющими не одну, а две формы омонимов с разными числовыми значениями.

б) Существительное, обладающие одним структурным типом единственного числа, т.е. такие как: **deep** (*чуқур*), **sheep** (*гӯсфанд*), **salmon** (*ласось*), **озодмоҳи trout** (форель); **гулмоҳи stone** (камень) (*санг*) (о весе) и т.п. образует как будто сравнительно малочисленную группу, но в действительности же её количественный состав не совсем ясен. Не вызывает сомнений во всяком случае то, что формы единственного и множественного числа здесь тоже омонимичны.

3.2.5. Существительные, обладающие двумя разноструктурными формами числа

Данная группа распадается на:

1. менее многочисленная:

а) группа существительное, называемых обычно собирательными. Она характеризуется числовой двуплановостью. В этом отношении как бы приближается к первой подгруппе (группы 1а), но резко отличается от нее не только тем, что одно из её «множественных» значений имеет оформление по типу единственного числа и омонимично форме единственного 2-го значения, и не только потому, что 2-е значение обладает морфологически ясно выраженным различием между двумя числами, но, главное, потому, что оба значения полноценны и почти равноправны. Ср. такие слова как: **family** (*оила*), **crew** (*фармон, хайати кишти*), **board** (*хайати команда*), **committee** (*кумита*), **government** (*хукумат, давлат*), и т.п. *точ зулфайн, тарафайн.*

Однако у тех же слов **family, crew, board, committee, government** и т.п., когда они по смыслу обозначают спаянную совокупность членов, действующих как единое неделимое целое, есть и формы и соответствующее категориальное содержание двух чисел, то есть с этим значением у указанных существительное связана категория числа. Например *бог-богот (сад-сади) хайвон-хайвонот (животное) сир-асрор* и др.

Встает вопрос – не омонимы ли это, не имеем ли мы здесь два ряда разных лексем?

Формальные признаки подсказывают утвердительный ответ; но если судить по лексическим значениям, которые у омонимов должны расходиться, то здесь они настолько близки, и одно так легко заменяется, по желанию, другим, что в данном случае следует скорее признать лексическую полисемию с разным грамматическим характером значений. Двойственное содержание структуры типа единственного числа (как

подлинной формы единственного числа, так и формы несчитае­мой множественности) имеет глубокие корни в истории и в системе языка. Этот структурный тип слова должен, по-видимому, толковаться как антитеза отвлеченно-обобщающего значения, характерного для содержания формы единственного числа.

Сходство значения раздельно-собира­тельной множественности формы единственного числа (значения, не входящего в качестве коррелятивного в категорию числа) тех собира­тельных существительных, которые в целостно-собира­тельном значении обладают категорией числа, со значениями некоторых существительное, лишенных числа, несомненно. Различие, состоящее в невозможности для них сочетаться с количественными числительными, распространяется не на все слова, есть и исключения.

Наиболее ярким исключением является слово **people**. Правда, относительно **people** нет согласия между исследователями, следует ли усматривать в нем одно слово или два омонимичных, и, если правильно последнее, не является ли раздельно-собира­тельное (и даже считае­мое) **people** супплетивной формой множественно числа к **a person**. **People** может соотноситься с глаголом-сказуемым в форме множественного числа и в таких случаях, когда оно употребляется в значении народ:

The people of Bulgaria are staunch friends of the Russian people-мардуми
Булгория дѹстони хуби халқи Россия мебошанд-(Болгарский народ является близким другом русского народа)

б) Вторая группа существительное с двумя формами числа не только самая многочисленная, но и по существу основная, является определяющей для грамматического характера существительного как части речи. К ней относится подавляющее большинство существительных в английском языке, которые обладают категорией числа и довольно последовательно обнаруживают ее как собственными

морфологическими средствами, так и средствами форм и значений соотносимых слов.

Не следует думать, однако, что мы имеем здесь дело с однозначностью числовой структуры. Все существительное этой группы характеризуются, по меньшей мере, двумя значениями формы единственного числа, одно из которых представляет собой категориальный коррелят значения множественности числа, другое же не связано с числовыми противопоставлениями. Так, например, если между формами **а book-китоб** и **books-китобхо** при обозначении соответственно одного и нескольких предметов одного и того же вида, устанавливаются отношения категориальных образующих (конституентов), то форма **book**, служащая для обозначения понятия вида, не является категориальным коррелятом формы множественного числа. Понятие вида включает все самые типичные, характерные, качественные отличительные признаки, обнаруживаемые у всех предметов (понятно, не дефективных) данного вида. Эти признаки отвлечены от индивидуальных особенностей отдельных предметов, но они извлекаются как самые существенные и самые общие из характеристик этих же отдельных конкретных предметов. Форма **book** в значении названия вида не может быть соотнесена ни с одним из значений, формы множественного числа и, следовательно, не служит средством выражения категории числа. Не является членом категориального ряда форм **book** и тогда, когда она употребляется в смысле собирательном или в значении представителя вида, хотя более или менее сходные значения можно обнаружить и у формы множественного числа. Эти значения формы **book** сами по себе лишены количественного признака, а потому и существительное в таких случаях лишено категории числа.

Рассматриваемую сейчас группу образуют, следовательно, существительные, которые в зависимости от того или иного из своих (по крайней мере, двух) значений, основных для грамматической системы

языка, либо обладают категорией числа, либо лишены ее, причем категория эта имеет морфологическое выражение.

Возникает вопрос: чем же эта группа отличается от предыдущей группы? На первый взгляд, только тем, что предыдущую группу образуют такие собирательные существительные, которые лишены категории числа в значении, обнаруживаемом с помощью соотносимых форм и слов, как (*The Board were filmin their refusal*); рассматриваемую же группу образуют существительные, лишенные категории числа в значении, которое по форме и по смыслу соотносимых слов выражается так, как если бы оно было значением единичности (*The peasant was treated as dumbbrute for centuries*).

При более детальном анализе оказывается, однако, что эта разница фактически очень глубока. Во-первых, у «собирательных» существительных (предыдущая группа) форма единственного числа, не выступающая категориальным коррелятом формы множественного числа, не вполне соотвеисивует своему назначению, а служит средством выражения «раздельного объединения» Например: *The Jury was out lessan hour. When it was announced that they were ready to render the sentence...*

Поэтому значение «раздельности» выражается в форме или в смысле соотнесенных слов. Комбинация формы единственного числа самого существительного и значений множественности у этих слов в достаточной степени отражает простейшими языковыми средствами двойственность содержания такого существительного, например: *What have our generation left to believe in?*

У существительных последней группы нет никакой подобной двойственности. Форма единственного числа совмещает у них два ее основных значения: значение единичности и значение концентрированной совокупности наиболее общих, но и наиболее качественно-существенных черт в содержании данного вида предметов. Поэтому здесь и не нужно расхождения между формой данного

существительного и формами или соответственным смыслом соотносимых слов, например: **Class did not exist in this house; only personality was present.**

Во-вторых, форма или смысл множественности у слов, соотносимых с так называемыми «собирательными» существительными предыдущей группы, самой этой множественностью указывает наиболее частный, конкретный характер обозначаемого, сравнительно с характером того, что обозначается формой единственного числа у слов последней группы. Когда эта форма, как и форма с раздельно-собирательным значением, лишена категориально-коррелятивного содержания и потому не связана с другой формой множественного числа. Ср., например:

The Trade was not buying.

All values were equal and none of much value.

The late Government *wasn't* sweating into their sheets – not they.

В каждом из вторых случаев употребления выделенного существительного назначением формы единственного числа вовсе не является указание на количественный признак обозначаемого. При этом следует подчеркнуть, что такое применение формы не ограничено каким-нибудь определенным кругом слов.

Отсюда следует, в-третьих, что хотя существительные со значением “раздельной собирательности” лишены категории числа (у них нет грамматических примет единственности в формах и значениях соотносимых слов, что отвечает, несомненно, специфике их семантики), они отнюдь не нейтральны относительно количественных признаков обозначаемого. Напротив, именно количество неопределенной множественности, поскольку группа всегда “больше одного”, представляет собой одну из отличительных и важнейших черт их смыслового содержания.

Мы говорим “существительные” но речь идет, конечно, о словах в одном из их специальных значений; в другом значении-собирательности целостной, а не раздельной-эти слова входят, по существу, в последнюю группу, так как обладают всеми ее особенностями (категорией числа и двумя числовыми формами, соответствующими синтаксическим соотношениям и т.п.).

Среди особенностей последней группы существительных одной из важнейших является как раз наличие у формы единственного числа “созначения” без количественного признака. Эта количественная нейтральность, несмотря на ее, чрезвычайно важную роль в системе языка, не заложена, однако (в отличие от смысла множественности у раздельно-собирательных значений), непосредственно в собственно-предметом содержании слова. Она является лишь естественным следствием, прямой “производной” от специфики того особого значения существительного, которое создается мыслью, сосредоточенной на отвлечении и обобщении специально качественных существенных черт данного вида предметов. Это особое значение ясно обнаруживается у подчеркнутых существительных в следующих отрывках:

...a shrewd-looking red-haired young man with journalist written all over him.

There is a dash of the tragedy queen about her.

The lilac-bushes were all in flower.

Характер отличительных черт предмета совершенно не зависит от числа единиц вида:

There shall be more War.

...a man of sixty and some family, with a tall forehead, a preponderance of body to led, and an expression both steady-and expressive.

Признак количества предметов, качественно характеризуемых как вид данной совокупности отличительных черт, не входит, таким образом, в рассматриваемое значение существительного. Но в отдельных

случаях, в том или ином контексте, при определенных смысловых связях и т.п., можно обнаружить, что в реальной ситуации обозначаемая численность как-то проявляется, например:

If we conceal, *we're* accessory after the fact.

Это особое качественно-видовое значение существительного, обладающего как полнозначное, многогранное слово и двумя числовыми формами и категорией числа, можно сравнить со значением одноформенного существительного, лишённого категории числа, такого как: **furniture, information, advice, news** и т.п., допускающим, различную фактическую численность обозначаемого, но не связанным с ней и не отражающим ее:

“I can give you every information.”

...he knew the subject would not be broached until *all other* conventional and trivial news had been exchanged between them.

Итак, у этой последней группы, чрезвычайно обширной, самой разнообразной и самой важной группы существительных, количественно просто несоизмеримой со всеми-другими группами, обнаруживается по меньшей мере два значения, одно из которых выражается в двух числовых формах и непосредственно связано с категорией числа, а другое характеризуется тем, что раскрывается только в одной форме и соответственно лежит за пределами категориально-числовых отношений. От предыдущей группы последняя группа существительных отличается не по формальным признакам, а по специфике содержания формы единственного числа, когда эта форма не представляет собой категориального коррелята другой формы. Следует отметить, что качественно-видовое значение наблюдается у разных существительных, независимо от наличия у них двух особых или двух омонимичных форм числа, и даже у ряда слов, лишённых категории числа. Но у последних это значение не представляет собой чего-либо особенного, так как сам

факт отсутствия категории числа объясняется здесь большей частью соответствующей спецификой значения.

Подчеркнуть наличие этого особого значения важно было как раз у таких существительных, у которых, категория числа выражена с наибольшей четкостью, так как сама это четкость создает предпосылки для далеко не всегда правильного восприятия формы единственного числа, как имеющей значение неперменного и несомненного категориального коррелята формы множественного числа. Форма единственного числа очень часто, в соответствии со спецификой смысла существительного, не является носителем содержания категориальных отношений. Возможно, что для таких случаев, весьма распространенных в английском языке, следовало бы ввести другое обозначение внешнего облика существительного, например, «основная форма» (т.е. форма, обычно выполняющая функцию основы) или «простая форма» (поскольку суффиксальная форма множественного числа является, естественно, производной); но есть серьезные соображения и в пользу того, чтобы сохранить существующий термин. Во-первых, формы, основной функцией которых в грамматическом строе языка является выражение содержания той или иной категории, как правило, имеют и другие функции.

Нужно отметить, что положение слов, имеющих только форму единственного числа, и положение слов, имеющих только форму множественного числа, различно. Что касается последних (так называемых **pluralia tantum**), то у них вообще, по самой природе, не может быть формы единственного числа. Это связано с тем, хотя реально слова типа **scissors қайчиҳо**, или **trousers шимҳо** и т.п. обозначает один предмет, вместе с тем в них всегда присутствует значение множественности; но, в отличие от **tables мизҳо**, **dogs сағҳо** т.п. случаев, где одно понятие относится к нескольким предметам, в **scissors** и **trousers** в виду имеется не множественность предметов, а множественность частей

данного предмета. Иначе говоря, мужественность здесь как бы направлена не во вне (на несколько предметов), а во внутрь данного предмета на отдельные его части (так называемая партитивная множественность), поэтому форма множественного числа у этих слов занимает своеобразное положение: она не противопоставляется форме единственного числа.

Тот факт, что в словах типа *scissors*, хотя они обозначают один предмет, сохраняется значение множественности, подтверждается их синтаксической трактовкой (ср., например, **these scissors are sharp** – *эти ножницы острые*, а также особым способом счета: нельзя сказать **one scissor** или **a scissor**; понятие единичности предмета передается сочетанием **a pair of scissors**, а большее количество обозначается как **two pairs of scissors** и т.д.

Что касается слов, выступающих в форме единственного числа (так называемых *singularia tantum*), то у большинства из них форма множественного числа принципиально не исключена, как это имеет место в отношении формы единственного числа у слов типа *scissors*).

При известных семантических сдвигах существительные, употребляющиеся, как правило, только в форме единственного числа-названия веществ, материалов (**steel пулод**, **snow барф**), слова, обозначающие так называемые «отвлеченные понятия» (**hatred бадбинӣ**, **love дӯстдоштан**, **ишқ**) и др., могут употребляться во множественном числе, например: **steels, пулодҳо, wines – шаробҳо** и т.п. со значением различные сорта, разновидности стали/вина и т.д.

Иными словами, если внимание обращается на то, что вещество, предположительно однородное, может быть и различным по своему составу (или каким-то другим по качествам), то появляется возможность употребления соответствующего слова и в форме множественного числа.

В других случаях, вместо такой своего рода «качественной» множественности, в формах множественного числа слов указанного типа

присутствует известная «пространственная» множественность: **snows снега, sands пески**, и т.п. здесь в форме множественного числа значение существительного конкретизируется и эмфатически усиливается. Так **snows** предполагает огромные **массы снега, так сказать, снег «во всех направлениях»**

Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что категория числа присуща, как правило, не существительному-слову во всем объеме и разнообразии его значений, а существительному-лексеме определенного характера, с которой в слове сосуществуют значения другого характера; лежащие вне категориальных соответствий. Таким образом, эта грамматическая категория теснейшим образом связана с лексическим характером данного смысла у того или иного слова и, следовательно, наличествует лишь у полисемантических в данном плане слов.

3.2.6. Сочетания количественных числительных с существительными в сопоставляемых языках

При обозначении множества предметов можно ограничиться формой множественного числа (**книги – books - китобҳо, карандаши – pencils - каламҳо, тетради – notebooks - дафтарҳо**), — предметы в этом случае мыслятся как численно неопределенное множество. Точное обозначение количества осуществляется при помощи имен числительных: пять книг, десять карандашей, сто тетрадей. В этом случае можно предположить три возможности:

1. Идея множества выражается только именами числительными, в существительном нет показателя множества;
2. Идея множества выражается два раза — и именем числительным, и показателем множественности в имени существительном; причем показатель множественности остается тот же самый, что и при обозначении неопределенного множества;
3. идея множества выражается два раза — и именем

числительным, и показателем множественности в имени существительном, но берется особый показатель определенного множества.

Эти три возможности находят практическое осуществление в различных языках. Таджикский язык реализует первую возможность: *лухтак* («кукла»)-*doll*, *чор (чаҳор) лухтак* («четыре куклы») *four dolls*, *лухтакҳо* («куклы»)-*dolls*. Вторая возможность воплощена, например, в английском языке: *a book* («книга») *китоб*, *six books* («шесть книг») *шааш китоб*, *books* («книги») *китобҳо*. Третья возможность используется в болгарском языке, где особая форма выражения определенного множества выработалась из формы двойственного числа: значение формы множественного числа расширилось до любого определенного числа (*конь - асп*, *шесть коня - шааш асп*, *кони-аспҳо*).

В русском языке существует довольно сложная система употребления существительных в сочетаниях с числительными. Лишь числительные *один-one (одна, одно)-якто* согласуются с существительным в роде, числе и падеже (ср.: *один день*, *одним днем*, *в одну неделю* и т. д.). Это числительное может иметь форму множественного числа *одни (для всех родов)*, которая употребляется с существительными *pluralia tantum*. Так как в таджикском языке нет существительных, которые бы употреблялись только в форме множественного числа, то таджикские эквиваленты таких существительных могут сочетаться с числительным *як*; *як соат — одни часы an hour*; *як дарвоза — одни ворота*.

Числительные *два, три, четыре* в форме именительного, винительного падежа управляют формой родительного падежа единственного числа неодушевленных существительных и согласуются с формой родительного падежа множественного числа одушевленных существительных (ср.: *потерял два дня Last two days — потерял двух товарищей*)-*Last two friends*. В остальных падежах эти числительные

согласуются с существительными во множественном числе (*двух столов-two tables, двумя столами, на двух столах*).

Употребление формы родительного падежа единственного числа (хотя предметов несколько, а не один) объясняется исторически: в языке числительное **два** согласовалось с существительными в форме двойственного числа (*два стола*), а числительные **три, четыре** — существительными в форме множественного числа. После утраты двойственного числа форма *два окна, два стола*, в силу совпадения ее с омонимичной формой родительного падежа единственного числа стала восприниматься как форма родительного падежа. В дальнейшем и в сочетаниях существительных с числительными **три, четыре** формы множественного числа были вытеснены (по аналогии) формой родительного падежа единственного числа.

Такое объяснение употребления формы единственного числа существительных, стоящих после числительных *два-two, три-three, четыре-four*, было уже давно принято филологами.

Однако находились некоторые «исследователи» русского языка, которые пытались весьма «*мудро*» и «*прозорливо*» оспаривать такое утверждение.

Например, в 1855 г. в Новгороде была издана брошюра, в которой была напечатана статья «О весьма замечательном употреблении имен числительных *два, три, четыре* в русском языке». Подписана статья псевдонимом Э.¹⁹ В ней автор считает, что в выражении «**два стола**» — **стола** не есть особая форма именительного падежа, принадлежавшая старому двойственному, а просто нынешний родительный падеж единственного числа. Доказывает он это тем, что во многих языках различаются три времени и три рода, и что почти все главные члены человеческого тела состоят, сверх общего названия, из трех частей. Так, например, глаз состоит из 1) **белка**, 2) **радужной оболочки** 3) **зрачки**; ухо из 1) **ушной раковины**, 2) **трубочки**, 3) **барабанной перепонки**. И если все

эти части представим в виде сектора круга, то выходит четыре предмета, которые составляют единство. Из них главный предмет непременно должен быть поставлен в именительном падеже единственного числа, а прочие 2, 3, 4, принадлежащие к части к единству его, должны быть поставлены в родительном падеже, чтобы выразить принадлежность их к единству. Этим он обосновывает употребление такой формы.

В журнале «Современник» была напечатана рецензия Н.Г. Чернышевского на эту статью, в которой он с иронией заключает: «Объяснение это чрезвычайно замечательное и прозорливое. Но мы уверены, что у немногих из филологов достанет прозорливости, чтобы понять его «убедительность».

Сочетания количественного числительного с существительным в сопоставляемых языках являются неразложимыми и выступают как один член предложения. Обычно в таких сочетаниях числительные стоят перед определяемыми существительными. Инверсия в них используется для обозначения приблизительности: **Недели три назад я послал 50 с лишним талеров Юнгу** (ГС, 81). — **Да версты три осталось** (АЧ, X, 163). I sent so additional thaler two taler three weeks ago.

В таджикском языке:

Саворони турконтане ҳафт-ҳашт

Бад-он дашти нахҷиргаҳ баргузашт

(Ф, II, 193).

Существительное при этом приняло показатель неопределённости. Инверсия допускается иногда в языке таджикской поэзии с целью сохранения метрики стиха:

Басе ранҷ бурдам дар ин соли сӣ

Аҷам зинда кардам бадин порҷсӣ

(Ф, II, 5).

В форме множественного числа могут употребляться слова **тысяча, миллион, миллиард** и др., обозначающие отвлеченные числа и

количество предметов. При этом они являются счетными существительными и требуют родительного падежа множественного числа: **Тахминан чаҳор ғорҳо аз тарафи селоб вайрон гардиданд, чаҳордах одам ҳалок шуд, даҳҳо одамон ярадор шуданд. Около четырех тысяч хижин снесены водными потоками, четырнадцать человек погибло, десятки людей ранены (И, 1970, 8, 21). About four thousands of huts ruined by inundation (flood) fourteen people died teens people were wounded. Онҳо ҳаёти маро сӯзонданд, чун онҳо ҳаёти ҳазорон одамонро барбод доданд ва медиханд, ман ба сабабу натиҷаи он худро ҳамроҳ шуморида наметавонам. Они погубили мою жизнь, как они губили и губят жизнь тысяч, сотен тысяч людей, а я не могу не связывать следствия с причиной (ЛТ, 484). They destroyed my life as the destroyed and destroy the life of thousands people and I can't bind with it.**

В таджикском языке числительные не употребляются во множественном числе за исключением тех случаев, когда выступают в роли существительных. Присоединяясь к числительному, суффиксы **-ҳо**, **-он** передают значение неопределенного множества.

Қарини ёри зеборо чи парвои чаман бошад?

Ҳазорон сарви бустони фидои сарв болое!

(С, 381).

Ҳазорон сарви бустони — тысячи кипарисов.

Дар он ҷоҳо дидед, ки садҳо коргар кор мекунанд (СА, I 216). «Там вы видели, работают сотни рабочих». As you have seen hundred people work there.

В отличие от русского языка, в таджикском отсутствует показатель множественного числа существительных, употребленных с числительными. Это вполне объяснимо, так как само числительное определяет единичность или множественность предметов: ***Ногоҳ аз як ҷониб се савор ошкоро шуданд (Ч, 55). Suddenty three riders appeared from***

that side. «Вдруг с одной стороны появились три всадника). *Дар тамоми маҳалла ва гузарҳо як, ҳатто ду масҷид ҳаст (АҚ, 38)*. «Во всех кварталах и улицах было по одной или даже по две мечети». There were one or two mosquus (churches) in all blocks and streets.

Нормы таджикского языка требуют такого употребления формы единственного числа одушевленных или неодушевленных существительных. Это правило основано на особенности структуры таджикского языка выражать формой единственного числа множественность. Лишь для уточнения количества лиц, предметов, явлений употребляется числительное. Нарушение правила считается грубой ошибкой. Например, С. Айни, отмечая недостатки перевода на таджикский язык учебника И. Звягинцева, А. Бурнашовского, Киселева «Счет», ч. I, Ташкент, 1925 г. (перевод Саид Ризо Ализода), считает неверным употребление переводчиком формы множественного числа существительного в сочетании с числительным: *«Дар саҳ. 38, сатри 5 «70 дона олуҳои калон» таъбир ёфтааст ва ҳол он ки чамъ наёмадани исм баъд аз исмҳояш ба адад аз қоидаҳои маълуми форсӣ аст. Чунончи, дар ҳамин саҳифа, сатри 8 «сад дона себи сурх чида буд» таъбир ёфтааст, ки мувофиқати рафида аст.*

В современном таджикском языке, особенно в языке периодики, часто встречается неправильное употребление, когда в сочетаниях числительного с существительным существительное стоит во множественном числе. Это явление, по-видимому, распространяется под влиянием переводов с русского языка; *Дар бозча ва бозчаҳои доимӣ қариб 9 млн. кӯдакон, дар бозча ва бозчаҳои мавсимӣ бошад, беитар аз 4 млн. кӯдак тарбия мегиранд (ҚТ, 1970, 5, 31)*. About nine millions children and in the periodical of seasonal kindergarten more than four million children a taken in to education In the department of kindergarten. В этом примере видим одновременное употребление двух форм — формы единственного и множественного числа существительного при числительном.

При счете между числами и названиями предметов в русском и таджикском языках ставятся нумераторы и неимперативные слова: После присылки из Китая в середине 1974 года 450 тонн оружия для ФНЛА военные поставки шли непрерывно широким потоком (ЛГ, 1977, 12, 21, 14).

Одушевленные существительные, стоящие после нумераторов, могут употребляться в таджикском языке в единственном и во множественном числе: *Ба ҳамроҳи се нафар марди кори дигар дарави як қитъаи калони ғалларо баҳо карда гирифта, ба кор шурӯъ намуданд* (СУ, 128). *With three men they have got a plot for grass cutting and started to work. Шаи нафар сардорон ба даруни қишлоқ рафта, ба ҳавлии деҳқоне даромаданд* (АД, III, 35). *Six leaders went in to village and visited peasants years.*

Неодушевленные существительные, стоящие после нумератора; употребляются обычно в форме единственного числа: *Ва гуфтанд дар ин шаҳр кас бошад, ки ўро дар як сол сесадчорсад ҳиқ асал ҳосил мешавад* (НХ, 12). *Ҳар яки ин ниҳолҳо соле 250—300 дона меваи хуштамъ медиҳад* (ТС, 1978I, 7). *Each of these threes gives 250-300 piece of fruit ears.*

Могут употребляться и в форме множественного числа: —*Ҳазор динор доруҳо ранци қадами ту аст* (Самак, 94). Сочетание «ҳазор динор доруҳо», состоящее из числительного «ҳазор» (тысяча) и нумератива «динор» перед существительным «доруҳо» (лекарства), эквивалентно русскому сочетанию «лекарства, купленные на тысячу динаров». Форма множественного числа «доруҳо» обозначает здесь *множество различных лекарств*; а) *Мо шояд баъд аз панхоҳ сол як тӯда чизҳо мешаванд, илму техника комёбиҳое ба даст медарорад, ки мо ҳоло дар бораи вай тасаввуре надорем...* (ФК, 256). Форма множественного числа существительного «чиз» («вещь» в сочетании «як тӯда чизҳо» употреблено в значении «множество различных вещей» («открытий»).

Количественное числительное «як» (один) обозначает одно лицо, явление, один предмет. Это его основное значение. *Як тӯб чит, як тӯб*

суф, ду рӯймоли фарангӣ, як либосвор шоҳияи ва як хуфт кафш ва маҳсиро пеш-пеш харида хойкарда монда буд (СА, I, 232).

При переводе на русский язык сочетаний числительного «як существительное» «як» может опускаться и переводиться, когда необходимо подчеркнуть единичность предмета. «Як», употребляясь со словами «дарача», «андоза» (*степень, мера*), может обозначать неопределенность действия и передается на русский язык сочетаниями «в какой-то мере», «в какой-то степени»: *Ба ин тариқ бо ҳаёти шаҳр низ шинос шудан як дарача имкон дорад (АҚ, 48).* «Таким образом можно в какой-то степени (в какой-то мере) познакомиться и с жизнью города»; *Ин то як андоза воситаи вақтгузарони ва дилхушии мардуми бозори гардидааст, ки ба кино даромадан ба онҳо муяссар намешавад (АҚ, 132).* «Это является в какой-то степени способом веселого времяпровождения людей, которым не часто приходится бывать в кино»; *Баъди як ҳафта ӯ як дарача ба худ омада, ба галладаравӣ киро шуд (СУ, 128).* «Через неделю, придя кое-как в себя, нанялся на уборку пшеницы». В данном предложении сочетание «як дарача» соответствует русскому «кое-как», «немного».

Употребляясь в сложном предложении, «як» может выполнять функцию указательного местоимения: *Астазфурулло, як гапҳо мегӯянд, ки на дар дег меистад, на дар кафгир (ФМ, 53).* «Боже мой, такие нелепости говорят, что диву даешься»,

Числительное «чил» (сорок) очень употребительно в таджикском фольклоре, особенно в сказках: *Рӯзи дигар чил одам ба чил аспу шутур савор шуда, ба сӯи шаҳри Гуландом мераванд (Фольклор, 268).* *Another day forty people with horses and camel will go to the town of Gulandom.* «На следующий день сорок человек на сорока конях и верблюдах отправились в город Гуландом». *Аз тамоми мамлакатҳои ҳамсоя одамҳоро даъват намуда, чил шабучил рӯз тӯю тамошо дода ба шоҳзода*

расид (Фольклор, 268) *чил шабу чил рӯз* — сорок ночей и дней (т. е. сорок суток). **He invited people from old countries conducted party for forty days and nights and got married to kingman.**

Числительные «десять» (*дах*), «сто» (*сад*), «тысяча» (*ҳазор*) и др., употребляясь перед существительными, могут выражать не конкретное количество предметов, явлений, действий, а неопределенное (большое множество): сто раз приходил, тысячу раз говорил и т. д.

Мехоҳам аз худо дуо сад ҳазор қон,

То сад ҳазор бор бимирам барои ту

(X, Ю 4).

сад ҳазор қон — сто тысяч жизней; сад ҳазор бор — сто тысяч раз.

Они опаснее в тысячу раз (ЛТ, 471). **They are very dangerous. Сад тавалло барои онҳо нӯҳ пул** (СШ, 1976, 2, 45). «Сто просьб для него ничто». А сочетание «*нӯҳ пул*» обозначает здесь «ничего не стоят»; чаще в этом значении в разговорном языке употребляются формы «*як (ду, се...) пул*».

Довольно часто имена числительные русского и таджикского языков встречаются в составе фразеологизма в роли его основного компонента. Они употребляются в языке с целью придать образное выражение количественных понятий: *Раз—два (один—два)* да и обчелся — о незначительном количестве кого-либо или чего-либо, что можно пересчитать; сорок сороков — бесчисленное множество, большое количество чего-либо в таджикском языке для обозначения утрированно малого количества: *Аз дарё (бахр) як коса (қатра) об* (Фарҳанг, 1, 289). Соответствует русскому: капля в море; **a drop in they ocean. Панҷ-шаи танга гундоштан** (Фарҳанг, 1, 804) — Собрать немного денег; **to gethers some money. (Як, ду, чор) даҳон маслиҳат кардан**—Немного посоветоваться.

Числительные, передающие большие числа, могут использоваться

во фразеологических сочетаниях в переносном значении: *Аз тагӣ ҳафтод дор гурехтагӣ* «Из-под семидесяти виселиц убежал». Аналогия: Он огонь и воду прошел (ПП, 69) *Аз сад гулаш як гулаш ҳам нашукуфта аст (Фарҳанг, II, 13)* Буквально: Из ста его цветов еще ни один не расцвел. В значении «быть еще молодым»; *Пири ҳазор офат ҷавонӣ ҳазор роҳат.* «Старость сопровождают тысячи бед, молодость — тысячи наслаждений. Аналогия: Старость с добром не приходит (ПП, 253).

Такова семантика числа количественных числительных русского и таджикского языков. Рассмотренные общие и отличительные особенности их основаны на общности сопоставляемых языков и специфике каждого из них.

В английском, таджикском и русском языках слова, обычно рассматриваемые как числительные, принято делить на так называемые количественные числительные (*two-ду-два, five-панч-пять, sixty-шаст-шестдесят*, и т.д.) и порядковые числительные (*second-дююм-второй, fifth-панчум-пятый, sixtieth-шастум-шестой* и т.д.), значительно отличающиеся друг от друга по своим признакам.

Что касается порядковых числительных, то можно легко отметить, что они обладают теми же грамматическими особенностями, что и прилагательные и что никаких специфических черт, отличающих их от прилагательных и позволяющих выделить эти слова в отдельную часть речи, у них нет, а следовательно, нет и оснований для отнесения их к числительному. От обычных прилагательных порядковые числительные отличаются только своим значением, тем, что они обозначают специфический признак, а именно признак, по месту, занимаемому предметом в счетном ряду. Особые же грамматические признаки, выражающие это значение, у порядковых числительных отсутствуют. Как и все прилагательные, они не имеют категории числа и падежа. Правда, у них отсутствуют и свойственные прилагательным формы сравнительной и превосходной степени сравнения, но это связано с

особенностями лексического значения этих слов и не может препятствовать включению их в состав прилагательных: как известно, формы сравнительной и превосходной степеней сравнения и имеются вообще не у всех прилагательных, что определяется характером лексического значения этих слов. Специфическим лексическим значением порядковых числительных объясняется и то, что они легко могут субстантивироваться.

Что же касается количественных числительных, то они, в отличие от числительных порядковых, обладают целым рядом специфических особенностей, свойственных только им и отделяющих их от слов других частей речи, и поэтому должны быть выделены в английском языке как особая часть речи.

Своеобразие количественных, или, точнее, просто числительных, поскольку порядковых «*числительных*» не существует, в английском языке проявляется, прежде всего, в способе обозначения ими числительных, по которой эти слова резко отличаются от существительных с числовым значением. Так, понятие 20 может быть выражено и числительным –*twenty* *бист*, и сочетанием числительного с существительным –*two tens ду дахи*, (О том, что *ten десяток* является здесь не числительным, а существительным свидетельствует форма множественного числа –*tens*; известно, что грамматическая категория числа является характерным признаком имени существительного). В числительном число получает самостоятельное изображение: *twenty* обозначает число как таковое, в то время как в сочетании с существительным (*two tens*) число «*опредмечивается*» и выступает как определенное число известных предметов-десятков. С этим опредмечиванием (представлением числа в существительном в виде кого-то количества предметов) и связано наличие категории числа у слова *ten*. В свою очередь, отсутствие этой категории у числительного *twenty* связано с тем, что число и в этом случае не опредмечивается.

Таким образом, отсутствие категории числа выступает как характерный признак, отличающий числительное от существительного. Этот момент помогает, в частности, отделить числительное **hundred** - **сад** от соответствующего существительного со значением сотня. Ср., например: **two hundred** – *дусад – двести*, **five hundred** – *панчсад – пятьсот* и т.д., где при обозначении числа в несколько сот компонент **hundred** входит в состав сложного числительного и не имеет категории числа, и **hundreds of men** *садхо одамон-сто людей*, где **hundred** выступает как существительное в форме множественного числа. Правда, здесь следует упомянуть и другой признак, отграничивающий **hundred** и **hundred** друг от друга, а именно то, что существительное может сочетаться с другим существительным лишь через посредство предлога, в то время как числительное соединяется с существительным без помощи связующего слова;

Например, **hundreds of man**-*садхо одамон-сто людей*.

(ср. **Glasses of water** *стакани об-стокан вода*)

Two hundred men *дусад одам-двести людей*

Отсутствие у числительных категории числа обусловлено тем, что сами числа, обозначаемые ими, счету не подвергаются: в самом деле, ведь когда говорят **two hundred apples** *дусад себ*, **five hundred man** *панч сад одам*, то считают не сотни, обозначенные числительными, а предметы (яблоки, людей, и т.п.), обозначенные существительными. Это составляет своеобразие данной группы слов, и именно с этим связано то обстоятельство, что при передаче числа числительными, с числа снимается «определённость» и на первое место в семантике слова выдвигается изображения числа как такового, числа «неопределённого».

Специфические особенности, характерные для изображения числа в числительном, проявляется и в тех приемах, которые используются для образования числительных.

При обозначении числа (числа каких-то предметов) сочетанием числительного с существительным (**two boys-ду писарча-два мальчика, five chairs панч курси-пять стулов** и т.д.) используется обычно один и тот же прием-прием «умножения»: так, в случае **five chairs панч курси, chair курсї**, условного говоря, «*берется пять раз*», «*умножается*» на пять, т. е. – **chair 5**.

Приемы, применяемые для обозначения того или иного числа в системе числительных, отличаются большим разнообразием.

Специальное обозначение отдельным словом для каждого числа существует лишь в немногих случаях, в частности с 1 до 12. Чаще используется прием «*сложения*» и прием «*умножения*». По принципу сложения образуются числительные от 13 до 19. Так, например, числительное **four teen чордах** по семантической структуре представляет собой **чор+дах**. Этот же приём используется и для обозначения ряда чисел свыше 20 **twenty-two бисту ду-двадцать два** (т.е.20+2), **thirty-five сиву панч-тридцать пять** (30+5) и т.д. вместе с тем следует подчеркнуть, что прием сложения, используемый для образования числительных типа **twenty-two**,отличен от сложения в словах типа **thirteen сенздах, fourteen чордах** и т.п. Числительные типа **twenty-two** представляют собой сложные слова, а в случае числительных типа **thirteen, Fourteen** и др. Второй компонент–teen стоит на грани между компонентом сложного слова и суффиксом.

Однако, характеризуя числительные типа **twenty-two бисту ду**, как слова сложные, следует иметь в виду, что по своей семантической структуре они отличаются от сложных существительных. Это отличие состоит в том, что числительные типа **twenty-two бисту ду-двадцать два**, строятся на основе приема сложения, а при образовании сложных существительных этот прием не используется. Так **family gathering** по своей семантической структуре совсем не означается **family+gathering**, как это имеет место в случае **twenty-two** и т.п.

При обозначении десятков (20 и выше) числительных используется прием умножения: *twenty* двадцать (т.е..2x10); *thirty* тридцать (3x10) и т.п. Прием умножения используется так же в случае сложных числительных, когда первый из двух компонентов сложного слова является основной числительного, обозначающего меньшее число, чем представлено в основе второго компонента: **two hundred** *дусад-двесту*, (т.е.2X100); **five hundred**-*пятсот* (5X100).

Прием умножения в числительных отличается от приема умножения, характерного для обозначения какого-то числа предметов, сочетанием числительного с существительным: в случае числительного всякий раз образуется новое слова с суффиксом *-ty*-(**fifty** *панчох* и т.д.) или сложное слово (**five hundred** *панчсад* и т.д.), в то время как в случае существительного мы всегда имеем сочетание двух слов (**five chairs** *панч курси ва зайра*-пять стульев ит.д.

Итак, для обозначения числа в системе числительных применяются особые приёмы, не встречающиеся в системе существительного, и это подчеркивает специфику числительного как особой части речи и свидетельствует об особом, отличном от существительного изображении числа в числительном.

Правда, могут быть случаи, когда специфическое изображение числа в числительном выступают недостаточно четко. Так, на первый взгляд может показаться, что сочетания числительного с существительным типа: **two boys** – *ду писарча-два мальчик*, **ten boys** *дах писарча-десять мальчик*, как будто аналогичны сочетаниям прилагательного с существительным- т.е. таким, как **little boys** *бачаҳои хурд-маленькие дети*, **big boys** *бачаҳои калон-взрослые мальчики* и пр., и что, следовательно, количественные числительные должны рассматриваться как особый разряд прилагательных.

Однако при внимательном анализе не трудно отметить, что между числительными и прилагательными существует значительные различия.

Эти различия очень ярко проявляются в своеобразии семантического соотношения частей сложных прилагательных и числительных. Своеобразие семантических отношений, возникающих в сложных числительных, состоит в том, что, как уже говорилось выше, эти отношения основываются на приёме умножения или сложения, причём использование того или другого приёма определяется не грамматическими моментами, а разрядом чисел, обозначааемых компонентами сложного слова и порядком их соединения: если в качестве первого компонента сложного числительного выступает основа слова, обозначающего меньшее число, то семантическое соотношение компонентов сложного слова будет строиться на приеме умножения: **two hundred дусад-двесту, five hundred панчсад-пямсот**, и т.д., если же, наоборот, первым компонентом будет основа слова, обозначающего большее число, то семантическое соотношение между компонентами сложного слова будет основано на принципе сложения: **Twenty five двадцать пять-бисту панч**, и т.д. что же касается семантических отношений, возникающих в сложных словах то они совсем другого рода: ср., например, **dark blue сиёх кабуд–черные синий**, совсем не означающее **темный+синий**.

Числительные отличаются от прилагательного и тем, что они легко субстантивируются например: **The boy got three twoes. Мальчик получил три двойки-писарбача се баҳои ду гурифт**. Некоторые числительные субстантивируются особенно часто и являются основной для постоянных словарных единиц в классе существительное: **hundreds садҳо-, millions миллионҳо** т.п. Правда, другие существительные, образуемые на базе числительных, употребляются реже и в более специальных сферах (например, приведенное выше **twoes дуҳо** и др.). Однако все же в целом числительные субстантивируются гораздо чаще, чем прилагательные.

В синтаксическом плане числительные также ведут себя своеобразно. Они, подобно прилагательным, чаще всего выступают в

сочетании с существительным, причем это сочетание как будто, действительно, напоминает сочетание прилагательного с существительным: ср. **five books** *панҷ китоб-пять книги* и **new books** *китобҳои нав-новый книги*. Однако числительное в таком употреблении нельзя назвать определением в собственном смысле этого слова, ибо при сочетании числительного с существительным образуется соединение особого рода, соединение, в котором соотношение компонентов является иным, чем обычное соотношение определения и определяемого. Если в последнем случае определение раскрывает какие-то свойства определяемого (**new books** *китобҳои нав-новый книги*, **big houses** *хонаҳои калон-большие квартира* и др.), то в сочетании числительного с существительным числительное выполняет особую роль: оно не характеризует какие-то свойства предмета, обозначаемого существительным: но указывает на количество предметов, выступая как своего рода уточнитель, или детерминатив. В таком употреблении числительное стоит ближе к артиклю и неопределенному местоимению, нежели к прилагательному и вообще с трудом может быть выделено в качестве отдельного члена предложения.

3.3.1 Категория числа в именах прилагательных

Семантической основой имен прилагательных в сопоставляемых языках является понятие качества.

Грамматическая природа категории числа в именах прилагательных и существительных различна. Если в имени существительном за различиями рода, числа и падежа видим различия самих предметов и их взаимных отношений, то в прилагательном различия форм не передают никаких различий между признаками предметов или между отношениями признаков друг другу.

Категория прилагательных более абстрагирована, отвлечена от многообразия лексического содержания, чем категория

существительных.

В истории индоевропейских языков был период, когда свойство мыслилось только конкретно, только как вещь. В процессе своего развития абстрагированное значение качества постепенно заслоняло значение предметности в тех словах, которые употреблялись в атрибутивной функции.

В результате постепенного перехода неиранских языков от флективного типа к аналитическому отдельные признаки прилагательных утратили свое значение. Новоиранские, в том числе таджикские прилагательные, вместе с флексией утратили и категорию числа.

В сопоставляемых языках имена прилагательные обозначают признаки, присущие предметам: *Смех, беспечный, безудержный, счастливый, дерзкий, несся над толпой (ГС, 256). Танцы и песни сопровождали эту символическую, расправу с королевской властью (ГС, 242); Ин деҳа дар ҷои баланде афтада, як пайраҳаи борик ва качу килеб равандаро ба душвори ба он мебаровард (СУ, 342). «Это селение было на высоком месте и узкая кривая тропка с трудом приводила туда путника». Фароз аз биёбонҳои бе об, аз дарёҳои шӯр. аз ҷангали Мо зандарон гузашт (СУ, 133). «Фароз прошел безводные пустыне, соленые реки, лес Мозандарон».*

По своим значениям и грамматическим признакам прилагательные в обоих языках делятся на качественные и относительные. Кроме того, в английском языке различают притяжательные прилагательные. В отличие от английского языка в таджикском языке некоторые качественные и относительные прилагательные, наряду с обозначением признака предмета, могут обозначать признак действия. В связи с этим прилагательные могут выступать в таджикском языке в роли обстоятельственных слов, что не свойственно прилагательным русского языка; *ду роҳи дур-lay-way* — дальняя дорога (дальний путь), *ӯ дур рафт-*

he went far - он ушел далеко; *маслиҳати оқилона-brave advise* — разумный совет, *оқилона рафтор кардан-to get well* — поступать разумно.

Основным отличительным признаком таджикских прилагательных является то, что они, как и существительные, совмещают в себе признаки рода, числа, падежа. В русском языке они указывают на связь прилагательных с именами существительными в процессе речи. В форме множественного числа имен прилагательных отсутствуют родовые различия.

В таджикском языке прилагательные являются неизменяемой частью речи. Для дифференциации именных частей речи основную роль играет семантика самого слова. В таджикском языке отсутствует согласование определяемого слова с определением. Прилагательные не имеют категории числа и не принимают показателей множественности *-ҳо, -он*.

Если в таджикском языке определение, выраженное прилагательным, согласуется с определяемым, то в таджикском языке оно примыкает к определяемому посредством особого морфологического показателя определительной связи *изафета-и*. Если определяемое стоит в форме множественного числа, то *изафет* следует за показателем множественности *-ҳо, -он*.

Саволи душвор трудный вопрос, саволҳои душвор трудные вопросы дафтари кабуд—синяя тетрадь, дафтарҳои кабуд—синие тетради.

В русском и таджикском языках для установления соотношения качества признака в разных предметах или в одном предмете в разное время используются степени сравнения.

Сравнительная степень прилагательных в русском языке образуется от основы положительной степени при помощи суффиксов *-ее (-ей), -е, -ше*, а также сочетанием слов «более», «менее»; С каждым часом город становился наряднее и чище (ГС, 246). — Кто бы мог подумать, что вы, русские, еще более темпераментны, чем французы и мы, гренландцы,

– сказал Маркс (ГС, 250) .

В таджикском языке сравнительная форма образуется с помощью конструкций с предлогом аз и суффиксом *-тар*: *Ман дар давидан аз ӯ чобуктар будам* (СА, III, 154). «*В беге я был сноровистее его*». *Набошад, гуфт Намоз полвон, барои ту аз инчо беҳтар ҷой нест* (СШ, 1969, 12, 53). «*В таком случае, — сказал Намоз — полвон, — для тебя нет места лучше этого*».

Иногда в супплетивной сравнительной форме от прилагательного *-хуб* — *беҳтар* (*хубтар*), суффикс *-тар* пропускается: *Сари ҷумлаи ҳайвонот, гӯянд, ки шер аст ва камтарини ҷонварон хар ва ба иттифок хари борбар беоқил шери мардумдар* (С, 66). «*Говорят, что царь зверей — лев, а самое низкое из животных осел, но ясно, что навьюченный осел лучше хищного льва*».

Как отмечает К. Шукурова, сравнительная степень прилагательных в таджикском литературном языке может сочетаться с усилительными словами:

- 1) Наречием боз — **боз хушрӯйтар**;
- 2) Наречием боз и частицей ҳам — **боз ҳам хушрӯйтар**;
- 3) Наречием торафт — **торафт зичтар**;
- 4) Составными наречиями — **дам ба дам, рӯз ба рӯз, рӯз то рӯз**.

Кроме того, сравнительное значение может выражаться:

1) С помощью деепричастия дида (прилагательное при этом может принимать и не принимать *-тар*); 2) с помощью предлогов нисбат ба, назар ба (*с -тар и без -тар*); 3) с помощью наречия нисбатан (*с прилагательным в положительной или (сравнительной степени)*).

Превосходная степень прилагательных обозначает высшую степень качества в каком-либо предмете по сравнению с другим. Она образуется с помощью суффиксов *-er, -est* (в английском языке), *-тарин* (в таджикском языке), которые присоединяются к основе положительной степени, а также сочетаниями прилагательного со словами «более», «самый» и приставок *наи, пре-* (в русском языке); оборота «*аз ҳа-, ма*» (в таджикском языке); Этот

талантливейший толстяк очень смешон (ГС, 266). *Для нее теперь это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминание в жизни (АЧ, IV, 47). Шавҳараширо хушбахттарин йигити ин музофот буд гӯем,-боз кам (Ф. М, 49). «Назвать ее мужа самым счастливым парнем этого края, и то было бы мало». Вай аз ҳама зӯр буд (СШ, 1977, 7, 66). «Он был всех сильнее».*

Для разговорного таджикского языка характерна также,— как пишет Б. Камолиддинов, — изафетная связь между частями определения (гандаи ганда, борики борик, ширини ширин). Такие определения близки по значению к превосходной степени и могут иногда заменять их: *хари лаванди лаванд — хари аз ҳама лаванд.*

3.4. 2 Выражение категории числа в глаголе

При субъекте, выраженном сочетанием числительного с зависящим от него родительным падежом существительного, предикат употребляется то в единственном числе, то во множественном. Четкого разграничения в использовании форм единственного и множественного числа нет, но тем не менее в работах по синтаксису современного английского языка отмечаются тенденции употребления той или иной формы в зависимости от условий.

1) Так, единственное число обычно употребляется, если названные в субъекте предметы воспринимаются как нечто целое: **Прошло еще 716 дней, прежде чем я смог соединиться с семьей (ЛГ, 1977, 10, 19, 15). 716 days has passed before I could join my family. Из репетующих Азовское море безвозвратно собирается 14 кубических километров воды — треть среднегодовалого годового СТОКА (Там же). From Azov Sea there gather 14 cube kilometers of water – the third of middle year of the current.**

Множественное число употребляется для подчеркивания самостоятельности, отдельности лиц и предметов: **Тот час же от колодца, который стоял у самого края села, отделились два мужика (АЧ,**

V, 130). **At that time or hour which was at the edge of the village, two men have departed.**

2) При субъекте, выраженном собирательными существительным с количественным значением «большинство», «множество», «ряд», «меньшинство» и т.д. и родительным падежом существительного, предикат употребляется обычно в единственном числе: **Через спальную непрерывно тянулся ряд лиц (АЧ, V, 143). Масса голов по-прежнему двигается в однообразном ритме (ЛГ, 1977, 10, 19, 16).**

Множественное число употребляется чаще при названиях лиц: **Большинство арестованных, выстроенных длинными, тесными рядами, подпрыгивают на месте. (Там же). Множество людей широко раскрытыми глазами смотрели на чудовищную демонстрацию сил подавления. (Там же).**

3) При субъекте, выраженном сочетанием именительного падежа существительного с творительным с предлогом для обозначения совместности, обычно глагольный предикат употребляется во множественном числе: **Тут были старик губернатор с женой (АЧ, V, 19). Хозяин с гостем ели утячью похлебку (АЧ, X, 23). Дар он чо губернатори муйсафед бо завчааш буд. There were the governer with his wife.**

Согласование в числе глагольного предиката с субъектом, выраженным существительным, в таджикском языке

1) Если субъект в таджикском языке выражен одушевленным существительным в форме множественного числа, то предикат согласуется с ним в числе: **Бобоҳои мо, тоҷикон, дар замони қадим аз Балх омада дар кӯҳистон ҷойгир шуда буданд (СУ, 132). Our grandfathers in acient times come from Balkh and localed or in babited in mauntains. «В древние времена наши деды, таджики, пришли в горы из Балха и поселились здесь»; Аммо духтурон ба ҳолаш намонданд (СИ, 1977, 115). «Однако врачи не оставили его в покое». However, doctors didn't live him alone.**

При субъекте, выраженном личным существительным в форме

единственного числа, может употребляться предикат во множественном числе для подчеркивания уважения к тому или иному лицу:

– *Рафиқ Зиёев фақат-саломатанд?* (СШ, 1977, 8, 57). «*Товариш Зиёев живы-здоровы?*» *Ва бар боми маҷора, ки дар Машиҳад аст, ҳучраҳо сохтаанд меҳмонро, ки он ҳо расанд* (НХ, 40). *Comrade Ziyoev, how do you live? In the roof of tower which is locater in Mashhad have been built rooms for guests.* «И на крыше мечети, которая находится на святом месте, построили кельи для гостей, которые прибудут». Существительное «*меҳмон*» («*гость*») употреблено в предложении в собирательном значении и передается на русский язык формой множественного числа «*гости*».

2) Если субъект выражен абстрактным существительным во множественном числе, то предикат стоит чаще в форме единственного числа:

Ҳама гамҳои ҷаҳон ҳеч асар менакунад
Дар ман, азбаски ба дидори азизат шодам!
(С, 360).

Ин андешаҳо ва мулоҳизаҳо сабр ва шикебоии Биби оишаро ба бод медод (СА, 1, 202).

Может употребляться и в форме множественного числа: *Дар инҳо беҳтарин матлабҳо, орзую ҳавасҳо ва хислатҳои замони мо ва халқӣ қаҳрамони мо ифода ёфтаанд* (АД, Ш84). *There are the best dreams and attitudes of our time and our national herous reflected in it.* *Акнун хаёлҳои таърихи аз назари ман монанди торикии шаб ба дурҳо рафта буданд* (С., V, 120). *Now my dreams have been gone like dark time of the night.*

3) Если субъект в таджикском языке выражен вещественным существительным во множественном числе, то предикат чаще употребляется в единственном числе и реже во множественном: *Гуштҳои бадан пора-пора шуда меафтад.* *Хунҳо ва гӯштҳо ба ҳар тараф пароканда*

мешуд (СА, V, 237). Эҳтиёт кун, ки хокҳои аз лабишон баромадаҳо-хошуда намонад (СА, II, 28). The meat of the body has been divided. Bloods and meats have been spread to all sides. Be careful, the soils coming out from their lips are dye.

Если субъект выражен однородными вещественными существительными, то предикат может употребляться во множественном числе: *Аз он ҷойҳо қалъагӣ, рӯҳ, маргимуш ва маъданҳои пурқимат ва рангҳои камёб мебароянд (СА, V, 125). From that place the medicine and expensive materials came out.*

4) Среди собирательных существительных, выступающих в предложении в роли субъекта, в таджикском языке можно выделить три группы:

1) субъект выражен собирательными существительными *мардум*-*реорле*, *халқ* ва *лашкар*-*арму*:

2) группу собирательных существительных (кроме людей) из группы неодушевлённых собирательных существительных.

В первую группу входят существительные типа *мардум*, *халқ*, *лашкар*, *бригада*, отряд и другие.

Если субъект выражен собирательным существительным «*мардум*», то предикат употребляется чаще в форме множественного числа и реже в форме единственного числа: *Мардуми қаръа ба иллоти чоҳе, ки дошт, ба нияташ мекашиданд ва азияташро маслиҳат намедиданд (С, 113). Мардум муштоқи дастӣ ношустаи ту буданд «ми»? (СШ, 1977, 7, 49). The people of the village have planned and make advice jointly. Do the people waiting for you unwashed hands.*

Употребление с этим существительным суффикса множественности требует постановки предиката в форме множественного числа: *Мардумони мо ҳам аз ҷон сулхро мепарваранд!(МТ, 182). Our people also were waiting for the peace as well.*

В форме единственного числа: *Мардуми бечора ҳеч набошиад барои кишти тирамоҳӣ об мегирад (СШ, 1970, 10, 29). Мардуми Мексика ба галабаи командаи худ бовариӣ калон дорад (КТ, 1970, 5, 31). The poor people get water for the spring cultivation. The people of Mexica believed to his victory.*

Употребление предиката в единственном числе при субъекте, выраженном существительным «мардум», редкое явление. Некоторые лингвисты высказывают предположение, что это сравнительно новое явление в современном таджикском языке. Гипотеза эта весьма вероятна. Возможно, что со временем употребление предиката в форме единственного числа при субъекте «мардум» будет более распространено (по аналогии с собирательным существительным «халқ»).

Если субъект выражен собирательным существительным «халқ» («народ»), то предикат может употребляться в форме единственного и множественного числа, причем в языке классической прозы чаще в форме множественного числа: *Ҳама халқ маро дар сад ҷой маломат мекунад, ин гулом аз ман сахитар аст (х, 44). Он чунон ки шунида, халқе бар ӯ ба таассуб гирд омаданд ва тақвият карданд, подшоҳӣ ёфт (С, 57). Халқи Чин аз болои ҳисор баромаданд ва назорат мекарданд (Самак, 45). All people complain that this slaver is stronger than me. As you have heard, the people who believed to him became the king. The people of the China observed from the upper side of the palace.*

В современном таджикском языке также встречаются случаи употребления предиката при субъекте, выраженном существительным «халқ», в единственном и во множественном числе: *Халқи совети бо роҳи сохтмони коммунизм бо қадамҳои матину дилпурона равонаст (ММ, 1974, 106, 17). халқ фотиҳа хонда баргаишанд (АД, Ш, 66),*

Если субъект выражен собирательным существительным «лашкар» («войско»), то предикат в языке таджикской классической прозы мог

стоять в форме множественного числа: *Лаишкар фуруд меомаданд ва хаймаву хиргоҳ мезаданд ва чоргоҳ аз барои шоҳзода барнои мекарданд* (Самак, 25). *чуйлашкар аз ҳар ду тараф рӯй дарҳам оварданд, аввал касе, ки ба майдон даромад, ин писар буд* (С, 51). *The army came down and put their anchor and prepared place for the kingman. The army came to the square and the first one was a son.*

И в форме единственного числа: *Чун лаишкарбар ончо расид, Хуршедшоҳу Фаррухруз сари кӯча фурд гирифта буданд.* (Самак, 1,10). *As the army envoy went there, Khurshedshoh and Farrukhruz got place in the street.*

В современном таджикском языке употребительна форма единственного числа: *Лаишкари Искандари овозадор Гаиша буд аз зарбаи тӯ бемадор* (АД, 1,228). *The army of prominent Iskandar was in akward position from your beat.*

Если субъект выражен собирательным существительным «аҳолӣ» («население») population, то предикат может употребляться и в форме множественного числа: *Аҳолӣ ба ин ҳама зулм ва ноҳаққори ҳото бовари карда натавониста, се соли дигар исён карданд ва қалъаи Чурзакро мустаҳкам намуда ба худ паногоҳ сохтанд* (СА, 1,283). *Аҳолии ин тарафҳо кайҳо боз ин навъ қатли гунаҳкоронро надида буданд* (СУ, 227). *The population couldn't believe to the cruelty and strike and took their place the Churkuzar palace. The population of these areas haven't seen this type of killing of the innocent people.*

Если субъект выражен собирательным существительным в форме множественного числа «молҳо» («скот», «вещи»), то предикат может быть в форме единственного и множественного числа: *Ва дар қадаҳи шароби шоҳзода ва Фаррухрӯз неҳ, то бихӯранд ва ҳалок шаванд ва молҳоморо бимонад* (Самак, 43). *In the cups of the kingman and Farrukhruz pour the wine in order they drink and die. — Кани хез, инчунин ба молҳо об дех, ҳаво гарм, ташна мондагистанд* (СШ, 1970, II, 55).— *Stand up, give*

water to the cattle, they are having thirsty.

Если субъект выражен собирательным существительным «хайвонот» («животные»), то предикат стоит в форме множественного числа: *Ин ҳайвонот бо ҳам бозӣ мекунанд, ба болои ҳамдигар савор мешаванд, гардани якдигарро мехоянд ва гоҳо аз даруни хасрӯбаҳо хӯрокворӣ ёфта мехӯранд, дар болои хурок бо якдигар талош мекунанд (СА, V, 31). These animals are still playing, keep each other by their necks and try for the food as well. Ҳайвоноти маҳалли бошад дар қатори соҳибони худ тамоман талаф гардида буданд(СА, V, 115). The domestic animal were eating grass around their masters.*

И третью группу собирательных существительных составляют неодушевленные собирательные существительные, с которыми предикат обычно употребляется в единственном числе: *Куллиёт асосан аз рӯи охири маҷмӯаҳо, кӣ дар вақти ҳаёт будани шоир чоп ва бо қалами худи ӯ тахрир шудаанд, тартиб ёфтааст (АД, I, 5). Маснавиёте, ки дар муқобилаи «Хамса»-и Низомӣ вуқӯъ ёфта, ба сӣ ҳазор наздик ва ҳамоно, ки ба он забон беш аз вай касе нагуфтааст ва гаҳари назм насуфта... (X, 110).*

5) Если субъект выражен неодушевленным конкретным существительным во множественном числе, то предикат чаще не совпадает с ним в числе: *Аз ин шаҳр то Рамла се фарсанг буд ва ҳама роҳ дарахтон буд, чунон ки зикр карда шуд (НХ, 24). Дар миёни масҷиди одина ҳавзҳои бузург аст, кӣ чун пур об бошад, ҳар кӣ хоҳад, баргирад (НХ, 24); Ҳамаи ин ҳодисаҳо дар як дақиқа ва чунон ба зуди воқеъ шуд, ки..... (СА, I, 228).*

В современном таджикском языке наблюдается тенденция к согласованию предиката с неодушевленным субъектом во множественном числе. Некоторые лингвисты объясняют это явление заимствованием из русского языка, что не может не вызывать

возражения. Говорить здесь о заимствовании из русского языка не совсем верно, так как явление соответствия в числе предиката и субъекта, стоявшего во множественном числе, встречалось в языке классической прозы и особенно поэзии: *Ва гуфтанд,-ки дар ин дарё зиёдат аз сесад ҷазира бошад ва аз он ҷазоир киштиҳо меоянд ва равган ба кашк меоваранд* (НХ, 70);

*Қатраҳо, к-аз дидаҳои абр берун омаданд,
Бе садаф бар рӯи сабза лӯълаи лоло шуданд.*
(АСТ, 68).

Более частое употребление согласования в числе предиката с неодушевленным субъектом, выраженным конкретными, абстрактными, вещественными, собирательными существительными во множественном числе не является случайным явлением в таджикском языке, и русский язык послужил в данном случае своего рода катализатором, усилителем явления, уже бывшего в таджикском языке.

Если в роли предиката выступает сочетание количественного числительного с существительным, то предикат может употребляться в форме единственного и в форме множественного числа. В форме единственного числа: *Чунончи ҳисоб мегурифтам, ки ҳазор ман нуқраолот дар он чо буд* (НХ, 35). *As I count and thousand kilo of the gold was in it. Дар ин сеансҳо ба ҷои 9 миллиону 744 ҳазор кас 10 миллиону 507 ҳазору 300 кас и ш т и р о к д о ш т* (ММ, 1977, 10, 25). *There were 9 million and 744 thousand people, and 10 million and 507 thousand 300 people in the senaces.*

Даже если субъект выражен одушевленным существительным, то предикат может выступать в форме единственного числа: *Гуфтанд, ки сӣ ҳазор савор буд, ки бад он чо расиданд* (НХ, 48). *It is said there were thirty thousand people and reached there as well as. Аз роҳи борике, ки аз ҷониби шарқ, аз тenna ба сӯи шаҳр сарозер мерафт, ду асп савор ме о м а д* (СШ, 1970, 7, 69). *From that thin road which covered the hill two people over horse were coming.*

Во множественном числе: *Ногоҳ аз як ҷониб се савор ошкоро шуданд (Ҷ.55). Sudeenly three people over horse were coming from one side. Дар онҷо 9275 нафар талабагон таҳсил мекарданд (ММ, 1977, 10, 25). There were 9257 schoolchildren there.*

Таким образом, глагольный предикат и субъект, выраженный именем существительным, в русском и таджикском языках обычно согласуются в числе. Нарушение согласования, которое иногда наблюдается, объясняется особенностями значения и особенностями форм слов, выступающих в сопоставляемых языках подлежащим.

Итак, отраженная в языке категория количества совмещает в себе представления определенного и неопределенного множества, которые могут быть выражены лексическими и грамматическими средствами. Определенное множество в английском языке выражается лексическими средствами; неопределенное множество как лексическим, так и грамматическим путем. Отличительной особенностью глагола является выражение идеи неопределенного множества, для чего используются как грамматические, так и лексические средства. Грамматический способ передачи идеи количества в глаголе имеет опосредованный характер, в то время как лексический способ передачи идеи количества в глаголе имеет опосредованный характер, в то время как лексический способ испытывает влияние категориального значения процессуальности, присущего английскому глаголу.

Наиболее формализованным, а потому и наименее конкретным способом передачи значения неопределенного множества в языке выступает грамматическая категория числа. Существительность этой категории реализуется в оппозиции «**один-больше, чем один**», где первая форма характеризуется значением единичности, вторая значением неопределенного множества. Следует, однако, отметить, что у глагола грамматическая форма числа выражает не количество действия, как это должно быть в соответствии с его категориальным значением, а лишь

отражает число участников действия представленное в грамматическом субъекте. Таким образом, грамматическая форма числа глагола носит опосредованный характер и дублирует количественное значение, представленное существительным или местоимением, что хорошо видно в русском языке: ты читаешь книгу. Он бежит по улице. В английском языке, за исключением одного случая (*He speaks French fluently*), такое дублирование отсутствует, и значение глагольного лица и числа полностью представляет местоимение или существительное. Различия в единственном и множественном числе глагола касаются объемной сущности процесса. Сфера охвата сужается в единственном числе, либо расширяется во множественном. Различие между единственным и множественным числом у глагола не носит характера конкретности в единственном числе и абстрактности во множественном.

Однако, несмотря на опосредованный характер грамматической категории глагольного числа, нумерующей фактически число исполнителей действия, все же глагол обладает такими лексическими и грамматическими характеристиками, которые дают ему возможность выражать количественные представления о самом действии. Так, например, оппозиция предельных и непредельных глаголов в английском языке позволяет представить, с одной стороны, действие, ограниченное в своей протяженности пространственно-временными рамками, с другой, не имеющее ограничений его протекания (**to bring-to carry, to escape-to run, to come-to go**). Идею ограничения действия или, напротив, его протяженности способны дифференцировать и видовые формы английского глагола. (**have done-have been doing**), однако количественные отношения в этом случае опять носят опосредованный, подчинённый значению вида характер.

И, наконец, значения числа в английском глаголе может быть выражено лексическим способом, однако, в отличие от существительного и прилагательного, глаголу не свойственна передача

значения определенного множества. Исключения составляют лишь такие конверсивы, как «**to double, to couple**», позаимствовавшие идею определенного множества у соответствующих частей речи. В то же время лексическим путем глаголы способны передавать идею количества в более конкретной степени, чем это имеет место в категории числа, в оппозиции «предельность-непредельность» или через видовые формы. При этом глагол номинирует не само количество, а отражает динамику количественных отношений в сторону их увеличения или уменьшения. Соответственно выделяются две группы глаголов, показывающих изменение количества в сторону увеличения (**to add, to increase, to rise, to reach, to climb, to run, to jump, to maximize**) или уменьшения (**to reduce, to decrease, to cut, to decline, to fall, to drop**). Из приведенных примеров очевидно, что они обладают способностью градуировать количественную динамику, отмечая ее плавный рост или спад (**to increase-todecrease, torise-tofall**), либо резкие изменения в одну из сторон (**to jump-todrop, torun-tocut**). Такая способность глагола дифференцировать динамику количественных отношений вытекает из его категориально значения процессуальности, обуславливающего своеобразие отражения категории количества в глаголе.

3.5. 3 Категория числа в местоимениях

Местоимения занимают в языках особое место среди других частей речи, резко выделяясь в семантическом отношении. Наряду с постоянным общим значением отношения имеется изменчивое конкретное значение, раскрываемое в контексте.

Характерными чертами местоимений являются особенности в обозначении местоимениями конкретных предметов, качеств, количеств, т. е. по своим семантико-морфологическим признакам они соотносятся с существительными, прилагательными и числительными. По соотносительности с данными частями речи в английском и таджикском языках выделяются следующие группы местоимений:

а) местоимения, соотносимые с существительными — обобщенно-предметные (*ҷонишинҳои предметӣ*);

б) местоимения, соотносимые с прилагательными — обобщенно-качественные (*ҷонишинҳои сифатӣ*);

в) местоимения, соотносимые с числительными — обобщенно-количественные (*ҷонишинҳои миқдорӣ*).

По своему значению, а также по синтаксической роли все местоимения в основных работах по грамматике русского и таджикского языков делятся на семь разрядов. В английском языке, в отличие от таджикского, различают еще разряд притяжательных местоимений.

Как мы уже отмечали, основным семантическим признаком местоимения является общее и изменчивое конкретное значение, раскрываемое в контексте. Эта особенность повлияла и на категорию числа.

Грамматическая категория числа имеет в местоимениях другое содержание, не похожее на то, какое она имеет в именах существительных.

Рассмотрим выражение количественного значения в различных разрядах местоимений русского и таджикского языков.

Личные местоимения

Личные местоимения не имеют грамматической категории числа, так как формы *я и мы, ты и вы, он* — они имеют разные номинативные значения («мы» обозначает не «много я», а «я и еще кто-то», «вы» обозначает не «много ты», а «ты и еще кто-то», «они» обозначает «он (она) и еще кто-то»).

Местоимение 1 л. единственного числа я (ман) указывает на лицо говорящего: — Да-с, только перемучавшись, как я перемучался, только благодаря этому я понял, где корень всего, *понял, что* должно быть и потому увидел весь ужас того, что есть (ЛТ, 462); — *Ин хокистарро чи кор мекунад?*— *ман аз Кори нурсидам (СА, IV, 62)* «—Что вы собираетесь

делать с этой золой?-спросил я Кори».

Что касается таджикского языка, то личные местоимения 1 и 2 л. единственного и множественного числа в таджикском литературном языке унаследованы от древних иранских языков, причем восходят они не к именительному падежу, как можно было бы ожидать, а к родительному: man «я» ср.)—;п. man, др.—п. mana «мой»; tu «ты» ср. п. tu (в более ранний период to), ав. tava «твой»; to «мы» ср.—п. ta, др.

Местоимение 2 лица единственного *числа ты (tu)* указывает на лицо, к которому обращена речь: *Ой-ой, право, поговорил бы ты с отцом* (АЧ, VMI, 425)-*It would be veru good if you speak with your father; —Ту хизматгор дори, падар дори, бародарон дори* (СА, IV, 50). «—У тебя есть слуги, отец, братья». *Do you have servout.*

Следует отметить, что в таджикском языке имелись местоименные слова, которые могли употребляться в значении личных местоимений 1, 3 л. (*Банда, камина, чаноб и др.*). Обычно они употреблялись при обращении к уважаемым лицам, старшим, для выражения скромности говорящего и были особенно характерны придворной лексике

Гӯянд банда Чомӣ, к-ин равза сохт, ё раб,

Ҳамвора аз Худо пур в-аз худ тухӣ нишинад.

(Ҷ, 14).

банда Чомӣ — ваш покорный слуга Джами. *Your mast humble servant.*

– *Хузури пайвастаи камина дар рикоби оӣ айши баъзе аз арбоби сиёсатро халалдор мекунад гуфта, банда ҳамеша худро аз чаноби оӣ дуртар медорам* (СШ, 1970, 10, 23) «Боясь, что постоянное присутствие вашего покорного слуги (меня) среди свиты не понравится некоторым из господ, я (ваш покорный слуга) стараюсь держаться подальше от его превосходительства».

В современном таджикском языке слова такого типа встречаются в сатирических произведениях:

*Тамаллуқ хуца назди ӯ саропо об мешорад,
Ба ҳар гап «марҳамат!», «рахмат!», «камина»,
«банда» меборад.
(МЛ, 603).*

Иногда в значении местоимения **я** (*ман*) в научной, деловой, публицистической речи и в языке художественной литературы на русском и таджикском языках может употребляться местоимение **мы** (*мо*) авторское: *Мо ин чо ақидаҳоеро, ки Айнӣ дар охири солҳои бист дар бораи ҷиғунагии хусусиятҳои асосии забони адабии имрӯзаи тоҷик дошт, зикр кардаем (Ш, 11) Here we talked about Ainies points of views regarding the peculiarities of tajik literary language at the end of twentieth years. «Здесь мы говорили о взглядах Аини на основные особенности таджикского литературного языка в конце двадцатых годов».*

Встречается употребление местоимения **мы** (*мо*) вместо **я** (*ман*) для подчеркивания значительности говорящего: — *Коли дорого, не бери. — Мы, купец, не неволим (АЧ, VI, 377); — Яъне, ки масалан, шумо, хонум, ҳам аз мо аллақай рӯй гардондед? (ҲС, 194).*

В литературе можно обнаружить также употребление сочетания в значении местоимения 1 л. ед. ч. я; Мое превосходительство ведут на улицу, сажают на извозчика и везут (АЧ, VI, 313). После двухчасовой езды мое превосходительство ведут в нижний этаж дачи и помещают его в небольшой, очень веселенькой комнатке с голубыми обоями (Там же).

Местоимения **мы** (*мо*)» **вы** (*шумо*) не являются формами множественного числа местоимений **я** (*ман*) и **ты** (*ту*), так как они указывают не на несколько или многих **я** (*ман*) и **ты** (*ту*), а на лицо говорящего совместно с другим лицом или лицами (**мы**–*мо*), или на лицо собеседника совместно с другим лицом или лицами (**вы**!–*шумо*): — Мы на этом свете жулики, думаю, а вы на том свете будете суслики (АЧ, VIII, 430); *Мо ба зинаҳои сершумор ва печутобдори бинои се ошённа қадам монда то бом баромадем (АД, III, 125). «По многочисленным винтообразным*

лестницам трехэтажного здания мы поднялись на чердак».

Местоимение вы (шумо) может употребляться вместо *ты* (х) при официальном вежливом обращении к одному лицу

Очень и чрезвычайно вам благодарен, Григорий Иванович (АЧ, VI, 131); *Қорӣ амак, шумо ачаб одами нобовар лебошед (СА, IV, 21) «Уж больно вы подозрительны, дядюшка Кори».*

В таджикском языке встречается интересное явление, когда местоимения 1 л. и 2 л. множественного числа, которые, казалось бы, сами своей семантикой обозначают множество лиц, могут получать суффиксы множественности *-ҳо (-ён)*²; *Сабабаш он аст, ки моҳо аҳамияти ҳаётии сохтхмонҳои обҷери мамлакати худро чуқуртар насанҷидаем* (АД, III, 218) «Причина в том, что мы не поняли всей практической значимости ирригационного строительства в своей стране»; — *Бисёр нағз, акнун моён ба подшоҳ хабар медиҳем, ки моён духтараширо ёфтем, агар ба моён тобеъ шавад ва тамоми чорвоширо бо бонандагон диҳад, духтараширо медиҳем* (Фольклор, 232) «—Очень хорошо, теперь мы известим царя о том, что мы нашли его дочь и если покорится нам и отдаст весь свой скот вместе с пастухами, то мы отдаем ему дочь»; *Шумоҳо иқроред ё мункир?* (СА, IV, 87) «Вы признаете или отвергаете?»; *Эй, одамон, ман девро куштаам, ҳамаи шумоёнро озод кардам* (Фольклор, 210). «Эй, люди, я убил дива и освободил всех вас».

Местоимения *моҳо (-ён)* *шумоҳо (-ён)* в данных предложениях выполняют выделительную функцию и употребляются с целью подчеркивания, выделения группы лиц из множества.

Причиной употребления показателей множественного числа местоимением шумо (вы), можно полагать, во-первых, частое употребление шумо в вежливой форме вместо местоимения единственного числа *ту (ты)*, когда шумо потеряло значение множества. Поэтому форма *шумоҳо (-ён)* употребляется, видимо, для отличия от

множественного числа вежливой формы шумо.

Во-вторых, как известно, морфологическими показателями множественного числа в таджикском языке являются суффиксы *-xo*, *он*. Поэтому с целью подчеркивания множества и употребляются формы шумохо (*-ён*), *моxo* (*-ён*). Причем не исключено, что форма *моxo* (*-ён*) появилась по аналогии с формой *шумоxo* (*-ён*).

Местоимения 3 л. *он, она, оно, они* (*ӯ, вай, онxo, вайxo, онон, инxo*) указывают на *лицо* (*лица*) или предмет (предметы), известные или названные ранее: Она была худенькая, слабая, бледная, с тонкими, нежными чертами, смуглая от работы на воздухе (АЧ, VI, 29). Рассказы им нравились. Они вздыхали, вздрагивали и бледнели то от восторга, то от страха, а бабушку, которая рассказывала интереснее всех, они слушали не дыша, боясь пошевелинуться (АЧ, VII, 217).

В древних иранских языках, как известно, не было специальных личных местоимений 3 л. В этой функции использовались различного рода указательные местоимения. В древнеперсидском языке это были обычно *hauv* «*тот*» или *ava* «*тот*» (с соответствующими падежными окончаниями. В среднеперсидском языке местоимение 3 л. в единственном числе было представлено в виде *ou*, *o* из др. п. **avahya**, ав. **алаве** (род. п. ед. ч. местоимения **ava** «*тот*»), во множественном числе — **osan**. В языке классического периода мы имеем два личных местоимения 3 л. единственного числа *o* и *vau*, которые оба возводятся исследователями к древнеперсидскому **avahya** (ав. *avahie*). Эти местоимения сохранились и в современном таджикском языке в виде *ӯ* и *vau* (в современной графике на русской основе *ӯ* и *вай*), причем здесь они разошлись в семантике: за *ӯ* закрепилось только значение личного местоимения 3 л. «*он*», «*она*», «*оно*», в то время как *vau* имеет двойную функцию — указательного местоимения «*тот*» «*оно*».

Если местоимение *вай* употребляется для обозначения одушевленного и неодушевленного предмета, то *ӯ* обозначает

одушевленный предмет: *Агар ногаҳонӣ пуле ба дастам афтод ҳам, вайрон ба хонаам бурда наместонам (СА, IV, 4)*. «Если даже случайно деньги попадают в руки, я их не отношу домой»; *Ба ин гуна одам наздик нашавед, ки аз вай тухмат мебарояд. (СА, IV, 41)*. «Не будьте близки с таким человеком, а то он оклеветает вас»; *Алҳол ӯ на танҳо табассум мекард, балки дар зери лаб механдид (СА, IV, 40)* «А теперь он не то что улыбался, а даже тихонько смеялся».

Часто в таджикском языке вместо местоимений *ӯ*, *вай* (он, она) могут употребляться сочетания *ин кас*, *он кас*. Эта вежливая форма передается на русский язык местоимением *они* (вежливая форма местоимений *он*, *она*).

— *Он кас бевақт меоянд, гоҳото нимаи шаб ба хонаҳои ошноҳояшон мегарданд, — ин ҳам овози ҳамон зан буд.*

— *Агар баъд аз хуфтан ё ки дертар аз он оям, он касро дида метавонам? — ман пурсидам (СА, IV, 38).*

— Они приходят очень поздно, иногда остаются у своих друзей до полуночи, — это был голос той женщины.

— А если я приду в полночь или даже позже, смогу я их увидеть? — спросил я.

В языке классической таджикской литературы для обозначения 3 л. множественного числа употреблялось слово *эшон*; *Ҳарчи аз эшон дар назарам нарасанд омад, аз он парҳез кардам (С., 78)* «Старался не повторять всего того, что мне в них не нравилось»; — *Маслиҳат ин аст, ки эшонро банд фармой ва бо фатҳнома пеши Армандшоҳ фирист (Самак, 227)* «Совет таков: прикажи связать их и пошли с вестью о победе к Армандшаху».

В сопоставляемых языках широко употребительны конструкции типа *мы с тобой (мову ту)*, *мы с вами (мову шумо - me and you)* и др. при обозначении двух лиц: — Надо бы нам с тобой поговорить серьезно,

Николай Степаныч (АЧ, VI, 300). «Погрешили, говорю, мы с тобой и будет, пора совесть иметь и бога бояться» (АЧ, VI, 370).

Описывая конструкции такого типа в английском языке, А. М. Иорданский отмечает, что они пришли на смену старым формам двойственного числа личных местоимений 1, 2, 3 л.

Фразеологические сочетания такого типа в английском и таджикском языках представляют собой целостную семантико-грамматическую единицу и выступают как один член предложения. В таджикском языке они появились тоже давно и довольно распространены в современном языке (особенно в диалогической речи); — *Мо ва ту ҳоло аз сад як ҳиссаашро ҳам надидем (АД, III, 155)* «—Мы с тобой не видели еще сотой доли всего этого».

Возвратное местоимение

Возвратное местоимение (*русское «себя», таджикское «худ»*) указывает на отношение к действующему лицу (т. е. на производителя). В русском языке оно не имеет категории числа, но может относиться ко всем лицам как единственного, так и множественного числа: **Ему вдруг захотелось сказать «никогда», но он сдержал себя.** (АЧ, VIII, 10). **С заказчиками они держали себя как лукавые царедворцы** (АЧ, VIII, 131).

В грамматиках современного таджикского языка *местоимение «худ» называется возвратно-указательным местоимением (ҷонишини нафсӣ-таъкидӣ)*, так как наряду со значением возвратности, оно обладает и указательным значением. Например, употребляясь с существительными или с личными местоимениями, возвратно-указательное местоимение «худ» («себя») показывает, что...

а) **субъект совершил действие сам, без участия другого лица.**

В этом значении местоимение худ употребляется с притяжательными суффиксами и выступает в значении определительного местоимения «сам»: *Худааш ҳам аз таклифи кардааш пушаймон буд (АШ, 35)*. «Он и сам был не рад сделанному предложению». *Бой Восеъро бо*

аспҳо дар корвон-сарой ҷойгир карда, худ бо Ниёз ба ҳавлиш кадом як ошнояш рафт (СУ, 81) «Устроив Восе в караван-сараяе, бай сам отпратился с Ниязом к какому-то своему другу».

Употребляясь перед существительным или личным местоимением, местоимение худ получает изафет -и:—*Зарар надорад, авлоди Файзӣ-Авлиё он тараф истад, худи Файзӣ-Авлиё зинда шуда аз пеши роҳам барояд ҳам, ман «кал- лобалло» гуфта метавонам (СА, IV, 79) — «Ничего страшного, не то что потомки Файзи Святого, но если даже сам Файзи Святой воскреснет и преградит мне дорогу, я сумею сказать «калло-балло» (т. е. «посторонитесь—А. М.)»;* *Аз рӯи қавли худи ӯ дар вақти ҷавониаш ду бор дар ду бои шикастагӣ пулаш месӯхтагӣ барин шудааст... (СА, IV» 97) «По словам его самого, в молодости дважды были случаи, когда его деньги, находившиеся у двух разорившихся баев, должны были, казалось, пропасть...*

б) предмет указывает на место или время действия: *Дар худи ҳамин ҷо ба ин мақола нуқта гузоштан лозим буд (АШ, 62) «Именно на этом самом месте надо было закончить статью»;* *Дар худи арафаи иди бузурги май дар пойтахти республикаамон шаҳри Душанбе сохтмони стансияи нави электрикии аловӣ ба охир расид (АШ, 60) «В самый канун великого первомайского праздника в столице нашей республики городе Душанбе закончилось строительство новой тепловой электростанции;*

в) выражает принадлежность. В данном случае возвратно-указательное «худ» передается русским притяжательным местоимением «свой»; *Қори–Ишкамба аз сухани охирини сартарош кадре ба газаб омада ва сари худро аз зери дасти ӯ... ба қафокашид (СА, IV, 16). «Кори Ишкамба немного рассердился на последние слова парикмахера и высвободил свою голову из его рук»;* *Аввал бояд ту «сирри пинхони худ»-ро ба ман фахмонӣ, то ин ки ба ин кор ҳамроҳи карда тавоништан ё натавоништани худро ман пешаки мулоҳизакарда бинам (СА, IV, 50) «Сначала ты должен открыть свои сокровенные тайны, чтобы я смог*

заранее обдумать и решить-могу ли я принять участие в этом деле».

Употребление местоимения худ в притяжательном значении привлекает все большее внимание исследователей. Например, в работе М. Шукурова «*Ҳар суҳан ҷоеву ҳар нуқта мақоме дорад*» (Ирфон, 1969) на с. 43-44 автор выступает с критикой излишнего употребления «худ» в притяжательном значении.

1. Возвратно-указательное местоимение «худ» употребляется со всеми тремя лицами единственного и множественного числа: *Шарикон дар он маҷлис маблагӣ мазкурро сарф намуда барои худ ва меҳмонони худ зиёфати миёна ҳолонае тартиб доданд (СА, IV, 38)* «На эти деньги учащиеся смогли приготовить для себя и своих гостей угощение средней руки»; *Май дар ин ҷо аввал бояд дар болои худистода гузарам (СА, IX, 347)* «Здесь я должен рассказать о себе».

Употребляясь с энклитическими суффиксами первого, второго и третьего лица множественного числа, возвратное местоимение худ может получать суффикс множественного числа -ҳо: *Амимо, агар диққат карда бинед, набахудҳотон ва на ба мардум ҳеҷ фойда надоштани ин коратонро худ мефаҳмед (СА, VII, 361)* «Однако, если присмотритесь повнимательней, то поймете сами, что от этого нет пользы ни вам самим, ни другим»..

В языке поэзии вместо возвратного местоимения в таджикском худ иногда употребляется форма хеш;

*Орзуманди туям, бинмой руи хешро,
В-ар, на аз ҷонам бурун кун орзун хешро.
Хубруро хӯи бад лоиқ набошад ҷойи ман,
Ҳамчу рӯи хеш некӣ соз хон хешро.*

(X, 19).

*Аз шукуфта диёри тоҷикон,
Водию сарбаланд кӯҳистон*

Мефуристем ин таронаи хеш.

Ин паёми бародаронаи хеш!

(МТ, 198).

Вопросительные местоимения *кто?* (*ки?*) и *что?* (*чи?*) в русском и таджикском языках несколько отличаются друг от друга. Если в русском языке местоимение *кто?* относится к любому одушевленному предмету, то в таджикском языке *ки?* употребляется только по отношению к людям, а ко всем остальным одушевленным и неодушевленным предметам задается вопрос *чи?* (*что?*). Местоимений *кто?* имеет форму только единственного числа, но может обозначать и несколько лиц. В таком случае при нем возможно множественное число глагола и имени.

Вопросительные местоимения *ки?* *чи?* могут получать суффикс множественного числа *-хо* (*киҳо?* *чиҳо?*), когда вопрос относится ко многим лицам или предметам (с целью подчеркивания этого множества): — *Ин хо ки ҳобошад—а?* (СШ, 1976, 12, 68) «*Кто же это (эти люди?)*» — *Ин кооперативҳо дар заминҳои худ чиҳо мекоранд?* (АҚ, 151) «—*Что (какие культуры) выращивают на своих землях эти кооперативы?*».

Для определения количества лиц, предметов употребляются местоимения *сколько?* (*чанд?* *чӣ қадар?*): *А сколько податей?* (ЛТ, 211) — *Ту чанд пул дорӣ?* — «*Сколько у тебя денег?*»

Определительное местоимение *весь* имеет собирательное значение, оно указывает на совокупность явлений или на полноту охвата чего-либо: *Когда садилось солнце, Карл открывал окна и во всю грудь вбирал свежий воздух* (ГС, 7) *When the sun set down, Karl opened the window and breathed the fresh air. -Все бунтари, заговорщики, революционеры вся грязь человеческая нашла там прибежище* (ГС, 35). *All strikers, revolutionaries were kept there.*

Местоимения *всякий*, *каждый* указывают на какой-либо предмет, отдельно взятый из числа нескольких, многих: *Что-то было напряженное в моих отношениях с ним: я замечал всякое слово,*

выражение, сказанное мною и приписывал им важность (ЛТ, 498). *И не примирение: в душе у каждого та же злоба друг против друга с прибавкой еще раздражения за ту боль, которая сделана этой ссорой и которую всю каждый ставит за счет другого* (ЛТ, 497).

В таджикском языке к этой группе относятся местоимения:

а) *ҳар* (*ҳар як, ҳар кас, ҳар чиз, ҳар кӣ, ҳар чӣ*) – *всякий, каждый, всякий, кто, все что*. Обычно местоимение *ҳар* употребляется с другими словами: *Абдуллобой ҳар чизе кӣ меғуфт, ба ҷои қабул мекард ва ҳар чизеки меод, қаноат мекард* (АД, III, 7) «Он соглашался со всем, что говорил Абдуллобой и удовлетворялся всем, что тот ему давал»; *Бо вучуди ин ҳарсол ба миқдори зиёда аз хориҷа ҳар-хел нуриҳои мағдани оварда мешавад* (АҚ, 40) «В связи с этим каждый год ввозится в большом количестве всяких минеральных удобрений».

Местоимения «*ҳар як*», «*ҳар кадом*» (*каждый*) указывают на отдельный предмет, выражая единичность и обобщенность одновременно: *Ҳар яки онҳо аз шоир ёди неке мекунад* (СШ, 1976, 10, 53), «*Каждый из них поминает поэта добрым словом*».

Местоимения «*ҳар як*» (в русском языке «каждый», «всякий»), будучи отнесены к одному предмету, могут обозначать множество предметов, к которому относится этот предмет: *ҳар як ид* (каждый праздник, всякий праздник, любой праздник). Можно заменить: *ҳама* (*и*) *идҳо* («все праздники»).

б) *ҳама*— *весь, все*: *Ороиши хонро дарахте дидам чун дарахти турунҷ ва ҳама шоху баргу бори он аз шакар сохта ва андар ӯ ҳазор сурат ва тимсол сохта ҳама аз шакар* (НХ, 61) «Украшением стола было дерево, подобное грушевому, все ветви, листья и плоды которого сделаны из сахара и на нем тысяча рисунков тоже из сахара».

В значении местоимения «*ҳама*» может употребляться слово «*тамом*» в изафетной конструкции: *Ҳокими Чин тамоми аскарони савора*

ва пиёдаи худро чамъ карда, ба бог омад (Фольклор, 250) «Собрав всю свою конницу и пехоту, правитель Китая пришел в сад».

в) *Ҳар гуна, ҳама гуна (ҳархел, ҳар навъ, ҳамахел) — всякий, разнообразный: Газетаҳои туркию тоторӣ ба ҳазрати император душман мебошанд ва ҳар гуна хабарҳои дурӯзро сохтаю бофта паҳн мекунад (СА, IV, 215). «В турецких и татарских газетах пишут враги государя-императора и распространяют всякие сплетни и ложные сообщения».*

Современный литературный язык унаследовал от древних иранских языков три указательных местоимения: *in* «этот» (из кл. *in*, ср.-п. *en*, др.—ир.—*ena*), *on* «тот» (из кл. *an*, ср. I—п. *an*, *han*, ав. *ana*), *vaу* «тот» (из кл. *vaу* «тот», др.;—п. *avaуа* — род. п. от *ava* «тот»), а также созданные на их базе в классический период новообразования (с префиксом *ham-*) — *hamin* «именно этот», *hamon* «именно тот».

В отличие от указательных местоимений русского языка таджикские указательные местоимения не имеют формы множественного числа: *Дорогой в суд, проезжая по тем же улицам, на том же извозчике, Нехлюдов удивлялся сам на себя, до какой степени он нынче чувствовал себя совсем другим человеком (ЛТ, 121). И теперь ей было жаль всех этих людей, больно, и она, пока шла, все оглядывалась на избы (АЧ, VIII, 228); Лекин ин корҳо дар шахрҳо ва чунон-чи дар боло гуфташуд, дар ҷойҳои буд, ки дар онҳо Ҳукумати Совети нуфуз дошт (СА, I, 279) «Однако эти мероприятия, как было сказано выше, проводились там, где была советская власть».*

-Местоимения *ин*, *он*, *ҳамон* могут выполнять функцию личных местоимений и принимать во множественном числе суффиксы *-ҳо*, *-он*. *Ман ҳам яқин дорам, ки падарам инҳоро аз ин пеш надидааст (СА, IV, 86) «Я и сам совершенно уверен, что до сих пор отец их никогда не видел»; — Ҳамроҳ рафиқ ба шахр барои фурӯхтани ҳамин чизҳо равад, аз ҳамин ҳояк қисмаширо бекул, ба ҷои зиёфат бурда ба шумо диҳад (СА, IV, 124) «—Как*

поедет Хамро рафик в город продавать эти вещи, так завезет вам бесплатно часть их взамен угощения».

Как можно заметить, в таджикском языке в сочетаниях указательных местоимений с существительными множественного числа показатели множественности **-ҳо**, **-он** употребляются с существительными. Но когда указательные местоимения выполняют функцию личных местоимений, то принимают эти показатели на себя: *ҳамин одамон — ҳаминҳо, эти люди — они; ин чизҳо — инҳо, эти вещи — они.*

Неопределенные местоимения имеют в сопоставляемых языках значение приблизительного указания на лицо, предмет или признак. И кое-что они сыграли, какие-то песни без слов и сонатку Моцарта (ЛТ, 499). Я сказал, что позову кое-кого из моих знакомых, любителей музыки, послушать его (ЛТ, 500); *Ҳозир ҳам баъзе ҷойҳо сӯхта истодааст (СШ, 1973, 1, 12) «—И сейчас кое-какие места горят»; — Дар фалон сандуқча чил газ каман ҳаст (Фольклор, 211). «—В таком-то сундучке есть сорок метров веревки».*

Характерным для таджикского языка является выражение неопределенности с помощью морфемы-е. Такие конструкции существительных с показателем неопределенности -е передаются на русский язык неопределенными местоимениями или числительным «один», стоящим перед существительными: *Подшоҳе ба куштани бе гуноҳе фармон дод (С. 69) «(Какой-то) один царь приказал казнить (какого-то) невинного); Баногоҳ дар кӯча овози баланд садо дод. (СУ, 43). «Вдруг на улице появился какой-то шум».*

В функции неопределенного местоимения может выступать числительное *як*; *Дар байни Деҳ нав за Бойсун корвониёни мо ба як деҳисердолу дарахт фуромада дам гирифтанд (СУ, 80) «Наши путешественники спустились отдохнуть в какой-то кишлак между Денау и Бойсун.*

Субстантивированные неопределенные местоимения могут употребляться во множественном числе: *Баъзеҳо ба бемориҳои гузаранда дучор гардида шаванд, баъзеҳоро офтоби гарму сузони биёбони Арабистон аз по мегалтонд (АҚ, 50) «Некоторые заражались инфекционными заболеваниями, некоторых валило с ног палящее солнце пустыни Аравии».*

Притяжательное значение выражается в таджикском языке сочетанием существительного с личным местоимением (*мой внук — набераи ман; мои внуки — набераҳои ман*) или к определяемому слову присоединяется притяжательный суффикс соответствующего лица, и числа: — *Назар! Харҳоятро ба вай собот бар (СА, II, 29) «.—Назар! Отведи своих ослов под тот навес»; —Пахтаҳоятон аз об таъмин мешаванд? (АД, III, 152) «—Ваши хлопок снабжается водой?»*

Форма числа всех разрядов местоименных слов связана прежде всего с их семантикой.

Из всех английских местоимений только у двух слов - указательных местоимений **this** и **that** – наличие категории числа, при сохранении местоименности, не подлежит сомнению. Эти указательные местоимения самостоятельно отражают количественный признак предметов, обозначенных существительными; то есть, что форма одного или другого числа у них объясняется непосредственной соотнесенностью с указанием на один или несколько предметов:

To my mind, these two facts... introduce an element of doubt...

Если принять эту точку зрения, то следует предположить, что, например, в таком случае, как: **those things** – количественный признак предмета отражается в словосочетании дважды, а не один только раз, в форме существительного (что было бы, если б форма **those** объяснялась только синтаксической зависимостью местоимения).

В случае конструкции типа **those sort of thing** количественный признак обозначаемого отражается лишь один раз и именно в форме «синтаксически зависимого» местоимения. Случай же типа **those sort of**

things не совсем ясен, так как **those** может быть понятно либо как соотносящееся с *sort*, либо как связанное, несмотря на синтаксическое построение, прямо с **things**.

Indeed, I have always been interested in those sort of things.

Как и числовые структуры существительное, формы единственного и множественного числа рассматриваемых местоимений далеко не всегда объединяются в категории числа. Можно даже сказать, что они сравнительно редко объединяются категориально.

Из форм множественного числа в субстантивном употреблении форма **this**, как имеющая более общее содержание указательности

(ср. **That**) и более широко употребляемая, чаще, чем **these**, не является категориальным коррелятом «соответствующей» формы единственного числа.

Только **those** (но не **these**) употребляется в особых сочетаниях с постпозитивным атрибутивным членом – прилагательным или предложной конструкцией. Речь идет о случаях вроде: **those present, those in authority** и т.п., как в:

the more orderly procedure of those with time to spare.

(о людях, собирающихся на вокзале к поездке).

They were bewildered, lonely and sad, as are the eyes of those who are soon to die. (Такое **those** не коррелятивно **that**.)

Все эти формы совпадают при редукции, и общая редуцированная форма приближается по звучанию к определенному артиклю, а иногда, возможно, и полностью омофонична с ним, а также и омографична. Ср., например;

... he saw a vision... She stood in the doorway, this vision, a slim blonde girl with wind – swert hair.

И;

«We can't sid on this seat without some thing between us and the stone.» – «I couldn't be the something?»

Может быть это отчасти способствовало выработке употребления *that* в такой конструкции как:

That five minutes seemed interminable.

Рассматриваемые указательные местоимения в разных числовых формах являются категориальными коррелятами в атрибутивной функции при указании непосредственно на один или больше одного из считааемых предметов.

Они обладают категорией числа также в таких, например, случаях, как:

Those were depression years and there had been salary cuts.

That's the short of pie in which I should like to have a finger.

Instead of the expected figure, she seen that of the object of her ireful reflections...

The woollens, too, were different from those he grown accustomed to.

Неясно, следует ли считать, что форма *those* входит в состав категории числа так же и тогда, когда она не является коррелятом *that*, но соответствует во множественном значении единственному **he** в его обобщенном смысле, сохраняющем указательность. Ср.:

-He who talks to humorists should himself be humorous.

Those who live in glass houses should not throw stones.

Иногда ставится вопрос об **all, everybody, anybody, nobody**. Последние три слова, особенно *nobody*, встречаются в форме множественного числа; но речь идет не об этом, так как в таком случае мы имеем несомненную субстантивацию. Речь идет о том, что с указательными словами могут лексико – синтаксически сочетаться слова как в форме и со значением единичности, так и форме со значением множественности:

All was still. All was silent. Хама чиз ором буд. Хама хомуш буданд

It was saus.

Everyone took their places. Хар кас цои худро ишиол намуд.

Еще местоимения;

The said – gunner said it was probably some one testing his guns.

...get somebody who knows their job.

Don't you believe in winning at any cost? Nobody says they do, Dinny.

Ср.; LF the majority wants anything, let em have it.

И.; If anyone dares interfere with me I LL – I LL shoot them.

Разные числовые формы и значения у соотносимых с рассматриваемыми местоимениями слов не обнаруживают наличия категории числа.

У **all** эта разница обусловлена значениями либо отдельной собирательности, либо не только нераздельной, но обобщенной и отвлечённой целостности обозначаемого; в последнем случае, **all** как правило, служит для всеохватывающего обозначения такого положения, которое трудно как-нибудь назвать. Дело здесь, таким образом, не в сопоставимых количествах, образующих содержание категории числа, а в семантической разнице со значениями; каждое из них может иметь только один ряд числовых соотношений.

У **everybody**, **everyone** и др. числовая разница в соотношениях объясняется несколько иначе. Она зависит от трактовки обозначаемого либо как отдельного коллектива, отдельные члены в котором хотя и различаются, но действуют совокупно (ср. с такими «собирательными» существительными, как **family, crew, committee, board, assembly** и т.п.); либо же, в резком отличии от **all**, любого члена такого коллектива, то есть не как совокупной, а как «рассыпной» отдельности (ср. «все» и «каждый»). Наконец, лицо, на которое указывается, может быть неопределённым представителем неопределённой группы лиц, может быть и очень большой (всякий).

С той или иной трактовкой количественного признака у обозначаемого, отражаемой в числовых формах и значениях, соотношенных с **everybody** и т.п. слов, совершенно не связано фактическое

количество или изменения в количестве действительных лиц. Обычно, в случаях раздельного коллектива в целом или отдельного члена коллектива, лиц должно быть больше трех и обязательно больше двух; следовательно, «единичность» обозначаемого вообще исключается. В последнем же случае «единичность» имеет характер представительный и не соотносится с множественностью вследствие крайней неопределенности «представляемых».

К.Н. Качалова и Е.Е. Израилевич отмечают, что местоимения *much* и *many* употребляются как в качестве местоимений-прилагательных, так и местоимений-существительных.

Much и **many** в качестве местоимений-прилагательных употребляются со значением «много». **Much** употребляется перед неисчисляемыми существительными, *many* перед исчисляемыми;

I have much work to day to day.

Do you spend much time on your homework?

Has he many friends in Moscow?

Many people attended the meeting.

Much и **many** в качестве местоимений существительных употребляются со значением: *much* – *много*, значительная часть, *many* – *многие*. После *much* и *many* в этом случае часто употребляется предлог *of*:

Much of what you say is true.

Much of the work was done before dinner.

Many of the students of the third course will take part in this work. Что касается местоимений **little** и **few**, К.Н. Качалова отмечает, что они употребляются как в качестве местоимений – прилагательных, так и местоимений – существительное.

Little и **few** в качестве местоимений – прилагательных употребляются со значением «мало». **Little**, подобно **much** употребляется перед неисчисляемыми существительными, **few** подобно *many* перед исчисляемыми.

I have very little time.- Ман беҳад вақти кам дорам.

He has few friends. – Вай дӯсти камдорад.

Little в качестве местоимения – существительного употребляется со значением «*мало, немного*», а местоимение *few* со значением «*немногие*»:

Little has been said about it. – Писари хурд ба ӯ маълумот дод.

Many people were invited but few came. Одамон бисёр дохил шуданд, аммо кам рафтанд.

ГЛАВА IV

НУМЕРАТИВЫ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ

4.1. Система нумеративов в сопоставляемых языках

На уровне структурной организации категория нереальности в структуре ФСП количественности выражается языковыми средствами, относящимися к различным уровням языковой иерархии, главными из которых является лексический, грамматический, а также фразеологический, вследствие чего категория количественности модифицируется как межъязыковая и межуровневая категория.

На лексическом уровне, как было установлено в начале данной главы, одним из средств репрезентации категории нумеральности являются корневые и аффиксальные морфемы, сложные и сложнопроизводные числительные различной структурной модификации. Однако категория нереальности в структуре ФСП количественности признается межразрядной категорией, так как она ограничивается не только числительными, единицы, репрезентирующие ее, принадлежат к различным лексико-грамматическим разрядам слов. В каждой языковой системе выделяется группа слов, соотносящихся к разным частям речи и выступающих средствами номинации количественной нумеральности. В структуре слов различных лексико-грамматических разрядов актуализация семантики нумеральной количественности реализуется, прежде всего, средствами форм грамматической категории числа, а также лексических единиц разных лексико-грамматических разрядов. Выявление и анализ всевозможных средств выражения, типичных только для категории нумеративной количественности с учётом межуровневого характера её репрезентации, а также установление некоторых особенностей их взаимодействия становятся основными задачами данного раздела.

Категориальное понятие нумеральности получает свои средства выражения на различных уровнях языковой иерархии. При этом в исследуемой категории нумераторной количественности прослеживается тесная взаимосвязь и взаимопроникновение языковых уровней (лексического и грамматического) в реальной речевой деятельности. Значение нереальности входит в основные лексико-грамматические разряды слов. Уровни языковой иерархии при выявлении способов выражения анализируемого пласта лексики обнаруживают взаимную их соотнесенность и проникновение.

Выше отмечалось, что степень распределения нумеральной количественной лексики по частям речи различна. Как было рассмотрено выше, в системах обоих сравниваемых языков в иерархии семантической организации категории нумеральности на первом месте оказываются именные части речи, среди которых числительные являются основной категорией репрезентации, как на лексическом, грамматическом уровне, сущность которого была раскрыта в начале данной главы. Далее следуют существительные, наречия, глаголы и имена прилагательные. Однако следует отметить, что степень охвата языковым материалом того или другого лексико-грамматического разряда в сравниваемых языках не идентична как во внутриязыковом, так и в межъязыковом аспекте.

Исследователи отмечают, что одной из основных и важных особенностей формирования количественных отношений в языках является становление количественных отношений и языковых средств их репрезентации в языке. В этом отношении знаменательно происхождение числительных. По происхождению выделение числительных в особый лексико-грамматический разряд слов связано с постепенной конкретизацией и нивелированием количественных представлений, которые в конечном итоге сформировались в восприятии дискретного множества и полном абстрагировании от предмета счета количественных

абстракций- математических чисел [Панфилов,1977, 284-5]. Утверждение о том, что числительные расчленились из некогда единой категории наименования путем расщепления диффузных и нерасчлененных значений, раскрывает гносеологические основы появления числительных-постепенной кристаллизацией понятия количества из сферы предметных наименований и обособлением количественных наименований от них в самостоятельный лексико – грамматический класс. Однако, отходя от других частей речи, постепенно формируясь в лексико-грамматическую категорию числительных, категория количества не потеряла, а сохранила свои основные связи в сфере других частей речи. Эти связи выражаются в обозначении количественных отношений, проявляющихся во всех сферах и уровнях языка. Квантитативные языковые значения присущи единицам других уровней языка и передаются особыми языковыми средствами, образуя парадигматические отношения свойственные сферам нумеральности в структуре ФСП количества. В отличие от числительных общие значения, проявляемые категорией количества, в сфере других частей речи охватывают лексико-грамматическое понятийное значение предметности, признака и процессуальности. Название сферы проявления значения количественности не идентичны по импликации количественных отношений и различаются не только от числительных, но и в отношениях друг к другу в способах проявления и обозначения количественности, в характере представления степени охвата и интенсивности отражения обще категориальных признаков, свойственных семантической структуре функционально-семантического поля количества.

Особенности отражения семантики количества в сфере других частей речи, отличающие их от числительных, заключаются прежде всего во вторичности, производности общекатегориального значения количества в их семантике.

Входя в общие парадигматические отношения количественности, в целом они образуют периферию поля нумеральности в языке. Подобные отношения характерны для существительных, представляющих один из наиболее продуктивных разрядов слов с количественным значением, нумеративы, мезуративы, счетные слова соотносятся с числительными общим обозначением числа и количества, однако, отличаясь от числительных нерегулярностью соотнесения с натуральным рядом чисел, ограниченностью сферы употребления, комплементарностью отношений, сравните: *three-three pence, three score; score, fair* и др.

Периферийность порядковых числительных проявляется во вторичности номинативного обозначения числа, усложненности опорной системы, проявляющейся в расчлененности семантической структуры порядковых числительных исходного значения числа и вторичного признака: *якум, дююм.....*

Вторичность номинации количества в виде становления количественности как процесса, протекающего во времени, обозначения признака, соотнесенного с предметом, процессом или самим признаком, собственно выражается в глаголах, прилагательных, наречиях и других лексико-грамматических разрядах слов. Поэтому, объединяясь с числительными на основе общих семантических отношений, выражающихся в выделении в семантической структуре этих слов семантического признака количественности, существительные, прилагательные, глаголы, наречия отличаются от них спецификой способа и свойства обозначения количественности в парадигматических отношениях, местом занимаемым в иерархии нумеральных количественных семантических отношений. В названных единицах основной дифференциальный признак количественности пересекается с признаками других полей: квантитативности, атрибутивности, акциональности, субстанциональности и др.. Вторичность обозначения количественности обуславливает отношения периферийности в

иерархии выражения категории количества в семантической структуре данного ФСП.

Однако выделяемым средствам обозначения нумеральной количественности в сопоставляемых языках свойственно своеобразие передачи числовых значений. Наиболее близки к числительным в обозначении числа и количества существительные, характерной чертой которых является их принадлежность к единицам счетного значения. Они характеризуются функциональной идентичностью, сочетаемостью с дискретными значениями. Сравните: *два десятка яблок, писем- даххо мактуб, садхо талаба* и т.д. Другие разряды слов также выражают разнообразные количественные отношения специфическими средствами, отличающими их от других частей речи. На эти специфические особенности в частности, указывает Игнатьева Э.В., исследуя один из частных аспектов выражения количественных отношений грамматическими формами слов в системе именных частей речи [Игнатьева 1982]. В частности, она устанавливает, что, несмотря на общность противопоставления значения единичности// множественности для всех частей речи именной системы, морфолого-семантические средства выражения количественных отношений сами по себе могут быть однозначными [Игнатьева 1982,9]. При этом приобретение ими количественных значений зависит во многом от многих факторов, в том числе и социолингвистических.

Таким образом, периферию количественных отношений нумеральности в сопоставляемых языках составляют существительные, прилагательные, глаголы и наречия, в единицах которых основной дифференциальный признак количественности пересекается с признаками других полей: предметности, субстанциональности атрибутивности акциональности, процесса и т.д.

4.2. Структура микрополя нумеральности в сопоставляемых языках

Общим свойством неопределенных количеств является размытость передаваемых ими количественных значений. Свойство обозначения количественными словами одного или более одного возможного числового значения становится возможным разграничить на основе критерия числовых значений, качество, характеризующееся однозначностью, определяется как определенное, точное, конкретное *ten books—даҳ китоб*. Если количество, передающееся словом или словосочетанием, выражает более чем одно возможное числовое значение, оно называется неопределенным (*about ten books, at least ten books*).

Различие возможных числовых значений в неопределенном количестве обусловлено неколичественной оценкой, а актом количественной характеристикой, представленной объективным или субъективным отношением к наименованию количественности. Субъект на основе первичной оценки и собственного анализа вырабатывает вторичную количественную оценку. Ср *...he, hoped to free the army in about three months*.

Количественная оценка при этом может быть объективной или субъективной, так как в зависимости от контекста неопределенное количество может осознаться как «много» или «мало». Так, в выше приведенном предложении *...he, hoped to free of the army in about three months* сочетание *about three months* обозначает неопределённое, размытое время, которое может интерпретироваться несколькими числовыми значениями: а) *two days twenty months*; б) *three months* в) *three months five days* и др. Коннотация «много» или «мало» в подобных сочетаниях обуславливается объективными условиями протекания акта коммуникации, личным опытом воспринимающего количественную оценку, значением им общепринятых в данном обществе норм количественной характеристики и т.д. [Науменко,13]. Неопределённое

количество неоднородно по содержанию и способам репрезентации. Исследователи выделяют различные типы и виды выражения неопределенной количественности, анализируют функционирование различных средств и способов неопределенной количественности, устанавливают общие закономерности употребления слов различных частей речи в сочетаниях, составляющих неопределённое количество. [Швачко 1982; Науменко 1984 Чернюк, 1978; Акуленко 1989] и др.

Заканчивая краткую характеристику микрополя неопределенной количественности, в соответствии с целью диссертации в дальнейшем считаем необходимым останавливаться на характеристике структурно-семантических, лексико-грамматических и прагматических закономерностей микрополя определённой количественности в структуре ФСП количественности. В дальнейшем, отмечая ее как особое микрополе, в диссертации считается необходимым сопоставительной анализ микрополя нумеральности в английском и таджикском языках охарактеризовать в следующих аспектах: 1) структура категориальной семантики микрополя нумеральности; 2) компоненты, составляющие микрополе нумеральности в кругу обозначения определённой количественности; 3) иерархия взаимоотношений между ними в структуре нумеральных слов; 4) обозначение центра и периферии в микрополе нумеральности; 5) определение способов и средств их формирования в сопоставляемых языках; 6) разграничения категориальной, лексической и словообразовательной семантики нумеральности в английском и таджикском языках.

Нумеральность образует особое микрополе (поле второго ранга) в функционально-семантическом поле определенной количественности.

Микрополе нумеральности выделяется на основе семантического дифференциального признака квантитативности, распадающегося на более частные семантические признаки в зависимости от соотношения с другими семантическими признаками, сочитании с ними: «кратность»

(*ду зарбу ду, ду қадар ду*), «совместность» (*чор қарата, чуфт, трио, духура, дуцараёна*), «порядок следования» (*бояд дар хотир дошт, дюум, сонб, дар охир*) и др., характеризующегося динамизмом и доминантностью в ряду количественности.

Нумеральность имеет открытую структуру и постоянно пополняется единицами числового содержания-так было установлено исследователями числительного в разноструктурных языках. В то же время следует отметить, что категория нумеральности как языковая категория объединяет те средства языкового количества, которые могут быть соотнесены как с элементами натурального ряда чисел (т.е. числительными), так же со словами, содержащими количественную семантику квантитативности в системе существительных, наречий, глагола, местоимения и других лексико-грамматических разрядов слов. Языковые средства, составляющие нумеральность, объединяются спецификой системы словообразования и словоизменения. В той или иной степени средства языкового выражения нумеральности составляют определенное сходство, характеризуясь системностью. В отличие от количественного обозначения неопределенной количественности в микрополе нумеральности пополнение лексических единиц осуществляется в основном за счет словообразовательных возможностей (потенции) простых числительных: *чор чорум, чортоғӣ, чорраҳа* и др.

Выше отмечалось, что категориальное значения количественности реализуют разноярусные иерархически организованные средства. Однако реализация значения количественности осуществляется неодинаково, разные средства проявляют разную способность выражать количественную характеристику. Одни составляющие ФСП количественности выступают носителями общих числовых и димензиональных *сем (сем числа и величины)*, составляя центр поля. Другие семантические признаки репрезентируют только частную градацию признака количественности (тех же дифференциальных

семантических признаков числа и величины) составляя периферию поля количественности.

Парадигматическая организация микрополя нумеральности основывается на многообразии семантических оппозиций: конкретность, точность количества- неконкретность количества; дискретность- недискретность; единичность - двойственность; множественность;-краткость; совместность-порядковость; денумеративность – счетность - мезуративность; адъективность- процессуальность и др. Семантическая оппозиция признаков в лексико-грамматическом аспекте имплицуется в другой системе оппозиций: числительные-существительные-прилагательные-местоимения-глаголы-наречия, которые в способах импликации также подразделяется на центр и периферию. Семантические признаки количественности пересекаются с признаками категориальной семантики различных частей речи, проявляя самостоятельность в различных соотношениях.

Однако, в проявлении словообразовательных, семантических и грамматических признаков каждый из сопоставляемых языков проявляет свои особенности. Специфичность прежде всего касается разной степени меры охвата и проявления оппозиционных признаков, т.е тех признаков, которые различают две или более однородных единиц языка, выполняя семитологическую функцию в сопоставляемых языках [Ахманова 1966].

Как отмечалось выше, центр (ядро) поля нумеральности составляют количественные числительные, что связано с наибольшим соотношением значения количественных числительных с категориальным семантическим признаком поля нумеральности, с наличием в семантической структуре количественных числительных семантических признаков «точность», «конкретность количества // числа предметов», составляющих основу семантической организации нумеральности в сопоставляемых языках.

1. Семантическое пространство, объединяемое микрополем нумеральности, достаточно объемно и проявляется также в других, кроме выше перечисленных, семантических признаках, в частности, в кратности, совместности и порядковости, объектности и др.) Значение нумеральной количественности выступает общим, инвариантным и реализуется в целом ряде семантических признаков, образуя иерархические отношения в семантической структуре нумеральности. Она объединяет множество значений: величины, веса, вместимости, высоты, глубины, длины, интенсивности, объема, площади, роста, силы, скорости, яркости, имеющих общий семантический признак [Апресян 251-252].

Характерной особенностью семантических признаков нумеральности является то, что в указанных выше признаках сема нумеральности может быть осложнена семами неколичественного обозначения, включая в себя целый ряд сопутствующих категорий, которые в целом являются ядернообразующими для других лексико-семантических полей: пространства, времени, массы, размера, объёма, единичности, множественности, совокупности, лимитативности, кратности и т.д., реализующиеся в семантических компонентах величины, вместимости, высоты, глубины, длины, интенсивности, количества, площади, роста, силы, скорости, температуры, числа, ширины, яркости, а также все их семантические производные, включая все части речи. [Швачко 1981,10]. В то же время каждый из них входит в данный ряд благодаря реализации общего инвариантного признака нумеральности, актуализации значения нумеральности посредством опорных или сопутствующих сем. К примеру, порядковые числительные, имена существительные, прилагательные, глаголы, содержащие количественное значение, характеризуются синкретизмом, реализуя в своей семантической структуре не только семантические признаки количественной нумеральности, но и другие, *дуюм (второй)*

сочетает сему нумеральности, обозначенной в указании на точное число (*dy*) с качественной семой порядковости («занимающий второе место в ряду «следования»). Осложнена сема нумеральности может быть и другими семантическими признаками, так как представленность подобных сем в структуре слов нумеральной количественности достаточно широка.

Чтобы установить ядро и периферию в кругу слов нумеральной количественности, в исследованиях предприняты различные способы определения соотношения ядерного и периферийного признака в нумеральных словах, одним из которых является толкование значения слов, соотнесенных с понятием нумеральной количественности. При толковании значения слов применяются сегментация и дифференциация компонентов в семантической структуре количественной нумеральности посредством трансформации и заменой их другими словами, сочетаниями, торжественными по денотативному составу, отличающемуся по грамматической структуре [Аракин 20]. К примеру, нумератив *area* сегментируется посредством трансформации на семантические компоненты: *amount or degree of surface*. Затем составляющие семантические компоненты дифференцируются посредством их соотнесения с понятием общего и частного количества. Трансформация и сегментация определяют, что сема нумеральности в подобных количественных словах составляет не определяющую, а взаимосвязанную с другими семантическими признаками сему, исходя из чего, они относятся к периферии поля нумеральности. Применение трансформационного метода устанавливает, что к периферии поля нумеральности относятся: дробные, порядковые числительные, счетные существительное, а также прилагательные, наречия, глаголы, производные от числительных и счетных существительных и содержащие в своей семантической структуре семы количественности. Разграничивая подобным образом соотношение семантического ядра и периферии в

структуре количественной нумеральности, мы выявляем гипонимические отношения между составляющими и устанавливаем общую классификацию нумеральности в сопоставляемых языках. (См. Таблица 8).

Нумеральность как подраздел категория ФСП количественности находит свое языковое материальное выражение, специфичное для каждого из сопоставляемых языков. Общей для обоих языков является общая характеристика и структура нумеральности в языках. В то же время количество элементов и их соотношение, языковое поле, актуализирующее значение нумеральности в таджикском и английском языках, проявляют некоторые существенные отличия между языками. В этом связи важным является установление языковых средств актуализации опорных и сопутствующих сем нумеральности в сопоставляемых языках.

При определении способов репрезентации языковых средств нумеральности в сопоставляемых языках, выявляется, что понятие нумеральности получает свои средства выражения на различных уровнях языковой иерархии обоих языков. Наиболее значимыми из них являются морфемный, морфологический, лексический и синтаксический, а также фразеологический, вследствие чего нумеральность модифицирует как межъязыковая категория. При этом прослеживается тесная взаимосвязь и взаимопроникновение языковых уровней в реальной речевой деятельности. На этом основании нумеральность признается также и межразрядной

Таблица 8

категорией, хотя, как и при выражении общей категории количественности, нумеральность входит в основные лексико-грамматические разряды слов, составляя ядро лексико-грамматического выражения количественности. Исходя из этого, мы относим исследуемый нами пласт лексики к лексическому уровню.

На уровне структурной организации категория количественности выражается языковыми средствами, относящимися к различным уровням языковой иерархии.

На лексическом уровне она репрезентируется аффиксальными и корневыми морфемами, сложными и сложно производными словами. Все эти единицы принадлежат к различным лексико-грамматическим разрядам слов.

4.3. Классификация нумеральных существительных в сопоставляемых языках

В лингвистической литературе существительные, реализующие сему числа, определяется многобраными терминами: «*счетные существительные*» [Грамматика 1960], «*количественные слова*» [Виноградов 1972], «*определенно-количественные слова*» [Шахматов 1952], «*слова меры и веса*» [Филин 1966], «*нумеративы*», «*subs tantival quantifiers*» [Jespersen 1949], «*words of number and amount*» [Fowler 1957], «*guise-nouns*» [Little, Fowler, Coulson 1956] и др. В семантической структуре количественных существительных различие в терминах-названиях количественных существительных состоит в различных основах определения количественных отношений. В настоящей работе существительные, содержащие сему количественности, принято называть нумеративами или нумеральными существительными.

Учитывая многообразие семантических соотношений различных аспектов проявления количественных отношений в семантической структуре существительных, исследователи проявляют различный подход также к классификации существительных. Эта классификация отражена в работах Швачко С.А. [Швачко 1982, 31-32], Науменко Н.И. [Науменко 1984, 5-8], Игнатъевой Э.В. [Игнатъева 1982, 11-13], Чернюка Н.И. [Чернюк 1978], А.В.Воронцова [Воронцов 1990, 203-204], Джумаева А. [Джумаев 2004] и др. Приводимые в них типы классификации, конечно, различаются степенью охвата материала, лингвистической направленностью самой классификации.

Классификация, проводимая ниже, является попыткой обобщения классификаций существительных – нумеративов, предпринятых в исследованиях. В то же время в основе ее ставится конкретное свойство существительных, обозначающих количество как дифференциальный семантический признак.

Изучение субстантивных лексических единиц при выражении категориального понятия количественности во взаимной связи и обусловленности показывает, что количественные отношения в системе существительных многоаспектные и многоуровневые, выделяясь как особые единицы лексико-грамматической системы и иерархической организации структуры существительных, обозначаясь как лексическими, так и лексико-грамматическими средствами, при которых грамматические и лексические средства используются в синтезе, дополняя, усиливая или заменяя друг друга.

В целом следует указать двухуровневый аспект количественных отношений в системе существительных:

1. Категориально-грамматический уровень;
2. Лексико-семантический уровень.

Каждый уровень отличается особым способом обозначения количественности, связанным с отношением обозначаемого содержания с понятийной сигнификативной или денотативной соотносительностью значения слов или с общим, отвлеченным языковым значением, присущим ряду слов, объединенных единством грамматических форм (словоформ). Исходя из этого, категориально-грамматический уровень отражает обозначение количества как обобщённые грамматические средств, сюда относятся такие обобщённые грамматические значения, как оппозиции единичности // множественности, исчислимости // неисчислимости (*китоб-китобат, одам-одамият, суд-судя*) и другие проявляющиеся в категории числа (*единственное//множественное*), определенности // неопределенности (*китоб-китобе, одам-одаме*) и др.

Лексико-семантический уровень соотносится с лексическим значением, содержанием слов, отображающимся в представлении количества в семантике слова.

Разграничивая двухуровневый аспект выражения количества в системе существительных, мы не отрицаем тесную взаимосвязь

содержания количественности в языке с различными его уровнями. В то же время разграничение двухуровневой представленности значения количественности является фактом языковой действительности. Первый уровень проявляется в оппозициях, выделяемых в содержательной структуре грамматического значения, охватывающие как формальный, так и содержательный аспект количественности в системе существительных. Сравните *оху-охуе-охувон, одам-одаме-одамон* и др.

Основывается в целом на критериях обусловленности количественного значения в качестве ядра лексических единиц, тесной взаимосвязи и взаимопроникновения лексического и грамматического уровней, вхождения семантического признака количественности в основные лексико-грамматические разряды существительных, лексический уровень выражения количественности в системе существительных считается основным. Поэтому мы считаем, что в качестве ядра обозначения признака количественности в системе существительных выступают лексические единицы.

Как и в предыдущем разделе, в работе предпринимается классифицировать количественные существительные по способу словопроизводства. Каждый лексико-грамматический разряд количественных существительных распределяется по структурным типам: корневые, производные слова, сложные и сложнопроизводные слова. Корневые слова не имеют специальных маркеров количественности, так как это значения передается имплицитно. При изучении категории количественности в системе существительных этот способ представил большую трудность. Поэтому, подвергнув полной инвентаризации весь материал английского и таджикского языков, мы произвели билингвистическую селекцию единиц, обозначающих количественную характеристику в системе имен существительных.

Количественные отношения в лексико-семантической структуре существительных выражаются в виде конкретных семантических

признаков, с другой стороны, они обусловлены контекстным использованием, переосмыслением семантики существительного на основе метафоры и метонимии. Парадигматические отношения на семантическом уровне проявляются в аппозитивных отношениях точного //неточного, определённого//неопределённого, большого //малого количества, а также в частных соотношениях ряда или групп слов по дифференциальным семантическим признакам (*monosemy - gasemy, singularity-plurality, solibude-multitude, majolil-minority, bit-lot, macrosystem-microsystem, number-part, eternity- particle*).

Выражение семантической оппозиции точности//неточности, как известно, является одной из основных в содержательной структуре количества, точность//неточность количества становится также главной семантической оппозицией и в структуре количественных существительных, при этом она охватывает фактически все семантическое поле данных существительных.

Точное количество характеризуется однозначностью отображаемых им числовых значений, неточное количество отображает более чем однословное числовое значение, неконкретно, приблизительно.

Мезуративы-это существительные, которые употребляются с не-дискретными единицами при выражении предметности, объёма, веса отношений димензионального плана, составляют группу слов меры и веса.

В других случаях количественный семантический признак в семантике существительных проявляется в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с их лексико-грамматическим значением. Взаимосвязь мифологической формы, особенности проявления категориально-семантических отношений в содержательной структуре слова обуславливает способ проявления количественных отношений в существительном. Количественные отношения в семантике

существительного основываются на оппозиционных рядах, соотносящихся с признаками единичности и множественности (**monosemy-polysemy, singularity-plarality, solitude, mull – tude** - моносемия-полисемия, *танҳо - чамъ*); большого и малого количества (**majority-minority, bit-lot, macrosystem-microsystem, myriad-particle-** макросистем-микросистем, **мириад-**); статальности-партиитивности (**number-part, eternity-bit**), *якзана-дузана, чуз-кул*, великан-лилипут, громадина-малютка, целое-часть и др.

Кроме того следует обратить внимание на лексико-семантические группы существительных, выражающих значение количественности в контекстной актуализации, семантическую классификацию которых выявляет общность структурных типов, состоящих из нескольких структурных микротипов и микрогрупп.

В целом учет особенностей соотношения семантических признаков как категориально-грамматических, так и понятийно-семантических объективирует следующую классификацию существительных с количественными значениями:

1. конкретно-точное количество: англ.: *trio, dozen, etc.*; тадж: *литр/л, метр, грамм/г., центнер/ц.* И др.;
2. неопределенно-ограниченное количество: англ: *group cup spoon ful* и др., тадж: *саф, қатор, гуруҳ, сабад, канор* и др.;
3. неопределенно - большое количество: англ: *sea, mountain, rain, army, etc.*, тадж: *чаҳон, қабат-қабат* и др.;
4. неопределенно-малое количество: англ: *drop, atom, ounce, cbc*; тадж.; *чатра, луқма, порча* и др.

Содержание каждого из аспектов выражения количественности в структуре существительного передается разнообразными и в то же время взаимосвязанными средствами языка, являющимися единицами разных уровней языковой системы: грамматического, морфологического, лексического и др. Образуя систему функционально-семантического

поля количественности на основе общности функциональной семантики, каждый из которых характеризуется собственными индивидуальными особенностями, семантическим содержанием, особенно это различие проявляется между лексическими и грамматическими значениями, проблема которых нашла достаточного конкретное определение в языкознании с начала XX века.

Выделяемые общекатегориальные семантические типы количественных отношений в системе существительных охватывают фактически все количественные признаки, характерные для выражения количественных отношений в общей системе языка. Охватить с целью научного анализа все аспекты выражения количественных значений в системе существительного в пределах одного исследования нецелесообразно и невозможно ввиду огромного материала, представленного в обоих языках, в подтверждение широты представленности существительных с количественным значением свидетельствует хотя бы тот факт, что только с производными от некоторых числительных в каждом из сопоставляемых языков представлено множество слов: *two, twice, two headed, two-paged, two-seater* и др. - *даҳ марда, даҳ кадоки, даҳ руза, даҳ сола, даҳ ошён* и др. Учитывая также то, что целью настоящей главы является анализ количественных отношений нумеральности в сопоставляемых языках, мы ограничиваемся рассмотрением существительных, в семантической структуре которых количественные отношения предстают в наиболее близком к числительным понятийном и содержательном виде.

Как свидетельствует материал, указанная специфика обозначения количественных отношений в наибольшей степени представлена в семантической структуре существительных первой группы, а также частично в некоторых аспектуальных значениях количественных отношений в других семантических группах, в частности в третьей группе и других. В целом, в диссертации рассматриваются в

сопоставительном плане те существительные, которые служат для обозначения и выражения конкретного, точного количества и в аспекте обозначения количественных отношений наиболее близки к номинации количества числительными.

Семантическая идентичность существительных, наподобие пяток, десятков, пара, сотня и т.п. давало повод некоторым исследователям отнести их к числительным. Такого мнения придерживался академик А.А. Шахматов, который относил их к так называемым числительным «*совокупительным*», так как они называют количественные представления не само по себе, а в сочетании с существительными пара лошадей, пара сапог, сотня яиц, дюжина ложек, осьмушки табаку и т.п. [Шахматов. Синтаксис 1956, 91-93.]

Акуленко отмечает, что слова меры и веса-нумеральные слова, денумерантивы, производные от числительных и реализующие значения количества сопутствующими семами, семантически тяготеют к числительным. [Акуленко Кат]. Однако, приближаясь к числительным по способу характеристики общих признаков, функциональная нагрузка каждого из лексико-грамматических разрядов реализуется специфически. Как показывает анализ семантической структуры существительных, содержащих интегральные количественные семантические признаки, в зависимости от проявления дифференциальных признаков, наиболее близки в обозначении категории числа к числительным, подразделяющееся на несколько видов в выражении категории количества существительные, что основывается на учете особенностей характеристики оппозитивных отношений как в самой структуре категории количества в системе существительных, так и в её противопоставлении подобным отношениям в системе числительных и других частей речи.

Парадигматическая организация отношений количественности в существительных представлена системой противопоставлений, каждое из

которых характеризуется свойственным ему набором признаков. Так, в существительных *time, eternite, period- закон, вақт, абад*, сол и др. понятие времени как особая категория объективной действительности соотносится с обозначением конкретных количественных отношений. В их структуре проявляются определенные оппозитивные отношения, служащие для образования парадигматических групп количественных существительных. Сравните семантическую оппозицию существительных *second, day, year, centenary* приведённым выше существительным на основе обозначения конкретного и абстрактного количества.

На основе характеристики парадигматической организации отношения количественности очерчиваются виды существительных, включенных в систему категории количественных: денумеративы-мезуративы: счетные слова-слова меры и веса образуют понятийное поля конкретно-точного выражения количества в системе существительных. По функциям и специфике числового обозначения количественные существительных подразделяются на нумеральные слова и мезуративы.

Нумеральные существительные-это существительные предметно-счетной или совокупно-счетной семантики, выполняющие функцию числовых показателей по специфике обозначаемых отношений.

Мезуративы-это существительные, которые употребляются с недискретными единицами при выдвижении протяженности, объема, веса, отношений димензионального плана [Швачко, Категория, 45]. Существительные, употребляемые с недискретными единицами при выражении протяженности, объема, веса, отношений димензионального плана, составляют группу слов меры и веса (мезуративов).

Таким образом семантика нумеральности и сама нумеральная функция в сопоставляемых языках является одной из основных в функционировании существительных в семантико-синтаксической структуре существительных. Поэтому в качестве основы классификации существительных нумеральной семантики прежде всего

следует учитывать функциональные особенности самого существительного.

Таким образом, по совокупности семантических функций в структуре нумеральной количественной семантики существительных следует выделить лексико-семантические типы и подтипы нумеральных существительных, прежде всего, по тем же функциональным особенностям в структуре нумеральных существительных следует разграничить два основных типа семантических оппозиций:

1. Нумеральные слова-единицы измерения.
2. Нумеральные слова-указатели категориальной принадлежности исчисляемого предмета.

Каждый из выделяемых типов семантически неоднороден и представлен в многообразии семантических групп нумеральных существительных.

1. Нумеральные слова-единицы измерения-тип нумеральных слов, функционирующих в языке для обозначения любых мер, включая метрические единицы всех видов, названия предметной совокупности и множества, обозначение части, делимости. По конкретному семантическому многообразию представленных в структуре лексических единиц семантических признаков нумеральные слова-единицы измерения подразделяются на следующие подтипы:

а) нумеральные существительные, обозначающие меры длины: англ.: *mile, yard, inch, inches, foot, feet, furlong*, - тадж.: *чакрим, ангушт, ваҷаб, газ қадам, санг фарсах, метр, санти метр, километр, мили баҳри* и др.;

б) нумеральные существительные, обозначающие меры площади: англ.: *acre, meterguare, yard, hectare* и др.; тадж.: *таноб, чариб, десятина, гектар, метрии мурабба // мураббаметр*;

в) нумеральные существительные, обозначающие меры времени: англ.: *day, month, minute, second, year, season*, тадж.: *сол, моҳ, ҳафта, шабонарӯз, рӯз, соат, дақиқа, сония* и др.;

г) нумеральные существительные, обозначающие меры объема: англ.: *barrel, ounce, bushel, hundredweight, ton, pound, carriage* и др; тажд: *ҷувол, стакан, литр, қанор, вагон сабад* и др;

д) нумеральные существительные, обозначающие меры веса: англ: *pound, ton, funt, pud, gramm, center*, и др.; тадж: *манн/манн, сер, санг, кадок, пуд, грамм, центнер* и др.;

е) нумеральные существительное, обозначающие меры скорости: англ.: *meter-square, kilometer-square, kilometer-hour* и др.; тадж. *метр-сония, километр-соат, метр-сония, дар квадрат, километр – соат километр-соат дар квадрат* и др. Как отмечает Джумаев А., исследовавший нумеративы таджикского языка, существительные, обозначающие меры скорости, в большинстве это кальки-сложносоставные слова и лексикализованные словосочетания, проникшие в таджикский язык из русского [Джумаев 2004,16];

ж) нумеральные существительное, обозначающие меры температуры: *дараҷа, градус*;

з) нумеральные существительные, обозначающие меры энергии: англ.: *fathom, calorya, watt, cilowatt, kilowatt-hour* и др.; тадж.: *калория, ватт, киловатт, киливатт-соат* и др.;

и) нумеральные существительные, обозначающие меры стоимости: англ: *pound, shilling, dollar, pence, funt, funt-sterling*; тадж.: *дирам, танга, тилло, манот, сум, сомони, тин, мири, доллар, риёл* и др.;

к) нумеральные существительные, обозначающие совокупность и множества однородных предметов, живых существ: англ: *set, parcel, series, herd, covey*; тадж: *пушта, туда, рама, пода*, и др.

л) нумеральные существительные, обозначающие совокупность коллективов людей: англ.: *croud, bodi, gang*; тадж.: *звено, бригада, рота, гурӯҳ* и т.д

м) нумеральные существительные, обозначающие меру слоев и русов: англ.: *row* и др.; тадж.: *ошиёна, еабат, печ, қатор, саф* и др.

н) нумеральные существительные, обозначающие части, делимости при счёте предметов связанных с едой: англ: *mouthful, piece*, и др.; тадж: *култ, луқма, даҳон, тика* и др.;

о) нумеральные существительные, обозначающие малую меру: англ: *tear, fist, base, kind*, и др. тадж: *мушт, каф, қабза, қатра, чакра* и др.

п) нумеральные существительные, обозначающие качественную характеристику меры, род, вид или сорт предмета: англ : *sort, kind* и др.; тадж.: *хел, навъ, сорт, намуд* и др.;

р) нумеральные существительные обозначающие совокупность единиц измерения: англ: *bushel, peck, imch* и др.; тадж: *кадоқ, ман* и др.

с) нумеральные существительные, обозначающие общее название количества: англ: *number, quantity* и др.; тадж: *шумора* и др.;

т) нумеральные существительные, обозначающие количество сосудов, контейнеров: англ: *bottle, box, cup* и др.; *контейнер, бочка, қутти, стакан* и др.

у) нумеральные существительные, обозначающие количественные разряды: англ: *bit, slice, piece* и др.; тадж: *бум*.

2. **Нумеральные слова-указатели категориальной принадлежности** исчисляемого предмета включают слова, обозначающие общие указания на штучность предмета, указания на его существование как отдельного целого, а также конкретные указания основные классы предметов [Джумаев 2004 8]. В зависимости от обозначения конкретного вида указателей категориальной принадлежности исчисляемого предмета к данному типу относятся следующие подтиповые семантические группы нумеральных существительных.

а) нумеральные существительные, измерение печатной и рукописной продукции-“*весьма специализированная по значению, но довольно обширная подгруппа, свидетельствующая о многообразии а богатстве таджикской письменной культуры: боб, фасл, сатр, саҳифа* и мн.др.); некоторые существительное этой подгруппы могут выступать и

как классификаторы, а как единицы измерения *чилд, нусха, номзуй*» [Джумаев1986,17] др. В английском *clay, kind* и др.

б) нумеральные существительные, обозначающие парность предметов, очень немногочисленные: англ: *model, list, pair*, тадж.: *чуфт як чуфтгушвора* “пара серег”, *200 чуфт муза* “200 пар сапог” и его просторечные эквиваленты куш, куша, и др.;

в) нумеральные существительные, обозначающие языковые единицы при счете: англ: *wold, piece* и др.; тадж: *калима, сухан, гап* и др.

г) нумеральные существительные, содержащие указания на штучность предмета и сочетающиеся с универсальным энклитическим нумеративом субстантивного происхождения – то//-та “штука”: англ: *piece*, тадж.: *як-то дафтар, сад-то китоб, ним-та нон, даҳ-та дарахт* и др.;

д) нумеральные существительные, указывающие на классы лиц при счете: англ.: *number, people, person* и др.; тадж.: *кас, нафар, сар*;

е) нумеральные существительные, указывающие на классы животных при счете: тадж.: *сар, раъс* и др.;

ж) нумеральные существительные, указывающие на классы неодушевленных предметов при счете: *дона, адад*.

Как видно из приведенного материала, в основу классификации, составляют лексические единицы, служащие для обозначения мер. При этом среди них выделяются как слова для обозначения точного количества, так и приблизительного, основанного также на метафорическом переосмыслении значения существительное.

Слова меры и веса соотносятся с терминологической лексикой. Она характеризуется однозначностью, точностью системностью, синэмоциональностью, синсинонимичностью. Детерминологизируясь, они образуют новые прагматические ряды, соотносящиеся с много и мало.

Существительные нумеральной семантики в сопоставляемых языках представляют собой классы слов, имеющих открытую структуру, постоянно меняющихся и пополняющихся в результате социолингвистических факторов развития языка. В этом отношении следует указать на важную закономерность становления и развития нумеральных существительных в таджикском языке.

Происхождение существительных с количественным значением в целом отражает пути становления нумеральных существительных в сопоставляемых языках. Для таджикского языка история становления нумеративов была подробно рассмотрена Джумаевым А. [Джумаев 1987]. Он предлагает по источнику происхождения классифицировать их на подгруппы, которых мы придерживаемся также в данной работе.

Прежде всего, среди нумеральных слов, как и во всей лексике, следует разграничить исконные и заимствованные слова.

Источниками происхождения нумеральных существительных в таджикском языке является, прежде всего, наследие самого таджикского языка, т.е. исконно-таджикские слова. Как правильно замечает Джумаев А. «они составляют ядро разряда классификаторов и значительную часть традиционных единиц измерения» [Джумаев 1987 14;]:

Значительную часть нумеральных существительных составляют «давно адаптированные арабизмы», «особенно многочисленные слова канцелярского стиля таджикского языка XIV-XIX вв.». Джумаев А. отмечает что в настоящее время в таджикском языке они гораздо меньше, представлены среди наиболее употребительные нумеральных слов: *нафар*, *нусха*, *чилд* и др. [Там же].

Среди заимствованных нумеральных слов по количественному представлению выделяются слова заимствованные из русского языка:

Исторически для становления нумеральных слов в таджикском языке важное значение имеют слова заимствованные их тюркских языков, в основном из узбекского языка.

Как показывает история становления нумеративов в таджикском языке, ее становление всегда находилось под сильным влиянием социолингвистических факторов, на каждом этапе развития таджикского языка фактически происходило кардинальное обновление лексического состава нумеральных субстантивных слов таджикского языка. Сделать подобное заключение дало нам право даже поверхностное обозрение различных этапов становления нумеративов, особенно на стыке судьбаносных периодов истории таджикского языка. Как показывает материал исследования, процесс становления современного состава нумеративов в таджикском языке происходил под разноплановым воздействием русского языка, с чем связано преобладание русских заимствованных нумеративов в таджикском языке на современном этапе. Еще в конце XIX века – начала периода становления нового экстралингвистического фактора для развития таджикского языка – русские заимствования начали проникать в таджикский язык, подвергая постепенной замене лексические единицы, как исконно таджикских, так и арабских, тюркских и других пластов, обогативших таджикскую нумеральную лексику за счет заимствований.

Современный этап развития таджикского языка, представляющий собой фактически новый период его становления, характеризуется стремлением к возрождению исконных источников языка, в то же время необратимым влиянием вхождения в общемировой процесс прогресса и развития, которые создают специфические условия общего направления развития таджикского языка, при котором влияния мировых языков, прежде всего русского и английского, становится более реальным и весомым. Именно с этим связано не только опосредованное (через русский язык), но и непосредственное проникновение англицизмов в таджикский язык из английского языка. Особенно привлекает внимание в этом процессе тот факт, что английские заимствования отражают новейшие достижения в различных областях современной науки,

техники, экономики и социальной жизни: *бит, байт, килобайт, мегабайт, гигабайт* и многие другие.

4.4. Структурные модели количественно-именных сочетаний с числительными и собственно нумеративами в сопоставляемых языках

Не менее важным аспектом анализа выражения количественных отношений является исследование нумеральных слов на синтаксическом уровне. Оно дает возможность еще более глубоко раскрыть особенности функционирования, семантико-грамматические свойства, семантический объём и возможности сочетания количественных слов в сопоставляемых языках. Семантический уровень является одним из основных языковых средств выражения количественных отношений в сопоставляемых языках.

Словосочетания, выражающие количественные отношения, обычно состоят из двух или более полнозначных слов, выражая при этом в форме расчлененной номинации значение количества: *abushel of coal, a cup of tea, a set of furniture, a fair of money, one at a time, out of blue* – се гурух, галаи асп, подаи гов, ду кабат, як стакан об, як лукма нон, як чахон хиссиёт, сол ба сол, сол аз сол и др. Поэтому под нумеральными в работе подразумевается сочетания в котором всякое количественное слово выступает количественным атрибутом, актуализирующим числовую репрезентацию предметов из множество им подобных. Исходя из этого, нумеральным, в отличие от Швачко С.А., мы считаем не только числительное в качестве количественного атрибута, но и всякое количественное слово.

По семантической структуре подобные квантитативные сочетания, как и для всех определительных словосочетаний, выражают один из видов данных отношений – квантитативные отношения, включая категориальные понятия: количество и субстанция. Субстанция как составляющий элемент реализуется в словах, имеющих субстативное

значение, соответственно посредством существительного. Другой элемент при помощи числительных или других слов, содержащих сему нумеративности, в целом выражает одно из видовых значений нумеральных слов, приведенных выше при семантической классификации нумеральных слов: *acrowd of people, a cup of tea, a herd of cattle, a bushel of coal, a set of furniture, a shower of greetings* и др.- *тудан одамон, як қошук об, як бочка керосин, як тонна гандум, рамаи гуфдандҳо, як гунча гул, як даста мехча гул* и др. Семантическим центром нумеральных сочетаний выступает слово, репрезентирующее значение субстанции. Определяющим словом или словом, актуализирующим числовую репрезентацию предметом, являются количественные слова.

В английском и таджикском языках выявлены следующие основные модели, по которым строятся нумеральные сочетания: NumN, SpNumN, NumNnumN.

4.4.1. Двучленные сочетания.

Модель NumN

NumN является основной моделью нумеративных сочетаний в английском и таджикском языках: *tree horses, one dog, two lives, few violations, forty hills, million stars, three rivers, one answer* и др. *панҷ китоб, ҳафтод талаба, ду мусобиқа, се хона, як дарё, шаш қалам, ду галаба, як мусовӣ, ду намоиш, се намоишгоҳ* и др.

Фактически все другие модели SpNumN, Num, NumNnumN является различной материальной реализацией NumN. Условно выделяя их вслед за С.А.Швачко в самостоятельные модели, мы учитываем их определенную семантико-грамматическую самостоятельность в пределах реализации основных семантических и грамматических свойств модели NumN.

Синтаксические отношения в нумеральных сочетаниях структурной схемы NumN в обоих языках оформляются синтактико-грамматической

связью примыкания, основным средством которого в сопоставляемых языках является порядок слов: **three pencils, the girls, fifty yards, two cigars, one answer**; тадж: *се қалам, даҳ varaқ, панҷ хона, ду сигор, як каду, сенздаҳ талаба бист дарахт* и др. в обоих языках совпадает порядок следования числительного и существительного-левостороннее направление подчинения числительного как зависимого определительного слова существительному-ядерному слову словосочетания: *ду → сигор – two → cigars*. При этом основным во всех определительных сочетаниях для английского языка и одним второстепенным, только для связи числительного и некоторых разрядов местоимений- в таджикском языке.

Отсюда исходит другая важная отличительная черта подобных сочетаний в таджикском языке-отсутствие изафета как способа связи существительного в субстантивных определительных словосочетаниях. Безизафетное примыкание существительного и числительных характерно только для нумеральных сочетаний. На эту грамматическую особенность синтаксической связи в субстантивных словосочетаниях с числительными указывают исследователи [Грамматика 1987; Джумаева 1987,7; и др.].

Важные отличительные признаки таджикского и английского языков проявляются при конструировании количественных словосочетаний в реализации грамматических форм существительных. В английском языке существительное при сочетании с числительными от двух и более употребляются во множественном числе, т.е. изменяют грамматическую форму: *one court – five copies, one copy – two copies, one star – million stars* и др.

В таджикском языке в словосочетаниях структурной схемы NumNсуществительное не подвергаются изменениям по числам: *як одам, ду одам, ҳазор одам; як дарахт, ду дарахт, панҷ дарахт, ҳазор дарахт* и др.

Как показывает материал, в нумеративные сочетания в данной модели вступают существительное, неоднородные по семантической структуре. Они составляют имена различных семантических классов. Поэтому в дальнейшем возможно классифицировать указанную типовую модель по сочетающимся существительным. Основанием для подобного типологического деления служит сама иерархическая компонентная семантическая организация имен существительных в составе нумеративных сочетаний. Подобную классификацию приводит Швачко С.А., подробно описывая четыре типа нумеральных сочетаний, образованных по данной модели в английском, русском и украинском языках. [Швачко,1977,41-49].

Основные отличия между различными сочетаниями в структуре модели NumN относятся к соотносительности существительных, составляющих семантическое ядро сочетания, к разным лексико-семантическим группам [Швачко, 1977, 41-46].

Основой выделения NumN считается соотношение определяемого числительным объекта с названиями представителей живого мира: людей, птиц, животных, рыб и т.д.: *three horses, one dog, seven negroes, two wolwes, one old darkie* и др.- *ду донишчу, даҳ бошанда, чор ибмонда, дум охир* и др.

Вариант NumN2 выделяется на основе реализации в субстантивном компоненте названия объектов: англ, *one cigar, two cities, two eggs, forty hills, one river* и др.- *ду бино, шааш дарё, бист тиреза, ду дарахт, ду ошёна, си шахр* и др.

Разграничение третьей подмодели Nnum проводится на основе лексико-семантических особенностей существительных, обозначающих названия явлений, процессов, событий: англ: *two bursts, two lives, one answer, three rides* и др.; тадж: *як галаба, ду мусови, чор маҷлис, як муҳориба* и др.

Модель Num Nnum.

В качестве четвертого варианта модели NumN Швачко С.А. выделяет NumN [Швачко 1977, 44]. Оба компонента в модели выражаются количественными словами: числительными и нумеральным существительным, при котором числительное реализует сему числа, а существительное-сему числа или измерения: **two dosens, three scores, fifty pounds, four bushels, five acres, fifty yards** и др. тадж.: *ду чуфт, се гектар, хафт метр, ду сабад, чор гарам* и др. Относящиеся к данной подмодели Швачко С.А. сочетания отличаются многочисленностью и семантической разнородностью. Они фактически представляют собой особого рода сочетания, которые имеют существенные отличия от предыдущих подмоделей как в семантическом, так и в структурном отношении. В семантическом аспекте названные сочетания представляют собой нумеральные сочетания, основанные на сочетании количественных лексических единиц: числительного (Num) и существительного (Nnum), в семантической структуре которых сема количественности является основной, при этом в содержании числительного она составляет ядро семантической структуры, а в структуре существительного-одно из ядернообразующих. Поэтому, несмотря на разную лексико-семантическую соотнесенность, оба компонента обозначают, хотя и на разных категориально-понятийных основаниях, количество, в чем и заключаются существенные семантические отличия от приведенных выше подмоделей. Как показывает анализированный материал, функционально указанная семантика измерения, взвешивания раскладывается на считаемые объекты, образующие множества.

С другой стороны, данная модель имеет существенные отличительные признаки от NumN также в грамматической структуре, что проявляется прежде всего в том что такие двуличные сочетания, как *five acres, fifty yards, two pairs, three year*, в отдельности не могут

реализовать семантическую самодостаточность исчисляемого объекта, требуя трехчленного сочетания с конкретизацией существительными-названиями считаемых или измеряемых объектов, обозначающих меру или массу, не только семантически, но структурно недостаточны. Сравните *ду бандча, чор дона* и др. *ду бандча пиёз, чор дона қалам*.

Исходя из этого, в настоящей работе вышеперечисленные сочетания относятся к самостоятельной модели, которая образует количественные сочетания с номинативами. Схематически эта модель изображается как NumNumN. Эта модель в каждом из языков имеет собственные средства и способы реализации, которые будут описаны.

4.4.2. Трехчленные сочетания

В системе сочетаний нумеральных слов выделяются также трехчленные сочетания. В функционировании трехчленных сочетаний в сопоставляемых языках следует выделить два типа сочетаний:

- а) прежде всего, сочетания, связанные с расширением структурной схемы модели NumN;
- б) трехчленные сочетания, компонентная организация которых непосредственно связана с функционированием нумеративов.

Трехчленные сочетания первого типа представляет собой такой тип, в которых дополнительный компонент структурной схемы присоединяется к существующим на основе правил комбинаторных возможностей ядерных компонентов сочетания: числительного и существительного. При этом расширение модели может происходить за счет распространения существительного определяемым словом: англ. *Threeweakpointstwonicgirls*; тадж: *сад чавони тануманд, ду намоиши зебо; Дусад марди чанги бех зи сад ҳазор (Фирдавси)*. При этом определяемое слово как по семантике, так и по грамматическим свойствам соотносится только с существительным, не влияя на семантику числительного.

Нумеральные сочетания с расширением состава в каждом из языков имеют свои особенности, отражая специфику структурной и грамматической организации сочетания числительных и распространителей в них, порядок слов и способ связи между компонентами в сочетаниях с числительным и существительным. В таджикском языке качественное или относительное определение, соотнесённое с существительным, присоединяется при помощи изафета, при котором требуется обязательное следование определения за определяемым словом: *дах колхозчи пешқадам, ҳаит қалами ҳархела, ду золиби мусобиқа, ду столи чубин ва гайра.*

В английском языке в данном случае действует левосторонний порядок слов, при компонентах как в случаях с грамматически оформленной связью слов, входящих в словосочетание, выступает примыкание: *one long smile, three points* и др.

Что касается видов расширения количественного сочетания в структурной схеме NumN, то следует отметить, несмотря на некоторое многообразие, способы расширения. Исследователи семантико-грамматических свойств приведенных сочетаний отрицают допустимость определительных слов при указанных сочетаниях или ограничивают сферу реализаций определений. Следует согласиться с исследователем славянских числительных А. Е. Супруном, установившим следующие причины нетипичности расширения числительного при помощи определяемого слова: «Поскольку числительное по своей семантике непредметно и в семантическом отношении его можно рассматривать либо как некоторое количественное определение, либо как обозначение чистого числа, лишённого предметности, числительным не свойственно иметь при себе согласованное определение, столь характерное для существительного. И действительно, строго говоря, определение числительного-редкость. В тех случаях, когда определение числительного и встречается, оно не

вполне типично для современного состояния славянских числительных» [Супрун 1969, 156]. В подтверждении своих выводов он приводит данные о количественных сочетаниях с определениями-распространителями указанных сочетаний. Действительно, как показывает наш материал, не все слова способны сочетаться с числительными или их сочетанием с числительными, так как индивидуальное значение лексических единиц определяет и в целом их комбинированные свойства на синтагматическом и парадигматическом уровнях.

Исследуя спецификаторы в соответствии с лексико-семантическими признаками в русском, английском и украинском языках, С.А.Швачко выделяет в качестве самостоятельной структурной модели количественных сочетаний SpNumN, устанавливая в дальнейшем для нее три варианта реализации: адвербиально-нумеральную (AdvNumN), прономинально-нумеральную (PrNumN) и адъективно-нумеральную (AdjNumN). В настоящей работе мы склонны относиться к подобным сочетаниям не как к самостоятельным моделям, а как к вариантам модели NumN, расширившейся за счет конкретных видов распространителей. Вариантность, а не самостоятельность формирования структурной схемы в данной модели проявляется в том, что распространение происходит не на основе облигаторной связи модели NumN распространителями, а вариативной, допустимой, возможной связи, ср.: *ҳамин даҳ китоб-даҳ китоб, даҳ калами сурх-даҳ қалам*. Анализ общей семантической характеристики распространителей выполняют функции уточнителей, дополнителей содержания модели, которые в целом характеризуются как специализированные для особых квалификаторов, называемых в лингвистической литературе спецификаторами. Модель NumN без названных распространителей может существовать самостоятельно, отсутствие распространителей не может повлиять на самостоятельность существования модели NumN как в грамматическом, так и семантическом аспекте.

По лексико-семантическим свойствам распространителями нумеральных сочетаний-спецификаторами в сопоставляемых языках могут стать наречия, местоимения и прилагательные, в зависимости от которых в работе выделяется адвербиально-нумеральные, прономинально-нумеральные и адъективно-нумеральные сочетания.

4.4.3. Адвербиально-нумеральные сочетания AdvNumN

Наречия в адвербиально-нумеральных сочетаниях (AdvNumN) в целом употребляются для выражения уточнения общего количественного парадигматического уровней при образовании общей семантики при распространении количественных сочетаний наречиями или наречно-образными словами. При общей семантике точного числа на парадигматическом уровне в содержании числительного все сочетание реализует неточное число: англ: **only 2.37. m. –over 3 hours, only 300 people–barely 400 people, only 150 fans-around 2 2 o'clock** и др. Тадж.: *танҳо се кас –қариб ҳар кас, фақат се сония - наздики даҳ сония* и др.

В качестве уточнителей нумеральных сочетаний в сопоставляемых языках обычно выступают следующие наречия: англ.: **only, atleast, just, exactly, quite, asmuchas, asgreatas, asfewas, approximately** и др. –тадж: *фақат, танҳо, ҳатто, қариб ки, қариб, боз* и др.

Наречия в количественных сочетаниях не только уточняют количественные значения всего сочетания, но и могут осложнять количественное содержание различными качественно-оценочными значениями, субъективно - и эмоционально-оценочными по характеру, к примеру, сомнения: *at last three minutes*, сожаления: *боз агар даҳ дақиқаи дигар (мешуд)*, пожелания: *боз сад соли дигар (мебуд)* и др.

Наречные сочетания употребляются для выражения мер большего или меньшего числа, при этом в английском языке для этого используются лексические единицы: *over, faster than, more than, above, outside, up ward* и др., тадж: *зиёда аз, беитар аз* и др., *выражающий меру*

большого числа, и англ: *lessthan, beyond, under, berely, closeto* и др. и тадж: *қариб тақрибан, наздики, камтар аз, хурдтар аз, насттар аз* и др., выражающие меру меньшего числа: англ.: тадж: *over 2 weeks, morethan 20 miles, over 7 hours, lessthan 20 years, under 20 years, closeto 2*; тадж: *зиёда аз 6 тонн, бештар аз сад китоб, камтар аз даҳ тонн, насттар аз 5 ошён* и др.

Как показывает материал исследования, наречные уточнители числа в английском языке наиболее продуктивны, качественно и количественно богаче, чем в таджикском языке. Отсюда исходит возможность качественной и количественной характеристики числового содержания в количественных сочетаниях в сопоставляемых языках. В таджикском языке возможности наречий ограничены в общей характеристике количественных значений, поэтому наблюдается поиск эквивалентности и аналогов английским наречным уточнителям в таджикском языке путем передачи аналитических сочетаний, наподобие: *бештар аз, без аз, камтар аз, на кам аз* и др. являющихся наиболее продуктивными способами уточнения числовых выражений в количественных сочетаниях таджикского языка.

4.4.4. Прономинально-нумеральные сочетания: PrNumN

В отличие от наречных распространителей в прономинально-нумеральных сочетаниях местоименные распространители (PrNumN) не реализуют значения меры количественного значения, а употребляются для сохранения общего количественного значения, выражаемого нумеральным сочетанием. Сравните: тадж.: *ин се шахс, тамоми се сол, он панҷ руз, ҳар ду соат* и др.; англ.: *every twenty dollars, her two children, hese three teans, all twelve games, their eighty actress* и др. Это касается также обозначения точного или неточного числа, при сочетании с которыми местоименные распространители не вводят какие-либо изменения в семантику точности или неточности количественного содержания всего сочетания: тадж.: *се варақ- хамин се варақ- ҳамин се-чор варақ*; англ.: *two days-my two days-my two-three days* и др.

Местоименные распространители соотносятся со всем сочетанием числительного и существительного, указывая на посессионные, дейктические определительные отношения всего сочетания, реализуя значения принадлежности, обобщённости, неопределенности, а в некоторых случаях выражают субъективную оценку числовых признаков. Этим они отличаются от выше рассмотренных наречных распространителей.

Способом грамматической связи местоименного слова с нумеральным сочетанием в английском языке независимо от семантико-грамматических особенностей местоимений является примыкание, средством которого выступает порядок слов: *her one child, those two girls, every twenty dollars, all twelve games, another ten cents* и др.

Как показывает материал исследования, местоименный определитель в английском языке обычно стоит в предпозиции к нумеративному сочетанию.

В таджикском языке способ связи и порядок следования местоименного распространителя в нумеративном сочетании находится в зависимости от лексико-семантического содержания употребляемого в качестве распространителя разряда местоимения. При выражении распространителя личными, притяжательными, возвратными, неопределёнными и некоторыми другими местоимениями, которым характерна общая семантика указания на принадлежность, обозначения обобщённости, способом их связи с нумеральным сочетанием становится изафет, который примыкает к последнему слову, т.е. существительному, в нумеративном сочетании при помощи изафетной связи-и, употребляя сами местоимения вслед за существительным.

Таким образом, местоименный распространитель в таджикском языке следует за нумеральным сочетанием, занимая постпозицию по отношению к нему: *панҷ китоби ман, бо се соли худ, се хонаи онҳо, се-чор китоби ким-кӣ* и др. схематически структуру модели распространения

нумеральных сочетаний местоимениями в таджикском языке следует обозначить в виде: NumN-иPr.

Местоименные распространители указательной семантики в таджикском языке обычно занимают позицию перед нумеративным сочетанием: *ин се дарахт, он сад қанор, ҳар як се донишчу* и др. Структурная схема этой модели распространения нумеральных сочетаний местоимениями обозначается в виде: PrNumN.

Однако независимо от того, что местоимение по позиционной характеристике в сочетании в одних случаях непосредственно связывается с существительным (в таджикском языке) или прилагается к числительному, предшествуя ему (в обоих языках), оно не соотносится индивидуально с существительным или числительным, а расширяет грамматически и семантически все сочетание числительного и существительного, на эту особенность сочетания непосредственно указывает семантическая соотнесённость местоименного распространителя. В сочетании *хамон чор кас* местоимение *хамон* определяет *чор кас*, в котором сложилась тесная семантически-грамматическая взаимосвязь числительного и существительного: *хамон-чор кас*), схематически эту семантико-грамматическую связь можно изобразить в виде формулы: Pr- (Num+N) или a -(b+c).

Форма местоимения, т.е. показателя числа, в обоих сопоставляемых языках предсказуема логически и зависит от содержания всего нумерального сочетания.

Как в английском, так и в таджикском языке позиция местоименных распространителей является фиксированной, неизменной, что находится в зависимости, как отмечалось выше, от позиции (только в таджикском языке) местоименного распространителя по отношению ко всему сочетанию.

4.4.5. Адъективно-нумеральные сочетания: AdjNumN

Структурная модель количественно-именных сочетаний NumN допускает распространения прилагательными: англ.: **full ten minutes, little two stories, average ten percent, present eight men, first hundred years, like three dollars, extra twenty men** и др. Тадж: *ду рӯзи охир, се метри пурра, ду-се метри зёдатӣ, даҳ шабонарӯзи аввал, ду рӯзи гузашта, се километри монда, се чакримӣ душворгузар* и др.

Наиболее часто в нумеральных сочетаниях употребляется прилагательные: англ.: **last, first, average, regular, next, further, past** и др. Кроме них встречаются прилагательные: **total, ready, amazing, super, lefty, good, original, full, existing, remaining, gorgeous, current, traditional, previous, usual, shading, exceeding, dismal, annual, top, fast, bare, present, little, ensuring, creditable, final, honest, touching** и др.; тадж.: *охир, охирина, навбатӣ, пурра, гузашта, ояанда, аввал, даркор, зарури, зиёдатӣ, нопурра, наздик, дур, дароз, монда, охир, дигар, сони, доими, душвор, хушбахт, бадбахт и многие другие*. В семантическом плане сопоставляемые языки существенно не отличаются друг от друга в общей реализации семантических возможностей прилагательных в нумеральных сочетаниях. Прежде всего, употребление прилагательных связано с реализацией качественного и относительного признаков всего нумерального сочетания. Признаки характеристики могут быть различными, что, прежде всего, обуславливается семантическими особенностями прилагательного и его реализацией в структуре нумерального сочетания. Прилагательные, употребляясь в структуре нумеральных сочетаний, могут реализовать качественную и количественную оценки, при этом указывая на: а) порядок следования: англ.: **first, previous, last, remaining** и др.; тадж.: *аввал, охир, навбатӣ* и др.; б) временную характеристику: англ.: **further, past, existing, current** и др.; тадж.: *наздик, дур, дароз, гузашта, монда, охир* и др.; в) полноту или

неполноту количественной характеристики: англ: **good, short, regular, fult** и др.; тадж: *пурра, нопурра* и др.

Употребление прилагательных может быть связано с выражением субъективной оценки-одобрения или неодобрения, презрения, безразличия и т.п.: англ.: **dismal 180 points, easy 130 yards, amazing 90 percent, regular 10 cents** и др.; тадж.: *чанд дақиқаи даркорӣ, (зарурӣ), ду-се дархости диққатчалбунанда, ду соли дароз, се соли хушбахтӣ // пурмашақат// азобу машақат//пурмахсул//бемахсул// бекорӣ* и др.

Сопоставляемые языки существенно отличаются друг от друга в структурно-грамматическом оформлении всего нумеративного сочетания с прилагательным в качестве распространителя. В английском языке прилагательное-распространитель предшествует всему сочетанию, употребляясь в препозиции к нему: **total eleven acres, remaining six dollars, un think able fifteen years** и др.

В таджикском языке прилагательное в указанных сочетаниях связывается при помощи изафета-и, следовательно, следует за всем сочетанием, употребляясь в постпозиции к нему: *се соли дароз, чор ҳафтаи пурмашақат, як моҳи пурмахсул, як косаи пуро-пур* и др.

Однако, независимо от позиции, занимаемой по отношению к нумеральному сочетанию, и грамматического средства реализации (порядок слов - в английском и изафетная связь - в таджикском), адъективные распространители используют фактически идентичный способ связи с нумеральным сочетанием - строгий порядок следования распространителя по отношению к распространяющему сочетанию. Это естественно, так как прилагательные в сопоставляемых языках не обладают системой словоизменения. Поэтому порядок слов в сочетании с прилагательными в обоих языках выступает основным средством реализации грамматического подчинения, исключением в этом отношении не является и изафетная связь в таджикском языке.

1. Модель Num-NumN

Одной из модификаций структурной модели NumN в таджикском языке является - Num-NumN, в которой вариантность общей модели реализуется за счет редупликации числительных: *панҷ-шааш китоб, ду-се анор*. Функциональная значимость данного варианта в таджикском языке связана с выражением семантики приблизительности: *як-ду дарё, се-чор сум, ду-се руз* и др.

Если рассмотреть круг числительных, входящих в моделиобразующие элементы данного варианта, то следует отметить, что он логически не ограничен какими-либо отдельными семантически или грамматически сходными числительными. Фактически любые числительные могут реализовываться в данной модели, однако, как показывает материал, в наибольшей степени семантика повторности передается при помощи числительных первой десятки.

2. Модель NumNnumN

Выше мы рассмотрели нумеративные сочетания, в основном двучленные по составу, образованные на основе сочетания числительных и существительных. Особые модели образуются на основе сочетания с нумеральными словами. Специфика нумеральных сочетаний, прежде всего, заключается в том, что они трехчлены. Трехчленные сочетания в количественных конструкциях с числительными допускаются только при расширении или распространении всего сочетания или одного из его компонентов, то время как трехчленный компонентный состав с нумеральными словами является структурной самодостаточностью количественных сочетаний с нумеративами-счетными существительными. Как двучленные допускаются только в некоторых сочетаниях, прежде всего, употребляющихся в качестве составных терминов, наподобные следующих: *ду метри мураббаъ, чордах метр-сония, ҳафт киловатт-соат* и др.

1. NumNnumN- тадж.: *дах вагон тахта, ду сатил об, чор качова ангур, ду тонна равган, сад километр роҳ, се мерт матоъ, ду рузи истирохат*-англ.: *two acre, five miles from Wansdon, two cents a pound* и др.;

Нумеративные сочетания в NumNnumN состоят из сочетания двух количественных слов” числительного и существительного с количественным значением и существительного. Между компонентным составом выявляются квантитативные семантические отношения, при которых сочетание числительного+ существительного с количественным значением соотносится с существительным, как определяемое его количества: NumNum-N: *сенздаҳ ҳазор тонна-чуян.*

NumNnumN может осложняться различным образом или координировать порядок следования компонентов, образуя варианты структурные схемы:

1) осложнение модели может происходить за счет прилагательного или другого определения: а) NumNnumAdjN–препозитивного неформального определения, примыкающего к существительному при помощи порядка слов- в английском языке и NumNnumAdjN- связанного при помощи изфетной связи-в таджикском языке: *сенздаҳ ҳазор киловат ҳамаи навъҳои энергия;*

б) NumNnumNiAdj- в таджикском языке происходит осложнение модели также путем распространения постпозитивным изафетным определением; *сесад ҳазор киловатт энергияи электрики, сад мукааб метр гази табиӣ, сесад ҳазор тонна чуяни алоцифат* и др.

2) NumNnumNconjunkN- осложнение модели происходит за счет расширения, употребления двух близких по функции и содержанию исчисляемых существительных, связанных изафетной связью: *як мушт тангаву тилло; як лаган симу зар,*

3) Num-NumNnumN осложнение модели происходит за счет употребления двух числительных при одном нумеральном слове, выражающе значение приблизительности: *як-ду нафар донишчӯён, панҷ*

шаш дона қалам и др.

4)осложнение модели происходит за счет редупликации:

а)NumNnum-NumNnumN: числительного и нумератива-:**як туб-як туб пора, ду дона-ду дона дафтар, як гарам-як гарам беда** и др.

б)NnumNnumN: нумератива: **чувол-чувол; села-села парандагон** и др.

вариантность модели Nnum-NnumN достигается также:

а) за счет изменения порядка следования компонентов и употребления исчисляемого существительного в препозиции по отношению к нумеральному сочетанию: тахтаи синф бист дона; **галла саду бист сентнер; ҳайвони шохдори калон сад сар** и др.;

б) за счет отрыва исчисляемого существительного и употребления его в препозиции к числительному с нумеративом: **Вагар об набуду холате буди, Зи нуғи мижа об рондаме сад баст. (Рудақӣ)- об рондаме сад баст- инверсия сад баст об рондан**-прямой порядок слов.

Таким образом, структурные варианты количественно-именных сочетаний в сопоставляемых языках многообразны. Выражая категориально-семантические и логико-понятийные возможности количественной сочетаемости, семантические модели количественно-именных сочетаний в сопоставляемых языках в целом имеют общие и во многом аналогичные друг другу признаки, совпадая в особенностях семантического содержания количественно-именных сочетаний. Необходимо отметить, что оба языка проявляют общность также в семантико-грамматической организации сочетаний, что наблюдается в использовании порядка слов в оформлении семантической связи, при которой левостороннее линейное подчинение объединяет оба языка. Хотя следует отметить, что для таджикского языка в других условиях определительного семантического подчинения, к которому относятся и проявляющиеся в анализируемых сочетаниях квантитативные отношения, основными являются изафетная связь и правостороннее линейное подчинение. С другой стороны, структурно-грамматическое

признаки количественно-именных сочетаний в обоих языках, в целом, строго привязаны к особенностям синтактико-грамматической организации сочетаний, поэтому в правилах синтактико-грамматического оформления компонентов, выступающих в качестве распространителей на правах присловного распространения моделей количественных сочетаний выявляются те же основные способы подчинительной связи: порядок слов и левостороннее линейное подчинение – в английском языке и изафетная связь и правостороннее линейное подчинение – в таджикском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Количество является одним из наиболее важных категорий человеческого сознания. Как всякая познавательная категория количество характеризуется двунаправленностью, с одной стороны, выделяется как формы и роды существования действительности и, с другой, это осознанная человеком окружающая среда, бытие действительность.

В то же время понятие количества отражает разноплановые и сложные явления действительности и изучается в различных областях науки.

Количество как лингвистическое понятие в лингвистических исследованиях не нашло идентичного определения. Основными признаками, включающимися в дефиницию количества, считаются абстрактность понятия числа, характеристика дискретных и недискретных свойств предметов, процессов и признаков, считаемость, изменяемость, интенсификация которых выступают основными параметрами соотношения с категорией количества и полем количественности.

Квантитативные отношения находят в языке своё обозначение, реализуясь в разнообразных, иерархически организованных средствах, имеющих как общие черты, так и специфические особенности в английском и таджикском языках.

Сфера количественности в языках многообразна и пестра и касается, языковой структуры всех языков: лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса. Разграничение видов и типов в структуре поля количественности связано с видовыми и типовыми семантическими отношениями выделяющимися в содержании полей и микрополей количественности, в разграничении центра (ядра) и периферии, составляющих микрополе, в семантических соотношениях компонентов в структуре поля количественности, в лексико-грамматическом охвате и

представленности семантических полей различными разрядами слов, в определении закономерностей связей, свойств семантических компонентов.

Микрополе нумеральности в пределах поля определенного количества объединяет средства языка, выражающие числовые (нумеральные) значения, которые могут быть соотнесены с элементами ряда чисел. Центром поля являются количественные числительные. Периферию микрополя организуют языковые числительные, счетные существительное, мезуративы и производные от числительных прилагательные, наречия, глаголы, сочетающие в своей семантической структуре нумеральные семы с семами кратности, объективности, процессуальности, адвербиальной и др.

Наиболее специализированы в выражении количественных отношений имена числительные, количественные числительные в структуре ФСП количественности характеризуются как особая языковая единица, которая наиболее специализирована для выражения семантических признаков категории количественности.

К числительным приближаются по способу квалификации семантического признака количественности существительные, особенно счетные существительное и мезуративы.

Оппозиция семантического признака определенности// неопределенности в категории количественности в английском и таджикском языках является общим свойством, объединяющим количество в одно семантическое поле. Она проявляется в содержании количественных слов семантических признаков (сем) «конкретное», «точное», «неконкретное», «неточное», «приблизительные», «приближенное».

В работе анализ микрополя нумеральности характеризуется в английском и таджикском языках в следующих аспектах: 1) структура категориальной семантики микрополя нумеральности; 2) компоненты,

составляющие микрополе нумеральности в кругу обозначения определенной количественности; 3) иерархия взаимоотношений между ними в структуре нумеральных слов; 4) обозначение центра и периферии в микрополе нумеральности; 5) определение способов и средств их формирования в сопоставляемых языках; 6) разграничение категориальной, лексической и словообразовательной семантики нумеральности в английском и таджикском языках.

Категориальное значение нумеральности реализуют разноярусные иерархически организованные средства, проявляющие неодинаковое значение количественности и разную способность выражать количественную характеристику.

Парадигматическая организация микрополя нумеральности основывается на многообразии семантических оппозиций: конкретность, точность количества-неконкретность количества; дискретность-недискретность; единичность-двойственность; множественность-кратность; совместность-порядковость; денумеративность – счетность - мезуративность; объективность-процессуальность и др.

Однако, в проявлении словообразовательных, семантических и грамматических признаков каждый из сопоставляемых языков проявляет свои особенности. Специфичность прежде всего касается разной степени меры охвата и проявления оппозиционных признаков, т.е тех признаков, которые различают две или более однородные единицы языка, выполняя семитологическую функцию в сопоставляемых языках.

Числительные среди других лексических средств обозначения нумеральности в обоих языках выделяются как класс полнозначных слов, обозначающих число, количество. Числительные разграничиваются от других нумеральных слов как по способу обозначения количественности, так и способу выражения этого значения.

Английскому и таджикскому языкам присущи универсальные

черты в становлении, функционировании и эволюции числительных. Генезис числительных в английском и таджикском языках показывает идентичный процесс их исторического становления и развития. В обоих языках числительные прошли от предметного к количественному значению.

В составе числительных прежде всего наблюдается сохранение основного лексического фонда за счет собственных исконных возможностей. Хотя по источнику заимствования занимают особое место. Устанавливаются исторически разные направления заимствования, для английского языка, как и для многих европейских языков, основной фонд заимствований составляют заимствования из латинского, французского и греческого языков. Для таджикского языка основной фонд заимствований составляют лексические единицы из арабского и тюркских языков, так как исторические пути развития таджикского народа приходили в тесной взаимосвязи с данными культурно- историческими источниками.

При образовании числительных сопоставляемые языки в целом проявляют существенное сходство, используя одинаковые приемы (сложения и умножения).

Пути структурно-грамматического формирования числительных в сопоставляемых языках разнообразны. В обоих языках незначительное от общего количество материала представлено в виде производных корневых числительных. Однако простые корневые морфемы числительных служат лексической и словообразовательной основой для образования других словообразовательных типов числительных.

Анализ структурно-словообразовательной и структурно-грамматической организации словопроизводства числительных выявил основные типы моделей числительных в сопоставляемых языках основываясь на структурно-грамматических особенностях числительных в сопоставляемых языках, выделяют 8 типовых структурно-

словообразовательных моделей числительных, из которых только четыре модели совпадают. В других случаях оба языка проявляют существенные различия, что обусловлено способами реализации грамматических средств оформления синтаксической связи составляющих компонентов, структурно-грамматическое оформление частей в сопоставляемых языках основывается на различных синтактико-морфологически значимых свойствах частей числительных.

Таджикский и английский языки проявляют сходства употребляемых «форм», т.е. отсутствие взаимодействующих, взаимно корректирующих форм числительных и существительных в английском и таджикском языках.

Приемы умножения и сложения в образовании круга числительных в сопоставляемых языках не совпадают, так как каждый язык охватывает разные круги числительных при реализации того или иного приема структурного образования числительных. Таджикский язык в словообразовательном аспекте более последовательно разграничивает семантические типы, морфологически оформляя каждый из них различным образом. В английском языке основным средством грамматического оформления связи компонентов является порядок слов, что типологически значимо и свидетельствует о большей аналогичности английского языка.

В то же время морфологическую действительность числительных в обоих языках характеризует нулевое словоизменение и грамматическая неопределенность. Это и характеризует в целом важность семантической соотнесённости в словопроизводстве числительных, так как сложение и умножение не маркированы какими-либо грамматическими средствами, связанными с морфологическими формами слов. В наибольшей степени этот признак присущ английскому языку, в котором порядок следования числительных является единственным грамматическим признаком синтактико-грамматического оформления числительных. Хотя

исключением в этом отношении не является и таджикский язык.

Категориальное понятие нумеральности получает свои средства выражения на различных уровнях языковой иерархии. В системах обоих сравниваемых языков в иерархии семантической организации категории нумеральности на первом месте оказываются именные части речи, среди которых числительные является основной категорией репрезентации, как на лексическом, так и грамматическом уровне. Далее следуют существительные, наречия, глаголы и имена прилагательные. Однако степень охвата языковым материалом того или другого лексико-грамматического разряда в сравниваемых языках не идентична как во внутриязыковом, так и в межязыковом аспекте.

Семантика количества в сфере других частей речи, отличающая их от числительных, вторична, производна от общекатегориального значения количества в их семантике. Входя в общие парадигматические отношения количественности, в целом, они образуют периферию поля нумеральности в языке.

Наиболее близки к числительным в образовании числа и количества существительные, характерной чертой которых является их принадлежность к единицам счетного значения. Инвариантный признак квантитативности в системе существительных проявляется в различной импликации вариантных семантических признаков количественных отношений, начиная с конкретного количественного обозначения до абстрактного обозначения количественности и проявляясь в многообразии передачи количественных отношений.

Таким образом, структурные варианты количественно-именных сочетаний в сопоставляемых языках многообразны. Выражая категориально-семантические и логико-понятийные возможности количественной сочетаемости, семантические модели количественно-именных сочетаний в сопоставляемых языках в целом имеют общие и во многом аналогичные друг другу признаки, совпадая в особенностях

семантического содержания количественно-именных сочетаний. Общность, оба языка проявляют также в синтактико-грамматической организации сочетаний, что наблюдается в использовании порядка слов в оформлении синтаксической связи, при которой левостороннее линейное подчинение объединяет оба языка. Хотя следует отметить, что для таджикского языка в других условиях определительного семантического подключения, к которому относятся и проявляющиеся в анализируемых сочетаниях количественные отношения, основными является изафетная связь и правостороннее линейное подчинение. С другой стороны, структурно-грамматические признаки количественно-именных сочетаний в обоих языках, в целом, строго привязаны к особенностям синтактико-грамматической организации сочетаний, поэтому в правилах синтактико-грамматического оформления компонентов, выступающих в качестве распространителей на правах присловного распространения моделей количественных сочетаний, выявляются существенные расхождения между языками, когда в нумеративном сочитании выступают те же основные способы подчинительной связи: порядок слов и левостороннее линейное подчинение-в английском языке и изафетная связь и правостороннее линейное подчинение-в таджикском языке.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

А. На русском языке

1. Абдукаюмова Д.Б. Сопоставительно-семантический анализ мер длины (фарсах-верста-миля) в русском, английском и таджикском языках / Б. Д. Абдукаюмова // Вопросы лингвистики.-Душанбе: Изд-во Российско-Таджикского (славянского) ун-та, 2004.-С.165-170.
2. Абдуллоева М.Н. Категория числа в русском и таджикском языках. Учебное пособие по спецкурсу / Н. М. Абдуллоева -Душанбе,1980.-90с.
3. Адмони В. Г. Полевая структура частей речи (на материале числительных) / Г. В. Адмони // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов,-Л.:АН СССР,1965.-С. 36-37.
4. Азимова М.Н. Оид ба сарчашмаҳои пайдоиши вохидҳои фразеологии / Н.М. Азимова. // Вопросы лингвистики.-Душанбе: Изд-во Российско-Таджикского (славянского) ун-та, 2004,с.149-152.
5. Азнаурова Э.С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи / С. Э. Азнаурова // Языковая номинация (виды наименований).-М.: Наука, 1977.-С.86-128.
6. Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка / В.В. Акуленко - Харьков: Харьк. у-та, 1972.-215с.
7. Акуленко В. В. Соколенко Н.И. Понятие нормы в языке и речи / В. В. Акуленко, Н.И. Соколенко // Язык и речь. - Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР,1977.-С-165-178
8. Акуленко В.В. и др. Категория количества в современных европейских языках / В. В. Акуленко. - Киев: Наукова Думка. 1989.
9. Акуленко В.В. Функциональное описание языка и вопросы изучения функционально-семантических полей / В.В. Акуленко // Романские и германские языки: Функциональный и лингво-методический аспекты описания.-Киев: Наук, думка,1985.-С.5-17.

10. Акуленко Л. Г. Выражение неопределенно-большого и неопределенно-малого количества в немецком языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. / Г. Л. Акуленко –Харьков,1982.-22с.
11. Акуленко Л.Г. О структуре поля количества в современном немецком языке / Г. Л. Акуленко //Вестник Харьк. ун-та, ,1984,т.258.С.3-8.
12. Александров Н.В. Математические термины: Справочник. / В.Н. Александров -М.:Высш.шк., 1978.-190с.
13. Алексеев М.Н. Ковшанский Г.В. О соотношении логических и грамматических категорий / Н. М. Алексеев В. Г. Ковшанский // ВЯ,1955,№5.
14. Алендорф К.А. Теория описания семантических полей. // Вопросы описания лексико-семантической системы языка / А. К. Алендорф Ч.1.-М.,1971.-С24-25.
15. Андреева В.Ф.. Знаменательные и служебные слова в русской речи / Ф. В. Андреева// Журнал министерства народного просвещения. 1895,№9.С.
16. Аничкова И. Е. Об определении слова / Е. И. Аничкова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. –М.- Л.: АН СССР, 1963. -С.146-159.
17. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Д. Ю. Апресян -М.: Наука, 1974.
18. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / Д. В. Аракин - Л.:Просвещение,1989.-259с.
19. Аракин, В. Д. Омонимы в английском языке / Д. В. Аракин // Иностранные языки в школе. -2011. - №4. - С.38-46.
20. Аристотель. Сочинения: В четырех томах / Аристотель -М.: Мысль,1976,т.1.550с
21. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд –М.:Изд-во.лит. на иностр.языках,1959.-С.110.

22. Арутюнова Н.Д. Понятие пропозиции в логике и в лингвистике / Н. Д. Арутюнова // Изв.АН СССР. Сер.Лит. и яз.-1976,№1.
23. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова -М.: Изд-во “Советская энциклопедия”, 1966-С.334.
24. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли Пер. с 3-го франц. изд. Е.В. и Т.В. Вентцель. -М.: Изд. иностр. лит., 1955. - 416 с.
25. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. -М.: Иностранная литература, 1961.-394 с.
26. Бархударов Л. С. Грамматика английского языка / С. Л. Бархударов -М.,1966.
27. Бархударов Л.С. Язык и перевод / С. Л. Бархударов М.,1975.
28. Бархурдаров Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка / С. Л. Бархударов -М.: Высшая школа, 1975. -156 с.
29. Баудер А.Я. Части речи- структурно- семантические классы слов в современном русском языке / А.Я. Баудер -Таллин: Валгус, 1982.- 184 с.
30. Бережанская И. Ю. Консубстанциональные термины в лингвистической терминологии английского и русского языков (сравнительный анализ): дис...канд. филол. наук: 10.02.20 / Бережанская Ирина Юрьевна. - М., 2005. -311 с.
31. Блумфилд Л. Язык. Пер. с англ / Е. С. Кубряковой и В.П. Мурат. Л. Блумфилд -М.: Прогресс, 1968.- 607 с.
32. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию / Бодуэн де Куртенэ. -М.,1963, т.1-II.
33. Большая советская энциклопедия. Том 1.– Сов. Энцик.,– 832 с.
34. Большая советская энциклопедия. Том 2.– Сов. Энцик.,– 800 с.
35. Большая советская энциклопедия. Том 3.– Сов. Энцик.,– 800 с.
36. Бондарко А.В. Аспекты системного анализа грамматических единств. Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. А. В. Бондарко //Сб. статей в честь проф. С.Г.Ильенко.-С.-

- Петербург,2000.-С.96-97.
37. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст /А. В. Бондарко -Л.: Наука, 1971.-С.8-10.
 38. Бондарко А.В. Грамматические значение и смысл / А. В. Бондарко - Л:1978.
 39. Бондарко А.В. К функциональному анализу элементов разных языках уровней / А. В. Бондарко // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. 2001-Ъ., 1969.- С.246-256ю
 40. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко -Л:,1976.
 41. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко –Л.: Наука, 1984.- 134 с.
 42. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Термин / Ф.А. Брокгауз, И. А. Ефрон // Энциклопедический словарь. А.Ф. Брокгауз Т. XXX.- СПб., 1901. -С. 957-958.
 43. Будагов Р. А. Слово и его значение / А.Р. Будагов -М.:Наука, 1947. - С. 24-37.
 44. Букреева В.А. Функционально-семантическое поле единичности в современном английском языке. /А.В. Букреева Автореф.дисс...канд.филол.наук. М.1985
 45. Булаховский Л.А. Введение в языкознание / А.Л. Булаховский Ч. II. - М.: Учпедгиз, 1953. - 178 с.
 46. Бурлакова В. В. Синтаксические структуры современного английского языка / В.В. Бурлакова -М.: Просвещение, 1984.- 111 с.
 47. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка / И.Ф. Буслаев Ч.2.-м.,1844.
 48. Васильева Э.П., Харьковская А.А. Категория количества и ее отражение в английском языке / Э.П. Васильева // Лингвистика.№1, 1996.

49. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов. Лексикология и лексикография. Изб. пр. / В.В. Виноградов -М.: Наука,1977.-С.166.
50. Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // В.В. Виноградов Вопросы языкознания, 1960 № 5. -С. 8 -12.
51. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. В.В. Виноградов - М.: Высшая школа, 1972. - 614 с.
52. Виноградов В. В. Современный русский язык. Введение в грамматическое учение о слове, вып. I. / В. В. Виноградов М., 1938. -С. 110-111.
53. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов -М.: Наука, 1975. - 599 с.
54. Винокур Г.О. К вопросу о норме в художественной речи. О.Г. Винокур // Синтаксис и норма.-М.,1974,С.267-282.
55. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. О.Г. Винокур - Труды МИИФЛ. Т. V. Москва, 1939, -С. 48-55
56. Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка./ Н.Г. Воронцова -М.: Издательство иностранной литературы, 1990-399с.
57. Гайнутдинова А.Г. Семантические особенности фразеологии русского и английского языков.// Г.А. Гайнутдинова Вопросы лингвистики-Душанбе: Изд-во Российского-Таджикского (славянского) ун-та, 2004,С.101-108.
58. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматика // В. Г. Гак Проблемы структурной синтагматики.-М., 1971 С. 58-69.
59. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология- / В. Г. Гак М.: Изд. Международные отношения, 1977.-264с.
60. Галкина-Федорук, Е.М и др. Современный русский язык. Лексика. Курс лекций [для вузов]. Е.М. Галкина-Федорук -М.: Изд. Моск. ун-та, 1954. - 204 с.

61. Галкина-Федорук, Е.М. и др. Современный русский язык / Е.М. Галкина-Федорук Лексикология. Фонетика. Морфология. [Учеб. пособие для фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов]. Изд. 2-е, испр. - М.: Учпедгиз, 1957. - 408 с.
62. Гвишиани, Н. Б. Язык научного общения: вопросы методологии / Н. Б. Гвишиани -М.: Высшая школа, 1986. - 280 с.
63. Глисон, Г. Введение в дескриптивную лингвистику. Перевод с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат Г. Г. Глисон -М.: Изд-во. иностр. лит., 1959.- 486 с.
64. Глушак Т.С., Семенова С.К. К проблеме обоснования статуса функционально-семантической категории в языке. С. Г. Глушак. С.К. Семенова Вопр. языкозн. 1980. №2.-С 54-63.
65. Головин, Б. Н., Кобрин, Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. Н.Б. Головин. - М.: Высшая школа, 1987.- 104 с.
66. Грамматика русского языка. В 2-х т.- М.: Изд. АН СССР, 1960. Т1.- 719с.
67. Грамматика современного русского литературного языка, под. ред. Ш. Рустамова- М.; Наука, 1970. – 768 с.
68. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. ҷ. 1. Фонетика ва морфология. Душ. 1985. – 356 с.
69. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Фонетика ва морфология. Ҷ. 1. - Душанбе: Дониш, 1985. -356 с.
70. Гулыга, Е.В., Шендельс, Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга. Е. И. Шендельс -М.: Просвещение, 1969.с.9.
71. Гулыга, Е.В., Шендельс, Е.И. О компонентом анализе значимых единиц / Е.В. Гулыга. Е. И. Шендельс Принципы и методы семантических исследований.-М.:Наука,1967.
72. Гуткина М.А. Отглагольное существительное и возникновение герундия в среднеанглийских период (XII-XV вв.) / А.М. Гуткина -

- Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1962. - 24 с.
73. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко -М.: Наука, 1977.-245с.
 74. Даниленко, В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов терминов / В. П. Даниленко Исследование по русской терминологии. -М.: Наука, 1971.-С. 13-18.
 75. Даниленко, В.П. Лингвистические требования к стандартизуемой терминологии // В. П. Даниленко Терминология и норма. - М.: Наука, 1972.- С. 213-216.
 76. Даниленко, В. П. Стандартизованные термины: лингвистическая правильность / В. П. Даниленко РР. 1986.- № 5.- С. 61-67.
 77. Дегтярев В.И. Категория числа в славянских языках / И.В. Дегтярев - Ростов на Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1982 319с.
 78. Джамshedов П. Дж. Английский таджикский словарь / Дж. П. Джамshedов. Душанбе 2005 г. 1202 с.
 79. Джамshedов П.Дж., Сайдмамадов А.А. Сравнительная-типология английского и таджикского языков. / Дж. П. Джамshedов, А.А. Сайдмамадов. Душанбе, 1988. – Душанбе, 2008. – 978 с.
 80. Джумаев А. Лексико-грамматические особенности нумеративов и нумеральных слов в таджикском языке. Автореф. дисс....канд. филол.наук.10.02.20 / А. Джумаев -Л.,-1987-23с.
 81. Додихудоев, Р.Х., Герценберг Л.Г. Таърихи забони тоҷикӣ / Х.Р. Додихудоев –Д.: Маориф, 1988.- 216 с.
 82. Есперсен, О. Философия грамматики. Пер с англ. В.В. Пассека и С.П. Сафроновой. О. Есперсен – М.: Изд-во иностр. лит., 1958 - 404 с.
 83. Жаботинская С.А. Числительные современного английского языка: К вопросу о категориальном статусе. Автореф. дисс...канд филол. наук. А. С. Жаботинская 1982-24с.
 84. Жеребков В.А. О грамматической категории времени // А.В. Жеребков - 1977,-№2. –С.42-53.

85. Жирмунский, В.М. О границах слова. - В кн: Морфологическая структура слова в языках различных типов. В.М. Жирмунский –М.: - Ленинград, 1963. - с. 6-33.
86. Жирмунский, В.М. О природе частей речи и их классификации // В.М. Жирмунский Вопросы теории частей речи; АН СССР. Ин-т языкознания. -Л., 1968. - С. 7-32.
87. Забони адабии хозираи тоҷик. Лексикология, фонетика ва морфология. Душ, 1973.
88. Забони адабии хозираи тоҷик. Синтаксис. Душ, 1970.
89. Засорина, Л.Н. Введение в структурную лингвистику / Н. Л. Засорина - М.: Высшая школа, 1974. -319 с.
90. Захарова Е.В. Категория количества и лексико-грамматические разряды имен существительных // Е.В. Захарова ФН. № 9. 1987. С 54-62.
91. Зятковская, Р.Г. Формальная и функциональная структура слова. Р.Г. Зятковская -Калинин: Калининск. гос. ун-т., 1983.-75 с.
92. Иванова, И. П. Хрестоматия по истории английского языка. И. П. Иванова Пособие для студентов пед. ин-тов. -Л: Просвещение, 1973. - 182 с.
93. Иванова, И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: И. П. Иванова Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз -М.: Высшая школа, 1981.-285 с.
94. Иванова, И. П., Чахоян Л.П. История английского языка. И. П. Иванова., Л.П. Чахоян -М.: Высшая школа, 1976. - 319 с.
95. Игнатьева Э.В. Средства выражения количественных отношений в системе имени в структуре английского языка. Автореф. дисс...канд.филол. наук. Э.В. Игнатьева 1982
96. Ильиш Б.А. История английского языка. / А.Б. Ильиш. –Л.: Просвещение, 1973. -351 с.
97. Ильиш, Б.А. Значение предлогов в современном английском языке.

- А.Б. Ильиш -Учен. Зап. ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1958, т. 157, с. 3-13.
98. Ильиш, Б.А. Современный английский язык. // А.Б. Ильиш -М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1948. - 347 с.
99. Ильиш, Б.А. Строй современного английского язык: учебник по курсу теорет. грамматики для пед. ин-тов. Изд. 2-е. А.Б. Ильиш -Л.: Просвещение, 1971. -366 с.
- 100.Канделаки, Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. Т.Л. Канделаки -М.: Наука, 1977.- 167 с.
- 101.Капанадзе, Л. А. О понятиях "термин и терминология" // А. Л. Капанадзе Развитие лексики современного русского языка. - М.: Наука, 1965.-С. 75-76.
- 102.Капанадзе, Л.А. Взаимодействие терминологической лексики с общелитературной: на материале русского языка: автореф. дис...канд. филол. наук. А. Л. Капанадзе - М., 1966.- 21 с.
- 103.Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов -М.: Наука, 1976.
- 104.Каращук, П. М. Словообразование английского языка / М.П. Каращук - М.: Высшая школа, 1977. - 303 с.
- 105.Каушанская, В. Л., Ковнер, Р. Л., Кожевникова, О.Н., Прокофьева Е.В., Райнерс З.М., Сквирская С.Е., Цырлина Ф.Я. Грамматика английского языка. -М.: Айрес-Прес, 2010. -384 с.
- 106.Кобрина, Н.А., Корнеева, Е.А., Оссовская, М. И., Гузеева, К. А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис. - Санкт-Петербург:Союз, 1999. - 496 с.
- 107.Колесникова, Е.А. К проблеме становления русской лингвистической терминологии (вторая половина XVIII- первая треть XX вв.): лексикологический и лексикографический аспекты: автореф. дис...канд. филол. наук. А.Е. Колесникова -СПб., 2011. -22 с.
- 108.Комарова, З.И. О сущности термина. В кн.: Термин и слово. / И.З. Комарова Межвузовский сборник. - Горький: Изд. ГГУ, 1979. -С. 3-13

109. Коньюшевич М.И. Синтаксис близкородственных языков. / И.М. Коньюшевич Типология языка и речевое мышление.-Л.; 1972.С.188.
110. Коньюшевич М.И. Синтаксис близкородственных языков. / И.М. Коньюшевич Тождество, сходство, различия.1989.-157с.
111. Котелова. Н.З. К вопросу о специфике термина // З. Н. Котелова Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. -М.: Наука, 1970. -С. 122-126.
112. Кошечая, И.Г. Проблемы языкознания и теория английского языка. И. Г. Кошечая -М.: Просвещение, 1976.-258с.
113. Кошечая, И.Г., Дубовский, Ю.А. Сравнительная типология английского и русского языков / И. Г. Кошечая -Минск.: 1980.-270с.
114. Кубрякова Е.С. О типах морфологической членимости слов, квазиморфах и маркерах. Вопр. языкозн Е.С. Кубрякова - 1970.-№2.-С.78-90.
115. Кубрякова, Е. С. Основы морфологического анализа.Е.С. Кубрякова - М.: Наука, 1974.-С.318.
116. Куликова, И.С., Салмина, Д. В. Введение в металингвистику текст. И.С. Куликова Д.В. Салмина - СПб.: Сага, 2002. - 352 с.
117. Лаврова, Н.Н. Антонимия лингвистических терминов // Н.Н. Лаврова Термин и слово. -Горький: ГГУ, 1979. -С. 62-63
118. Лаврова, Н.Н. Предметная отнесенность и функционирование термина «категория состояния» // Н.Н. Лаврова Термин и слово. Предметная отнесенность и функционирование терминов. - Горький: ГГУ, 1983. -С. 30-37.
119. Лебедева Ю.Г. Звуки, ударение и интонация. Ю.Г. Лебедева –: Русский язык, 1975. – 295 с.
120. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века// В. М. Лейчик Вопросы филологии. -2000. -№2 (5). -С. 20-30
121. Лейчик, В.М. О языковом субстрате термина // В. М. Лейчик Вопросы языкознания.-1986. -№5. - С.87-97.

122. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 686 с.
123. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. / Т.П. Ломтев Избранные работы.-М.,381с.
124. Лотте, Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. Д.С. Лотте -М.: Наука, 1982. - 152 с.
125. Лотте, Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопр. теории и методики текст. / Д С. Лотте. М.: Изд-во АН СССР, 1961. - 158 с.
126. Львов, Л.А.. Аспектуальные классы полнозначительных глаголов в английском языке // А.Л. Львов Лексическая семантика и части речи. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1986. - 130 с.
127. Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. К.Е. Майтинская – М.: Наука, 1969.
128. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. Ю.С. Маслов - М.: Высш. школа, 1975.-278с.
129. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание: / Ю.С. Маслов учебник для филол. спец. вузов. -2-е изд., перераб. И доп. - М.: Высшая школа, 1987. - 272 с.
130. Маслов, Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Ю.С. Маслов Вопросы сопоставительной аспектологии. – Л.:Изд-во ЛГУ, 1978.- С. 4-44.
131. Матвеева Г.Н. История имени числительного. / Н.Г. Матвеева - Новосибирск: Изд. Новосибирского пединститута, 1961.-30с.
132. Маулер, Ф.И. Грамматическая омонимия в английском языке. Ф.И. Маулер Часть 1.- Орджоникидзе: С-ОУ, 1977. -92 с.
133. Маулер, Ф.И. Грамматическая омонимия в современном английском языке. / Ф.И. Маулер Ростов, 1983. -136 с.
134. Махиева, Л.Х. Формирование и развитие лингвистической терминологии карачаево-балкарского языка: автореф....кан. филол.

- наук: / Махиева Людмила Хамрагалиевна. -Нальчик, 2003.-21 с .
- 135.Медведева Н.Г. О функционально-семантическом описании категории пассива в современном английском языке.// Н.Г. Медведева Вестник Киевского ун-та. Романо-германская филология. -1978 Вып. 12.-С.32-39
- 136.Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи. И.И. Мещанинов -Л.: Наука, 1978.-387с.
- 137.Мещанинов, Н.И. Понятийные категории. // Н.И. Мещанинов Труды воен. ин-та иностр.яз.-№1. -М.; 1945.-С. 7,14-15.
- 138.Мещанинов, И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов / И.И. Мещанинов -Л.:Наука,1967.-248с.
- 139.Михайловская Н.Г. О теоретических и практических задачах изучения русского языка как средства межнационального общения. // Н. Г. Михайловская Журн. «Вопросы языкознания», 1983, №5.-с. 28.
- 140.Моисеев, А. И. К определению термина // А. И. Моисеев Семиотические проблемы языков науки, терминологии, информатики. –М.: изд-во МГУ, 1971, ч.2. - С. 336-338
- 141.Моисеев, А. И. О языковой природе термина// А. И. Моисеев Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.:Наука, 1970. -С. 127-138.
- 142.Моисеев, А.И. К определению терминов в словарях // А. И. Моисеев Проблематика определений терминов в словарях разных типов.- Л.: Наук, 1976. -С.243-250.
- 143.Мухторов З. Таърихи забони тоҷикӣ. З. Мухторов – ш. Душанбе: Ҳумо, 2003. - 153 с.
- 144.Науменко Н.И. Средства передачи значения размытого количества именем числительным в современном английском языке. Автореф. дисс...канд. филол. наук. И.Н. Науменко Л., 1984, 19с.
- 145.Немкова, Л.П. Согласование времен в древнеанглийском языке в

- сопоставлении с древнеисландским. Л.П. Немкова -Ленинград: ГПИ,
1972.- 70 с.
- 146.Никитин, М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании / М.
В. Никитин -М.,1974.
- 147.Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании: / Т. М. Николаева
На материале славянских языков. -М.: Наука, 1985. -170 с.
- 148.Нисорӣ, Х. Ҳ. Чаҳор гулзор. Х. Ҳ. Нисорӣ –Д., 1998. -116 с.
- 149.Новикова А.С. Старославянский язык. – А. С. Новикова Москва:
МГУ, 1984. -276 с.
- 150.Ҳусейнов Х. Шукурова К. Луғати терминҳои забоншиносӣ. Х.
Ҳусейнов. К. Шукурова – Душанбе: Маориф, 1982. – 257 с.
- 151.Овсяников – Куликовский, Л. Н. Руководство к изучению синтаксиса
русского языка. Л. Н. Овсяников – Куликовский Изд. 3-е, М., 1912.
236+4 с.
- 152.Овсяников – Куликовский, Л. Н. Синтаксис русского языка. Л. Н.
Овсяников– Куликовский СПб., 1912 -С. 5-6
- 153.Ондурс Павел. Количественные слова в системе частей речи //
Ондурс Павел ФН. 1971,№1,с. 59-67.
- 154.Панфилов В.З. Грамматика и логика / В. З. Панфилов 1963, 357с.
- 155.Панфилов В.З. Типология грамматической категории числа и
некоторые вопросы ее исторического развития. // В. З. Панфилов
ВЯ. 1976.№4,с. 19-26. Наука, 1977, 287с.
- 156.Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. В. З.
Панфилов -М.: Наука, 1977,287с.
- 157.Перельман И.Д. Живая математика. И. Д. Перельман М.: Наука,
1965, 174с.
- 158.Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении.А. / М.
Пешковский - М.: Учпедгиз,1956.511с.
- 159.Почепцов Т.П. Конструктивный анализ структуры предложения.
Киев: / Т.П. Почепцов Вища школа,1971,191с.

160. Пифагор Философия деревенного мира [1957-112]
161. Рассказова, О.А. К вопросу о функционально-семантической категории. // А. О. Рассказова Вестник Харьков. Ун-та.- 1979.- №185.- Иностранные языки.- Вып. 12.-С. 48.
162. Расторгуева Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка. Т.А. Расторгуева -М.: Высшая школа, 1989.-279с.
163. Расторгуева Т.А. О некоторых исторических изменениях в структуре поля. // Т.А. Расторгуева Сб. науч. трудов: МГПИИЯ, 1979,-Вып.25.- С.65-73. Английского языка.-М.: Высшая школа, 1989.-279с.
164. Реформатский А.А. Введение в языковедение А. А. Реформатский – М.: Просвещение, 1967.-542с.
165. Реформатский, А.А. Число и грамматика// А. А. Реформатский Лингвистика и поэтика.- М., 1987.-с76-87.
166. Реформатский, А. А. Введение в языкознание. А. А. Реформатский - М.:Аспект Пресс, 2005. -536 с.
167. Реформатский, А. А. Мысли о терминологии // А. А. Реформатский Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука 1986.- С. 165-198.
168. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология // А. А. Реформатский Вопросы терминологии. М.: Наука, 1961. - С. 46-54.
169. Реформатский, А.А. Введение в языкознание./ А. А. Реформатский учебное пособие для пед. ин-тов. -М.: Учпедгиз, 1955. - 400 с.
170. Реформатский, А.А. К вопросу о фоно - морфологической делимитации слова// А. А. Реформатский Морфологическая структура слова в языка различных типов. - Москва-Ленинград: АН СССР, 1963. -С.60-76.
171. Реформатский, А.А. Термин как член лексической системы языка // А. А. Реформатский Проблемы структурной лингвистики. -М.: Наука, 1968. - С. 103-126.
172. Рождественский, Ю.В. Общее языкознание / Рождественский Ю. В. -

- М.: Высш. школа. 1990.-380с.
173. Рослякова, Э. М. Наречие среднеанглийского периода и его грамматическая валентность. Э. М. Рослякова –Л.: ЛГПИ, 1971. -24 с.
174. Рустамов Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке: Автореф диссе док филол наук. Ш. Рустамов – Душанбе, 1972 с.
175. Рычкова Е.Л. О способах выражения количественности в языке и речи. // Е. Л. Рычкова Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика. Международная науч. конф. В 2т.-Казань:Изд-во Казанск. ун-та. 2001. Т.1. С 168-169.
176. Савицкая С. А. Имя числительное в современных славянских языках.// С. А. Савицкая Труды Одесского ун-та, Серия филол. наук. 1958. т. 148, в ып. 7. С. 43-49.
177. Святский, В.Г. Иерархия смысловой структуры и семантические процессы в терминоосновах с комбинирующей формой//В. Г. Святский Семантика и структура слова. - Калинин: КГУ, 1985. -С. 95-110
178. Секирин, В.П. Заимствования в английском языке. / В. П. Секирин - Киев: Киевского ун-та, 1964. - 152 с.
179. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика: Н.О. Селиверстова Опыт описания. М.:наука, 1990.-150с.
180. Семенова С. К. Система средств выражения функционально-семантической категории результативного состояния в современном немецком языке. / С.К. Семенов Автореф. дисс...канд. филол. наук. - Минск, 1977с.
181. Сепир Э. Язык. - М-Л: 1934. -С. 22
182. Сино, А. Сочинения. Том первый. – Д.: Дониш, 2005.-960 с.
183. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. / А. Н. Слюсарева -М.: Наука, 1981 6206 с.

184. Слюсарева, Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. / А. Н. Слюсарева -М.:Наука, 1986. - 216 с.
185. Смирницкий А.И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. // И. А. Смирницкий Докл. И сообщ. филол. ф-та.-М.: Изд. МГУ, 1948.- Вып.5.-С. 21-26.
186. Смирницкий, А. История английского языка (средний и новый период). И. А. Смирницкий -М.: Издательство Московского университета, 1965.- 138 с.
187. Смирницкий, А.И. Древнеанглийский язык / И. А. Смирницкий -М.: Литературы на иностранных языках, 1955. -320 с.
188. Смирницкий, А.И. К вопросу о слове (проблема тождества слова) // И. А. Смирницкий Науч. труды ин-та языкознания АН ССР, т.4.- М., 1954. С.6-10.
189. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / И. А. Смирницкий -М.: -Изд. лит-ра на ин. языке. 1956-260с.
190. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка / И. А. Смирницкий. -М.:Литературы на иностранных языках, 1959. -440 с.
191. Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия / А. П. Соболева –М.: Наука, 1980, 294с.
192. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де. Соссюр; [русский перевод]. М., 1933, -С. 107.
193. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию. / Ф. де. Соссюр Пер. с фр. -М.: Прогресс, 1977. - 695 с.
194. Стальмашевская Е.В. Однотипные лексико-семантические группы прилагательных со значением «большой» в английском и русском языках: / Е. В. Стальмашевская Автореф. дисс...канд. филол. наук.- М., 1973.30с.
195. Стеблин-Каменский, М.И. О предлоге и предложном словосочетании: на материале норвежского языка. - Тр. Ин-та языкознания АН СССР,

- 1959, т. IX. -С. 237-256
196. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов М.: Просвещение, 1975.-271 с.
197. Степанова М.Д. Вопросы моделирования в словообразовании и условия реализации моделей. // Д.М. Степанова Вопросы языкознания.- 1975,-№4.-С 53-58.
198. Суперанская. А. В., Подольская, Н.В., Васильева, Н.В. Общая терминология: вопросы теории -М.: УРСС, 2009. -248 с.
199. Супрун А.Е. Имя числительное и его изучение в школе. М., 1964. 159 с.
200. Супрун А.Е. Общая характеристика семантики количественности. // А. Е. Супрун Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность.- Спб, 1996.С.56-61
201. Супрун А.Е. Производство существительных с корнями числительных. / А. Е. Супрун -Фрунзе, 1961.-68с.
202. Супрун А.Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. / А. Е. Супрун - Минск: Изд-во БГУ им. Ленина, 1969.-232с.
203. Супрун А.Е. Старославянские числительные. / А. Е. Супрун -Фрунзе. 1961.-107с.
204. Тагоева, Т.М. Возникновение и реализация общего грамматического значения количественности в системе частей речи // Т.М. Тагоева Материалы науч.-практич. конф., посвящен. 75-летию факультета англ. яз. ТГПУ им. С.Айни. – Душанбе, 2015. –С. 333-339.
205. Тагоева, Т.М. Выражение категории количественности в таджикском и английском языках // Т.М. Тагоева Материалы науч.-теоретич. конф. - Курган-Тюбе, 2005. -С. 104-105.
206. Тагоева, Т.М. Генезис числительных в английском и таджикском языках» / Т.М. Тагоева Вестник Таджикского национального университета.- 2015,- № 4/4 (171). - С. 30-33.

207. Тагоева, Т.М. К теоретическим предпосылкам проблемы количественности в языкознании // Т.М. Тагоева Проблемы перевода и его лингвистические аспекты: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. Душанбе. 23-24 января 2014. –С. 325-338.
208. Тагоева, Т.М. Категория количества в философском и логико-математическом освещении / Т.М. Тагоева // Вестник Таджикского национального университета. - 2015.- № 4/10 (187) -С. 11-14.
209. Тагоева, Т.М. Классификация нумеральных существительных таджикском и английском языках / Т.М. Тагоева // Вестник Таджикского национального университета. – 2015.-№ 4/5 (174). –С. 46-52.
210. Тагоева, Т.М. Количественные отношения в системе существительных / Т.М. Тагоева // Вестник Таджикского национального университета.- 2008.-№ 8. –С. 73-75.
211. Тагоева, Т.М. Место числительных в ФСП количественности в английском и таджикском языках / Т.М. Тагоева // Вестник Таджикского национального университета. -2015. – № 4/6 (177).-С. 77-82.
212. Тагоева, Т. М. Общая характеристика места числительных в функциональных семантический полей количества в английском и таджикском языках / Т.М. Тагоева // Вестник Таджикского государственного педагогического университета им. С.Айни. -2015,- №3 (64). - С. 112-115.
213. Тагоева, Т.М. Общая характеристика структурно-словообразовательного производства числительных в таджикском и английском языках» / Т.М. Тагоева // Вестник Таджикского национального университета. - 2015.-№ 4/7 (180). –С.46-51.
214. Тагоева, Т.М. Отражение категории количества в имени числительном / Т.М. Тагоева // Вестник Таджикского национального университета. - 2015.-№ 4/9 (185) – С. 90-92.
215. Тагоева, Т.М. Отражение категории количества в системе глагола / Т.М. Тагоева // Вестник Таджикского национального университета. - 2015.-№ 4/9 (185).–С. 18-20.

216. Тагоева, Т.М. Проблемы теории поля в современной лингвистике / Т.М. Тагоева // Вестник Таджикского национального университета. 2014, 4/3. –С. 34-39.
217. Тагоева, Т.М. Система нумеративов в английском и таджикском языках / Т.М. Тагоева // Вестник Таджикского национального университета.- 2015. - № 4/8 (183). - С. 93-95.
218. Тагоева, Т.М. Способы выражения категории количества в системе существительных в таджикском и английском языках / Т.М. Тагоева // Вестник Таджикского национального университета. - 2015.-№ 4/10 (187).–С. 51-53.
219. Тагоева, Т.М. Структура ФСП количественности в разносистемных языках // Т.М. Тагоева Вопросы лингвистики. Душанбе: РТСУ, 2004. –С. 157-165.
220. Тагоева, Т.М. Структурно-семантическая организация ФСП количественности в английском и таджикском языках / Т.М. Тагоева // Вестник Таджикского национального университета. -2014. –№ 4/4.- С. 98-99.
221. Тагоева, Т.М. Структурно-семантическое сопоставительное исследование ФСП количественности в таджикском и английском языках / Т.М. Тагоева. -Душанбе: РТСУ, 2005. - 54 с.
222. Тагоева, Т.М. Структурно-словообразовательные модели числительных в таджикском и английском языках // Т.М. Тагоева Материалы науч—теоретич. респ. конф. Душанбе: РТСУ, 2012 г. - Душанбе, РТСУ, 2012.-С. 6 - 11.
223. Тагоева, Т.М. Структурные типы производства числительных в таджикском и английском языках / Т.М. Тагоева // Вестник Таджикского национального университета. -2015. – № 4/8 (183).- С. 37-44.
224. Тагоева, Т.М. Функционально-семантическое поле количественности в английском таджикском языках / Т.М. Тагоева. - Душанбе: РТСУ, 2006. - 148 с.
225. Тарасова, Е.В. Грамматико-лексическое поле как единица сопоставительного ареального анализа.// Е. В. Тарасова Вестник

- Харьков. ун-та. 1978.-Вып. 170.-С. 71-75
- 226.Топоров В.Н. Локатив в славянских языках. / В.Н. Топоров – АН СССР, 1961. – 379 с.
- 227.Тронский И. М. К семантике множественного числа в германских и латинском языках// И. М. Тронский Учен. зап. Ленингр. ун-та,-№69.- Серия филол.- Вып. 10. –Л., 1946.-С. 54-70
- 228.Тураева З. Я., Биренбаум Я. Г. Некоторые особенности категории количества (на материале английского языка)// З. Я. Тураева ., Я. Г. Биренбаум Вопр. языкознания.-1985.-№4. –С. 122-130
- 229.Тураева З.Я., Биренбаум Я.Г. Еще раз о функционально-семантической категории количества // З. Я. Тураева ., Я. Г. Биренбаум Коммуникативно и структурно обусловленные модификации единиц языка. –Л.: Изд. Ленингр. гос. пед.ин-та, 1988. –С. 110-121.
- 230.Уфимцева А.А. Теория «семантического поля» и возможности ее применения при изучении словарного состава языка// А. А. Уфимцева Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике.-М.,1961
- 231.Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. / А. А. Уфимцева -М.: наука, 1974.-206с.
- 232.Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы./ А. А. Уфимцева -М.: Изд. АН СССР 1962.-С.44
- 233.Ф.Энгельс, Диалектика природы, госползоват [М150-5]
- 234.Федоров А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики./ А. В. Федоров -М.:Высш. шк., 1971. -194с.
- 235.Филин Ф.П. Лексика русских народных говоров. / Ф.П. Филин –М.-Л.: Наука 1966,-223с.
- 236.Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение // Ф.Ф. Фортунатов Избр. тр.: В 2-х т.-М.: Учпедгиз, 1956.-Т. 1.-С. 23-199.
- 237.Фортунатов, Ф.Ф. Сравнительное языковедение./ Ф.Ф. Фортунатов –

- М., 1901. - С. 235.
238. Харитончик, З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка./ З.А. Харитончик - Минск: Вышэйшая школа, 1986. - 96 с.
239. Химик В. В. Количественность в структуре простого предложения современного русского языка: /В.В. Химик Автореф. дисс... канд. филол. наук. –М., 1978,-15с.
240. Холодович В. А. Категория множества в японском языке в свете общей теории множества // А. В. Холодович Учен.зап. Ленинигр. ун-та- №69. – Сер. филол. наук.–Л., 1946, вып. 10.-С. 15-36.
241. Холодович, А. А. Проблемы грамматической теории. / А. А. Холодович -Ленинград: Наука, 1979.-304 с.
242. Чейф У. Данное, конструктивность, определенность, подлежащее, топик и точка зрения // У. Чейф Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике.-М., 1982.-С. 356-375.
243. Чемерис, И. Б. Английская лингвистическая терминология: становление и эволюция: дис...канд. филол. наук: / Чемерис Ирина Борисовна. -М., 1999. -153 с .
244. Черданцева Т.З. Язык и его образы (Очерки по итальянской фразеологии). / Т. З. Черданцева –М.: Междунар. отношения, 1977.- 167с.
245. Чернюк И.И. Количественные градации в системе имен английского языка: / И. И. Чернюк Автореф. дисс. ..канд. фил. наук. –М., 1978.- 20с.
246. Чеснокова Л. Д. Выражение категории количества глагольными формами современного русского языка // Л.Д. Чеснокова Вопр. языкознания.-1983.-№6.-С.82-90
247. Чеснокова Л.Д. Категория неопределенного множества и семантические формы мысли // Л.Д. Чеснокова Семантика

- грамматических форм.- Ростов н/Д: Рост.гос. пед. ин-та, 1981.-С.21-31.
248. Читалина Н.М. Значение имени существительного в форме единственного числа и его применение в различных синтаксических функциях в современном английском языке: Н.М. Читалина Автореф. дисс. ...канд. филол. наук.-М., 1961.-16с.
249. Шапиро, А.Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? / А. Б. Шапиро - ВЯ, 1955, № 2. -С. 46.
250. Шахматов А. А. Из трудов по современному русскому языку А. А. Шахматов- М.: Учпедгиз, 1952.-271с
251. Швачко С.А. Эволюция функционирования слов измерителей в системе английского языка(на материале слов меры и веса): / С. А. Швачко Автореф. дис. ... канд. филол. наук.-Киев, 1971.- 198с.
252. Швачко С.А. Языковые средства выражения количества в современной русском, украинском языках./ С. А. Швачко -Киев: Вища шк.,1981.-144с.
253. Швачко С.А. Английские числительные и их место в лексико-семантическое поле количества: / С. А. Швачко Дис д-ра филол. наук.- Сумы, 1983-360 с.
254. Шендельс Е. И. Совместимость / несовместимость грамматических и лексических значений // Е. И. Шендельс Вопр. языкознания.- 1982.- .№4.-С. 35-51.
255. Шор, Р.О., Чемоданов, Н.С. Введение в языкознание.Р. О. Шор. Ч. С. Чемоданов -М.: 1945. -С. 63
256. Шошин Л. В. Размытые числа как средство описания субъективных величин // Л. В. Шошин Статистические методы анализа оценок.- М.: Наука, 1977.-С. 234-250.
257. Шубина, Е.С. К гносеологическому и онтологическому анализу категории времени // Е. С. Шубина Романское и германское языкознание. -Минск, 1977. -№7. -С. 74-81.

258. Шульце Л. Теория нечётных и многозначная логика // Л. Шульце
Философские науки.- 1983.-№6.С. 121-127.
259. Щebetенко Е. В. Группа квантификаторов как лексико-
грамматическая система выражения количества в английском языке:
/ Е. В. Щebetенко Автореф. дис., канд. филол. наук. М, 1977.-22с.
260. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // Л. В. Щерба
Избранные работы по языкознанию и фонетике. -Л. Просвещение,
1955.- С.5-24.
261. Щерба, Л.В. Восточнолужицкое наречие. т. II. /Л.В. Щерба. - Пг. -С.
75.
262. Щерба, Л.В. О частях речи в русском языке // Л. В. Щерба Русская
речь. Новая серия, 1928. II.-С. 5-27.
263. Щерба, Л.В. О частях речи в русском языке // Л. В. Щерба Языковая
система и речевая деятельность. - М.: Едиториал УРСС, 2004. -432 с.
264. Щетинкин В.Е. Система грамматических категорий имени во
французском языке: / В. Е. Щетинкин Автореф. дис. ... д-ра филол.
наук.. – Л., 1974.-38с.
265. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике. / Г. С. Щур - М.:
Наука, 1974.-С.202-213.
266. Эдельман Д.И. К генезису вигезимальной системы числительных. //
Д. И. Эдельман ВЯ, 1975, №5. –С. 62-65.
267. Энанкулов А. У., Рахматова В. С. Фразеологические единицы
микросистемы 'много' в современном французском языке в
сопоставлении с русским и узбекским языками // А .У. Энанкулов
Вопр. фразеологии.-Самарканд: Изд-во Самарканд, ун-та, 1984.-С.
91-94.
268. Языковая номинация. Общая вопросы.-М. Наука, 1977.-359с.
269. Языковая номинация. Типы наименований;-М.: Наука, 1977.-3357с.
270. Якобсон Р.И. Избранные труды./ Р. И. Якобсон -М.: Прогресс,
1985.-455с.

271. Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка. / В. Н. Ярцева -М.: Наука, 1981.-111с.
272. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева -М.: Наука, 1981.-111с.
273. Ярцева, В.Н. Историческая морфология английского языка / В. Н. Ярцева – М.-Л.: Академии Наук СССР, 1960. - 196 с.
274. ЯЦУК Т.А. Семантическая характеристика группы кванторных слов в современном английском языке: / Т. А. ЯЦУК Автореф. дис... канд. филол. наук. –М., 1977.-24с.

Б. На таджикском языке

275. Қосимова, М. Н. Истилоҳоти қадимаи тоҷикӣ (маълумоти мухтасар). М. Н. Қосимова -Душанбе: Сино, 2007. -172 с.
276. Рустамов Ш. Исм: (категорияҳои грамматикӣ, калимасозӣ, ва мавқеи исм дар системаи ҳиссаҳои нутқ). Ш. Рустамов – Душанбе: Дониш, 1981. –216 с
277. Сабзаев С.М. Забон ва сабти баёни мавлоно Ҷалолиддини Балхӣ / С. М. Сабзаев Душанбе: Ирфон, 2014.-520 стр.
278. Сабзаев С.М. Забон ва услуби шоирони маорифпарвар. / С. М. Сабзаев Душанбе Маориф, 1991. -80 с.
279. Саймиддинов, Д. Вожашиноси забони форсии миёна. Д. Саймиддинов –Д.: Пайванд, 2001. - 320 с.
280. Саймиддинов, Д. Форсии бостон (овошиносӣ, грамматика, овонавишт, катибаҳои мехӣ ва вожаннома) / Д. Саймиддинов –Д.: Пайванд, 2008 -190 с.
281. Саймиддинов Д. Форсии бостон. / Д. Саймиддинов – Душанбе,- 90 с.
282. Сиёев Б. Ташаккули ҷонишинҳо дар забони тоҷикӣ. Б. Сиёев – Душанбе: Ирфон, 2002, - 497 с.
283. Сино. А. Осори мунтахаб. Ҷилди 1. / А. Сино -Д.: Ирфон, 1981. -477 с.

284. Султон, М. Ҳ. Становление и развитие персидско-таджикской научной терминологии. М. Ҳ. Султон – Д.: Дониш, 2008. -342 с.
285. Туси, Н. Ахлоқи Носирӣ. Н. Туси –Д.: Шучоиён, 2009. - 388 с.
286. Туси, Н. Меъёр-ул-ашъор. Н. Туси – Д.: Ориёно, 1992. - 152 с.
287. Уварова Х.А. Конверсияи шумораҳо. // Х. А. Уварова Вопросы лингвистики. –Душанбе: Изд-во Российско-Таджикского (славянского) ун-та, 2004, с. 153-156.
288. Хоча, Д. Ташаккул ва таҳаввули илми забоншиносии форсу тоҷик дар асрҳои миёна. Д. Хоча – Д.: Диловар - ДДМТ, 1998. - 152 с.
289. Хочаев, Д. Афкори забоншиносии тоҷик дар асрҳои X-XVI. / Д. Хочаев –Д.: Маориф ва фарҳанг, 2013. -344 с.
290. Хочаев, Д. Хоча Ҳасани Нисорӣ ва афкори забоншиносии ӯ. / Д. Хочаев – Д., 2004. -109 с.
291. Хусрав, Н. Зод-ул-мусофирин. Куллиёт (дар се ҷилд). Ҷ. 2./ Н. Хусрав - Д.: Ирфон. -С.7-400.

В. П. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

292. Adams, V. An introduction to Modern English Word-formation. - L.: Longman, 1973. -P. 21.
293. Armstrong, J.L. The Gerund in the 19-th Century English
294. Ball, A.M. Compounding in the English Language. N.Y., 1939
295. Barfield, O. History of English Words. London, 1954.
296. Benning, H.A. Welt und Mensch in der altenglischen Dichtung. - Beitrege zur englischen Philologie, 1961, H.44, S.112
297. Bloch. B. and Trager, G. Outline of Linguistic Analysis. Baltimore, 1942.-P. 67-68.
298. Bloomfield, L. Language. New York, 1933, p. 178.
299. Bloomfield, L. Language. London, 1950, p. 161
300. Blume, R. Uber den Ursprung und die Entwicklung des Gerundiums im Englischen, Bremen, Diss. 1880.

301. Bridges, R. On English Homophones. «Society for Pure English». Vol. I, Tract 2. Oxford, 1919
302. Buhler, R. Sprachtheorie. Jena, 1934. S. 298.
303. Burgschmidt E., GotzD. Kontrastive Liaguistik. Deutch-Englisch. Theorie und Anwer dung.-Michen: Hueter Hochbsdnde, 19"4.-288S.
304. Callaway, M. Concerning the Origin of the Gerund in English.
305. Clark, J.W. Study of Old and Middle English. London, 1957
306. Curme, G. O. History of the English Gerund. 1912.
307. Curme, G.O. A grammar of the English syntax, vol.3. N.Y., 1931, p. 315
308. Curme, G.O. English grammar. N.Y., 1953, p. 179-199
309. Doroszewski, W. ACIL VI, p. 139.
310. Dressles W. Studien zur verbalen Pluralitat. Iteralirum, Dia anbutivum, Durativum, Inter-sivura in der allgemeienen Grammalik, im Latemisehen und Hethenischen. – Wien: Komus-soinsverlag der Osterreichischem Akademieder, 1968. -253 S.
311. Duchachek, O. Le Champ Conceptuel de la beaute en Francais Moderne.-Praha.: D. Reidel Publ. House, 1968.-350p.
312. Einenkel, E. Die Entwicheltung des Englischen Gerundiums. 1914.
313. Emerson, O.F. A Brief History of the English Language. New York-London, 1941.
314. Firth, J. The Technique of Semantics. Transactions of the Philological Society, London, 1935, p. 54.
315. Fowler, H. W. and Fowler, F. G. The Concise Oxford Dictionary. - Oxford, 1911.
316. Fries, Ch. C. The structure of English. - New York: Harcourt Brace, 1956.- P. 69.
317. Glinz, H. Die innere Form des Deutschen, Eine deutsche Grammatic. Bern, 1952, S. 80.
318. Grammar for Number Names / Ed. By H. Brandt CorsiIUS.-

- Dordrecht-Holland: D. Reidel Publ. House, 1968.-350p.
319. Harris, L. Co-occurrence and transformation in linguistic structure - «Language», 1957, vol. 33, No.3 (part 1), p.338
 320. Harris, L. International Journal of American Linguists, vol. 1, 1947, p. 234.
 321. Harweg R. Grundzahlwort und unbestimmter Artikel.-Zeitschrift für Phonetik. Sp Wr wissenschaft und Kommunikationforschung. 73.- Bd26.- Helf 3'4.-S. 40-50.
 322. Hjelmslew, ACIL VI, p.493
 323. Hogg P.M. English Qualifiers Systems: Ardajn; New York: Oxford; North Holl'-Publ.Co., 1972.-179p.
 324. Hurford J. R. The Linguistic Theory.- Cambridge: Cambridge University Press, 1975.-II,293 p.
 325. Ipsen, Y/ Der alte Orient und Indogermanen. Stadt und Aufgaben der Sprachwissenschaft. – festaschrift für W.S Streitberg.- Heidelberg, 1924.
 326. Jagger J.H. Modern English. London, 1925.
 327. Jakobson, R. ACIL VI, p.7.
 328. Jespersen O. Essentials of English Grammar-London: 1956.-388 p.
 329. Jespersen O. A modern English Grammar on Historical Principles, vol. 1/ Copenhagen, 1949.
 330. Jespersen, O. Essentials of English Grammar / O. Jespersen. -London: George Allen & Unwin, 1933. - 387 p
 331. Jespersen, O. Growth and Structure of the English language. Leipzig, 1938.
 332. Jespersen, O. Growth and Structure of the English Language. Oxford, 1935
 333. Jespersen, O. The philosophy of Grammar. -London, 1935. -P. 313
 334. Kellner, L. Historical outlines of English Syntax.- London, 1892.
 335. Kennedy, A. Current English. -Boston, 1935.

336. Kennedy, A. G. *Current English*. -Boston: Ginn & Co, 1935. -737 p
337. Khaimovich, B.S., Rogovskaya, B.Y. *A course in English grammar*. M., 1967, p.221
338. Kimball, L.G. *The structure of the English sentence*. N.Y., 1960, p. 131-133
339. Koch, C.F. *Die Satzlehre der englischen Sprache*. 1865.
340. Koonin, A. *English lexicology*. Moscow, Text-Book Publishing House, 1940. -P. 115.
341. Kruisinga, R.A. *A handbook of present day English*. Part 2, Groningen, 1931, p. 283
342. Laziczius, J. *La definition du mot*. Cahiers Ferdinand de Saussure, 5, Geneve, 1945, p. 37.
343. Leech G. N. *Towards a Semantic Description of English*.-London: Harlow, 1969.-277p.
344. Lehrer, A. *Semantic Fields and Lexical Structure*.-N.Y.: North-Holland Publishing Company, 1987. – 110c.
345. Leisi E. *Das Wortinhalt. Seine Struktur im Deelschen und Englischen*.-2. erw. Aufl.-Heidelberg: Quelle u. Meyer, 1961.-131 S.
346. Little W., Fower H.W. Coulson J/*The Shorter Oxford English on Historical Principles*/1956.
347. Logeman, H. *The rule of S. Benet*. Edited with an introduction and notes by H. Logeman. -London, 1983.
348. Mac Gawley G.D. *Lexicographic Notes on English Quantifiers// Pepert from the Regional Meeting Shicago Linguistic Society*.-Chicago, 1977.-P. 32-383.
349. Marchand, H. *The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation*, 2 d Ed. Munchen, 1969.
350. Marchand, H. *The Categories and Types of Present-Day Word Formation*, p. 274.
351. Martinet, A.A *Functional View of Language*.- Oxford.: 1962.

352. Mathews, P.H. Morphology. An Introduction to the Theory of Word-structure. - Cambridge: Cambridge University Press, 1974. - 253 pp.
353. Mattusch, H.J. Zur functional-semantischen Kategorie der Modalitat (insbesondere der Imperativitat) in Russischen der Naturwissenschaften.[In: Kommunikativ-Funktionale Sprachbetrachtung.] Martin-Luther Universitet Halle-Wittenberg Wissenschaftliche Beitrage, 1977.-C.132-140.
354. Meillet A. Linguistique historique et linguistique generale. -Paris: Hachette, 1938, t.2.
355. Meillet, A. Introduction a l'etude comparative des langues indoeuropeennes. Paris, 1912, p. 338.
356. Meillet, A. Linguistique historique et linguistique generale, t. I. Paris. 1921. -P 31.
357. Meillet, A. Structure generale des faits linguistiques. Encyclopedie francaise, I, Paris. 1937.
358. Meillet, A. Sur la methode de la grammaire comparee. Revue de metaphysique et de morale, Paris. -P. 11
359. Menner, R. J. The conflict of Homonyms in English . «Language», vol. 21,2. 1936
360. Nesfield, J.C. English grammar, past and present. L., 1924. p. 72
361. Nesfield, J.C. Historical English and Derivation. London, 1931
362. Nida, E.A. Morphology. [The Descriptive Analysis of Words.]- University of Michigan Press, 1946.C. 82.
363. Noreen, A. - Pollak H.W. Einfuhrung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache. Halle, 1923, S. 446
364. Palmer, L.R. An introduction to Modern Linguistics. -London, 1936, p. 79.
365. Paul, H., Prinzipien der Sprechgeschichte. Halle (Saale), 1920
366. Pete 1981, 341-342;
367. Polivanov, E.D. Zur Frage der Betonungsfunktionen. Travaux du cercle

- linguistique de Prague, VI, 1936, p. 79
368. Porzig, W. Wesenhafte Bedeutungs-beziehungen. [Beiträge zur geschicht(te) der Deutschen Sprache und Literatur.]-Bd.58.-1934.
 369. Potter, S. Modern Linguistics. London, 1957
 370. Richards, J.C., Schmidt, R. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics text. / J.C. Richards, R. Schmidt. London: Pearson Education Limited, 2002. - 606 p.
 371. Ries, J. Zur Wortgruppenlehre. Prage, 1928
 372. Rusteberg, F.G. Historical Development of the Gerund in the English Language. - Gottingen, Diss. 1874.
 373. Sapir, E. Language. New York, 1921, p. 35.
 374. Schabram, H. Etymologie und Kontextanalyse S. 251.
 375. Schucking, L. Untersuchungen zur Bedeutungslehre der Angelsächsischen Dichtersprache. Heidelberg, 1915. S. 8
 376. Seiffert, L. Wortfeldtheorie und Strukturalismus. [Studien Zum Sprachgebrauch freidarks.]-Stuttgart.: 1968.-C.217,242.
 377. Setala, E. «Le mot». JSFOu, XLIII, 19332, P. 23Smith L. P. The English Language. London, 1930.
 378. Sweet, H. A new English grammar, logical and historical, vol. I. - London: Clarendon press, 1900. -P. 35-38; 50-52
 379. Sweet, H. A New English Grammar, Logical and Historical. -Oxford. - Pt. I. -1892; Pt. II. -1898.
 380. Sweet, H. Collected Papers. - Oxford: Clarendon Press, 1877.- 590 p
 381. Sweet, H. The Practical Study of Languages: A guide for teachers and learners / H.A. Sweet. - London: Bibliolife, 2014. -308 p
 382. Togeby Knud. Qu'est ce qu'un mot? Travaux du cercle linguistique de Copenhague, V, 1949, P. 110.
 383. Trier, J. Der Deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. [Die Geschichte eines Sprachlichen Felds.]-Heidelberg. Karl Winters Universitäts-buchhandlung, 1931.

384. Trnka, B. ACIL VI, p. 23.
385. Ulmann, St. The Principles of Semantics. Glasgow, 1951, p.30.
386. Vendryes, J. Le langage. Paris, 1921, p. 103
387. Weekley, E. The Romance of words. London, 1961
388. Weisgerber, L Von der Kraften der Deutschen Sprache.[Weltbuld der Deutschen Sprache Dusseldorf]-Pedagogischer Verlag Schann, 1950.-257p
389. Wood, F.T. An Outline History of the English Language. London

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

390. Асимова М.С. Русско-таджикский словарь. / М. С. Асимова Москва, 1985.-1276 с.
391. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов // О. С. Ахманова Изд. 5-е. -М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. -576 с.
392. Большой англо-русский словарь [Под ред. И.Р. Гальперина.] -М.:Рус. яз., 1987.-1455с.
393. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка/ В. И. Даль –: АН СССР, 1989. – 799 с.
394. Джамshedов П.Дж. Таджикско-английский словарь / Дж. П. Джамshedов - Душанбе 2008 г. 978 с.
395. Кондакова, Н.И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондакова 2-е изд. испр. и доп. -М.: Наука, 1975.- 720 с.
396. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин -М.: Госиздат "Сов.энциклопедия" , 1967.-1264с.
397. Лингвистический энциклопедический словарь. -М.: Сов. энциклопедия, 1990.-685 с.
398. Чоматов, С. Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ: инглисӣ-русӣ-тоҷикӣ. С. Чоматов –Д.: Шучоиён, 2011. - 250 с.
399. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. -М.:

Иностранная литература, 1960.-435 с.

400. Махмадназаров Абдусалом. Словарь английского и таджикского языков. / А. Махмадназаров Душанбе 2011 г. -1015с.
401. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин - М.: Изд-во МПУ «Народный учитель», 2001. - 282 с.
402. Хусейнов Х., Шукурова К. Лугати терминҳои забоншиносӣ / Х. Хусейнов – Д.: Маориф, 1983. - 256 с.
403. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов – Москва: Азбуковник, 1999. – 944 с.
404. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. / С. И. Ожегов -М.: Азбуковник, 1999. - 944 с.
405. Розенталь, Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова.- 2-е изд. -М.: Просвещение, 1976. - 544 с.
406. Русско-таджикский словарь.-М., 1985.
407. Рустамов М. Таджикская грамматическая терминология. М. Рустамов – Д.: Дониш, 1972. -124 с.
408. Словарь русского языка в 4-х томах. Том 4. Под ред. Л. Л. Кутина, В.В. Замкова. -Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. –1088.
409. Словарь русского языка в 4-х томах. Том 4. Под ред. Л. Л. Кутина, В.В. Замкова. -М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. -1088.
410. Словарь русского языка в 4-х томах. Том. 3. Под ред. В.Д. Розанова и И.И. Матвеева.-Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. – 992 с.
411. Словарь синонимов русского языка. Том 1. –Л.: Наука, 1970. - 680 с.
412. Словарь синонимов русского языка. Том 2. –Л.: Наука, 1971. - 656с.

413. Таджикско-русский словарь. В 2 тт.-Душанбе, 2005-2006.
414. Таджикско-русский словарь.М., 1954.
415. Толковый словарь русского языка в 4-х томах. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Том. 3. -М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1939.-1424 с.
416. Толковый словарь русского языка в 4-х томах. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова.. Том. 4. -М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1940.-1500 с.
417. Толковый словарь русского языка в 4-х томах. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Том. 1. -М.:Государственный Институт «Советская энциклопедия» ОГИЗ, 1935.-1562 с.
418. Толковый словарь русского языка в 4-х томах. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Том. 2. -М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1938.-1040 с.
419. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (ибораат аз ду ҷилд).Ҷилди 1. А-Н.-Д.: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти Рӯдакӣ, 2008. -950 с.
420. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (ибораат аз ду ҷилд).Ҷилди 2. О-Я. -Д.: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти Рӯдакӣ, 2008. -945 с.
421. Фарҳанги забони тоҷики. Т. 1-2.-М., 1969.
422. Философский энциклопедический словарь. - М.: Инфра-М, 2009. - 840 с.
423. Философский энциклопедический словарь: Сов. энцикл., 1983. - 839с.
424. Ҷамшедов П. ва диг. Луғати англиси-тоҷикӣ. / П. Ҷамшедов Душанбе, 2006.
425. Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage. Oxford, 1957
426. A dictionary of linguistics and phonetics. Fourth edition. - USA: Blackwell Publishers Ltd, 1997. - 426 p.
427. Crystal, D. A. A dictionary of linguistics and phonetics. -Oxford: Blackwell, 2008. 6th edn. -529 pp.

428. Oxford Dictionary of Current English. Fourth edition. - Oxford. Oxford University Press, 2006. -1081 p.
429. The pocket Oxford Russian dictionary. // Russian-English/ English - Russian. Second edition. - Great Britain: Oxford University Press, 1994. 622 p.
430. Webster's new collegiate dictionary. - USA: G. & C. Merigam Co., Publishers Springfield, Mass., 1950. - 1214 p.
431. Webster's third new international dictionary of the English language unbrigded with seven language dictionary. Volume I. A to G. - USA. Chicago. 1993. - 1016 p.
432. Webster's third new international dictionary of the English language unbrigded with seven language dictionary. Volume II. H to R. - USA. Chicago. 1993. - 1993 p.
433. Webster's third new international dictionary of the English language unbrigded with seven language dictionary. Volume III. S to Z. - USA. Chicago. 1993. - 3135 p.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. АД — А. Дехотӣ. Куллиёт, иборат аз 5 чилд. Душанбе, 1965.
2. АЛ — А. Лохутӣ. Куллиёт, иборат аз 6 чилд. Сталинобод, 1961.
3. АЧ — А. Г1. Чехов. Собрание сочинений в 12 томах, М., 1962.
4. АШ — А. Шукӯҳӣ. Нияти нағз, Ирфон, Душанбе, 1966.
5. АҚ — А. Қаҳҳоров. Роҳҳо ва мулоқотҳо, Душанбе, 1967.
6. АСТ — Адиб Собири Тирмизӣ. - Ашъори мунтахаб, Душанбе, 1965.
7. ГС — Г. Серебрякова. Похищение огня. Кн. I и II М., 1962.
8. И — газета «Известая».
9. ИЭ — И. Эренбург. Падеиие Парижа, М., 1959.
10. КТ — газета «Комсомоли Тоҷикистон».
11. КХ — Камоли Хучандӣ. Мунтахабот, Душанбе, 1960.
12. ЛГ — «Литературная газета».
13. ЛТ — Л- Толстой. Воскресение. Крейцерава соната, Кишинев, 1969.

14. МА — М. Аминзода. Баҳори дил, Душанбе, 1964.
15. ММ — газета «Маориф ва маданият».
16. МР — М. Раҳимӣ. Шарораи ҷовид, Душанбе. 1967.
17. МТ—М. Турсунзода. Асарҳои мунтахаб, ҷ. 1, Г, Душанбе, 1962.
18. МШ — М. Шолохов. Судьба человека, М., 1965.
19. НГ.— Н. В. Гоголь. Петербургские повести, Л., 1953.
20. НХ — Носири Хисрав. Сафарнома, Душанбе, 1970.
21. ПП — Я. И. Калонтаров. Таджикские пословицы и поговорки по аналогии с русскими, Душанбе, 1965.
22. ПҲ— Панду ҳикматҳо, Душанбе, 1960.
23. С — Саъдии Шерозӣ. Мунтахаби куллиёт, Ҷ. I, Душанбе, 1956.
24. СА — С. Айнӣ. Куллиёт, Сталинобод, 1958.
25. Самак—Самаки айёр, ҷ. 1, Душанбе, 1967.
26. СУ — С. Улуғзода. Асарҳои мунтахаб, ҷ. 2, Душанбе, 1969.
27. ТС — газета «Тоҷикистони советӣ».
28. УХ — Умари Хайём. Рубоиёт, Душанбе, 1963.
29. Ф —А. Фирдавсӣ. Шоҳнома, Душанбе, 1964.
30. Фарҳанг — Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик, - Душанбе, 1963.
31. Фольклор - Фольклори сокинони сарғахи Зарафшон, Сталинобод. 1960.
32. ФМ—Ф. Муҳаммадиев. Сози Мунаввар, Душанбе, 1969.
33. Х —Ханда ва истехзо, Душанбе, 1962.
34. Хорпуштак — журнал «Хорпуштак».
35. Ю — журнал «Юность».
36. Х —Ҳилоли. Ғазалиёт, Душанбе, 1970.
37. ҚЗ — Қикояҳои зарбулмасал, Душанбе, 1970.
38. ҲС — Ҳочӣ Содик. Додамро ба кӯ гӯям? Душанбе, 1973.
39. ҲШ — Ҳофизи Шерозӣ. Мунтахаби девон, Сталинобод, 1957.
40. А. Ҷомӣ. Баҳористон, Душанбе, 1966.